Лидия Штерн

Как я свалила из Германии обратно в Россию

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Еще не так давно многие из нас были очарованы заграницей, где молочные реки текут в кисельных берегах, где люди добры друг другу и все улыбаются, где царит достаток и магазинные полки ломятся от доступных по цене деликатесов. Так думала главная героиня этой книги – питерская журналистка Анна. В «лихие 90-е» она отправляется в благополучную Германию. Ей казалось, что исполнились самые заветные ее мечты, и блестящее будущее ей обеспечено… Но оказывается она в подпольном борделе…

Героине предстоит увидеть своими глазами все самые темные стороны «западной демократии»! Книга основана на реальных событиях.

- Лидия Штерн
  -
  - Дорогой читатель!
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Эпилог

- notes
  - 1

Лидия Штерн
Как я свалила из Германии обратно в Россию

Эта книга посвящается всем женщинам России, ближнего и дальнего зарубежья, разделившим судьбу Анны.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Дорогой читатель!

Перед вами книга о sandwich-generation поколении, чьи юность и становление личности пришлись на девяностые годы прошлого века. Волею судьбы это поколение оказалось между двух эпох – уходящей советской и новой, непонятной и во многом враждебной.

Особенно тяжело в то время пришлось женщинам. Многие, очень многие из них, не выдержав жизни на развалинах Союза, искали тогда счастья на золотом Западе. Все по-разному, но с одинаковой надеждой на лучшую, достойную жизнь. О подлинной цене их иллюзий эта книга.

Весь материал, вошедший в издание, документален, биографичен. Его составили подлинные встречи автора с женщинами, живущими как в России, так и за рубежом.

Глава 1
Как выжить?

Питер, сентябрь 1996 г.

Я сидела в гостиничном номере и бессмысленно смотрела в стену. Одно было очевидно: так дальше жить нельзя.

Разведясь с первым мужем в начале девяностых годов, я и не предполагала, что на меня навалится столько проблем. Проживание в тесной питерской коммуналке, где за тонкой стенкой можно было слышать все подробности жизни соседей, брань алкашей, а вечерами громко работающий телевизор – «all inclusive».

Но и это было еще не все. Я понятия не имела, что в государственных учреждениях начнут задерживать зарплату, а выдача алиментов на сына будет так умопомрачительно строго отслеживаться бывшим мужем – не дай бог лишнего заплатить! Во время задержки зарплаты задерживались и алименты на сына, назначенные судом. Как жить? Если занимать деньги, то при инфляции девяностых они уже через день обесценивались…

Но я не падала духом. На выручку мне приходили советская смекалка и умение экономить. Советский образ жизни, давший трещину в самом основании, разваливался по частям болезненно долго, и этот процесс невозможно было остановить. Но что-то хорошее все еще поддерживало фундамент прогнившей и разрушающейся системы.

Да и сын у меня был настоящий ангел: никаких сцен или просьб купить игрушку, никаких истерик. Саша спрашивал так, как спрашивают только любящие и заботливые близкие люди: «Мам, а у тебя есть деньги купить мне ту машинку, которую мы сегодня видели в «Детском мире»? Конечно, приходилось выкручиваться с ответом: не «до следующей зарплаты» – таких понятий уже не было, – а «до реальной выдачи денег». Потому что советские и вновь образующиеся, уже российские, банки делали на нас и наших детях свои деньги.

Когда отец забирал Сашу к себе, в Архангельскую область, я пыталась успевать работать в нескольких местах – чтобы поправить свое экономическое положение.

В Комитете природы на улице Желябова, где я трудилась, уже месяц не выдавали зарплату, и все в кабинете сидели понурые и совершенно деморализованные. В это же время в стране зарождался и рос со скоростью сорной травы на плодородной почве частный бизнес. Как-то раз я сказала себе: «Сколько еще

ждать, пока кто-то придет и поможет? Надо действовать!» И… ушла в частную фирму, где из ничего создавали что-то. Видео. Фильмы.

Политические сюжеты. Разную чепуху, любые репортажи – лишь бы платили бабки. И их платили. Как это ни прискорбно, все это отражало в себе, как в зеркале, наполненность новой эпохи – девяностых годов двадцатого века. Путч 1991 года и баррикады перед горсоветом на Иссакиевской площади. Очереди в сберкассы за деньгами и в магазины за дешевыми продуктами. Первые частные ларьки на Сенной. Жалкий вид наших пенсионеров, всю жизнь проработавших на родную державу и оставшихся в это время перемен нищими.

К счастью, в провинцию, в глухие российские деревни, подобные перемены приходят не сразу, а спустя время. Но если они приходят, то уже окончательно и бесповоротно, и тогда трещит и разлетается на куски сам фундамент…

Помимо частной фирмы, я тогда работала еще в Доме радио – журналистом одной из программ, которую днем монтировали, а вечером вели в прямом эфире перманентно пьяные ведущие. Они постоянно приглашали меня в буфет, где сидели до последнего, пока не сваливались под стол. Но мне-то было не до буфетов. После многочисленных интервью, обзора культурной жизни города я монтировала с оператором свои материалы и мчалась по улицам Питера забирать сына из садика.

Мое тело не знало покоя, а душа жила в постоянном напряжении. Приходилось часто менять работу или трудиться сразу в нескольких местах, как это делали многие одинокие женщины, те, кто вынужден был самостоятельно кормить и обеспечивать своих детей. За шесть лет в Питере я успела поработать не только в частной фирме и на радио, но и в информационном агентстве «Интерфакс», в горсовете, в Законодательном собрании на Иссакиевской.

Для журналиста Законодательное собрание – это не только океан информации. Работа в центре этой пульсирующей артерии власти – это еще и огромная, ни с чем не сравнимая школа жизни. Особенно для молодой, привлекательной женщины! Ты видишь власть в ее неприукра-шенном виде и утрачиваешь иллюзии.

Тех, кто в нашей стране дорывался до власти, частенько охватывал синдром вседозволенности. В советское время злоупотребления были не просто нормой, а стилем жизни. На Западе власть имущие из-за каких-то проблем, отвечая требованиям своих избирателей и приняв вину на себя, часто уходят в отставку. У нас же страна богатая. На всё. И на холопство, и на откровенное барство.

В один из летних рабочих дней в здании областного совета ко мне подошел первый помощник губернатора Бердюкова. С особой вежливостью он сообщил, что губернатор хотел бы поговорить со мной и дать интервью. Я очень удивилась и обрадовалась! Как выяснилось позднее, уже не «товарищ» (старая коммунистическая школа), но еще и не «господин» (наклевывались новые титулы). Бердюков рассчитывал совсем на другое…

Лишь когда меня пригласили в приемную губернатора и первый помощник пропел мне с улыбочкой в ухо, что Владислав Григорьевич уже ждет, до меня начало доходить, в чем дело. После короткого разговора, мало похожего на интервью (зря тяжелый советский диктофон тащила!), губернатор пригласил меня на обед. Естественно, без первого помощника. Конечно, старая партийная школа и «моральная устойчивость» власть имущих формировали и стиль поведения, и определенные манеры. От этого никуда не деться. Харизматичный щедрый человек, милая беседа… Но когда время подошло к вечеру, из уст губернатора прозвучал вопрос, не требующий ответа: «Ну что, красавица моя, поехали?»

Ответить отказом, закричать, возмутиться – значит потерять работу. Я поняла, что попала в ловушку. Я находилась в полном распоряжении этого вальяжного, властного человека, для которого нормальным было иметь загородный коттедж для особых встреч с приставленной к нему государственной секретной охраной (!) и кучей прислуги. А те могли и баньку натопить к его приезду, и свежее бельишко постелить, как в гостинице, – если вдруг ему захочется провести время с очередной любовницей. Все делалось по сигналу. По звонку. Он же губернатор! Разве ему можно отказать? Работу терять не хотел никто.

Но если во Франции восемнадцатого века мэтрессу или любовницу в благодарность одаривали домом или содержанием, то для партийных работников советского разлива было нормой брать лучшее, в том числе и красивых женщин, и использовать по своему усмотрению. А после – не благодарить. И не спрашивать: «Что я могу для тебя сделать?» Брать, пока они имеют власть, брать, сколько успеют и смогут унести.

И когда у меня на горизонте появился надоедливый депутат Олег Самсонов из областного совета, я даже не знала, как реагировать и что отвечать на его знаки внимания. Наученная опытом общения с власть имущими и вынужденная соблюдать осторожность, я теперь разделяла работу и личное и не подпускала к себе всемогущих рыцарей. Но свежий кавалер ходил за мной по пятам, как тень. Наверняка ведь женатый, думала я. И

что ему надо?

Я вспомнила, как Самсонов не давал мне прохода, бродил за мной как завороженный, а в перерывах заседания Законодательного собрания даже провожал в женский туалет. Мне казалось, что все правительство области знает об этом. Самсонов названивал по телефону, умолял поговорить, просил понять, что он ни жить, ни спать без меня не может, даже, бедный, потерял аппетит!

Конечно, как и предполагалось, Самсонов был женат. Но, стоя передо мной на коленях, Олег дал обещание, что мы будем вместе во что бы то ни стало. Настолько сильна его любовь… И я не выдержала, смягчилась, поддалась словам и обаянию этого человека…

Глава 2
Что предпринять?

Гостиничный номер принадлежал Самсонову. Каждый депутат областного совета имел право на отдельные апартаменты. Свои, просторные, с высокими потолками, Олег с удовольствием превратил в место свиданий, и меня это вполне устраивало. Я приходила сюда отдохнуть от коммунального стресса, а иногда и поработать в тишине.

Наша связь продолжалась уже полгода. Несколько раз я порывалась уйти, но в результате все равно оставалась с Олегом. Наверное, его спокойный и веселый нрав уравновешивал мой взрывной и импульсивный характер, своим легким отношением к жизни Самсонов успокаивал меня. Но и только…

Я вздохнула, подошла к гостиничному окну и отодвинула светло-серые, цвета питерского неба, шторы. Окна номера выходили во двор-колодец, сдавленный со всех сторон домами, мрачный и беспросветный.

«Как моя жизнь… – подумала я. – Все эти бессмысленные, пустые метания между коммуналкой, посредственным любовником и вечными поисками работы – участь мелкой рыбешки в аквариуме…» При этом я совершенно не ощущала себя как рыба в воде. Мне хотелось изменений, движения к чему-то большему, пусть даже это будет связано с риском.

«Главное не топтаться на месте», – думала я. Надо что-то предпринять. Что-то… Но что?

Внезапно меня осенила мысль: газеты… Там масса нужных объявлений…

На следующий день я купила пачку газет и, выпив чаю, стала подробно просматривать объявления. Парочку интересных обнаружила. При этом я чувствовала, что вошла в азарт, и чем непонятнее был смысл предложенного, тем больше это меня интриговало.

Из Законодательного собрания Ленобласти позвонил Самсонов – он уже во второй раз избирался в депутаты по своему округу. Я выслушала его любовные излияния и «окончательное решение», что от жены он не уйдет, потому как «она такого не переживет». Я чувствовала: новая, двойная, роль любовника и мужа доставляет Самсонову наслаждение, и в этом для меня было что-то противное. Олег сказал, что еще на парочку часов задержится, и добавил, что о-о-о-чень меня хочет и чтобы я его, разумеется, ждала.

Отгоняя грустные мысли, я продолжала исследовать газеты дальше. Одно из объявлений заинтересовало меня, и я решила сразу позвонить.

В телефоне звучал довольно приятный женский голос, да и предложение казалось на удивление перспективным. Условились о встрече здесь, в номере, чтобы все спокойно обсудить, разумеется, без свидетелей – лишний раз оправдываться перед Самсоновым мне было ни к чему. В конце концов, менять он ничего не собирался, лишь с удовольствием проводил со мной время, что не мешало ему требовать очистить номер, если вдруг в город приезжала жена. Тут уж он не церемонился.

Я чувствовала, что спонтанно придуманный план должен удаться. Странное ощущение правильности действий и подстегивало меня, и успокаивало одновременно.

Встреча с Тамарой (так звали посредницу из газеты) состоялась ровно в шесть часов вечера. Плотная, невысокого роста женщина лет тридцати пяти, по виду провинциалка (как потом выяснилось, родом из Челябинска), крепкой, тяжелой походкой вошла в комнату. Поступи этой соответствовала и деловитость: Тамара знала, чего хотела. Подбирая подходящий для Европы живой русский товар, она зарабатывала в среднем сто долларов в день…

– Ух, ты! – у меня перехватило дыхание…

– Я и не представляю, как можно жить на другие деньги! – парировала дородная женщина.

Позднее, когда я увидела напичканную дорогими вещами, увешанную и устланную коврами квартиру Тамары, мне захотелось смеяться и плакать одновременно. После обнаженной десятиметровки в питерской коммуналке это бесстыдное изобилие поражало.

Посредница угадала Анины мысли:

– Я обязана принимать своих гостей, как в Европе.

«Своих гостей или свой товар?» – Меня разобрал смех. Я чувствовала – здесь мне душно, это не мой мир. Но нужно было во что бы то ни стало изменить жизнь, и я промолчала.

Тем более что таким товаром была теперь и я сама.

Вернувшись в гостиничный номер, я с грустью подумала о сыне – он гостил у родственников в Архангельской области. Что будет с ним? Когда теперь мы увидимся? Но прервала себя и стала мысленно продвигаться к реализации своего плана. Чтобы убедить турагентство, занимающееся визами в Германию, что товар-де подходящий, мне необходимы были эротичные фотографии. И я уговорила дурака Самсонова принести фотоаппарат, чтобы сделать пару классных снимков на память.

Ничего не ведающий депутатик с присущей ему коммунистической страстью в делах эротики фотографировал, припевая: «Ну какая у меня девочка замечательная, а какие формы!» Много одежды не потребовалось: светлое белье, телесного цвета колготки и тонкий белый шарф, имитирующий коротенькую юбку. Немного косметики, улыбка на лице – остальное было делом природы. В свои тридцать четыре года я выглядела на десять лет моложе и была уверена в успехе дела.

На внезапный, не такой уж наивный вопрос Самсонова: «А для чего тебе нужны фотографии?» – Я игриво улыбнулась и, чтобы увести разговор в сторону, напомнила Олегу, что у него сегодня заседание в правительстве. Тот со стахановской энергией отпарировал: «Вначале секс! Давай… Давай быстренько… А потом и на заседание! Не для того же я мою девочку фотографировал, чтобы так просто убегать!» И не успела я оглянуться, как он уже стоял передо мной без штанов…

Фотографии были готовы через пару дней, отданы посреднице, и я должна была на последние деньги оформить себе загранпаспорт. К счастью, это не составило особого труда: уже через неделю я получила документ.

Автобус в Германию шел из Москвы. У Самсонова было какое-то мероприятие в думе, и он вызвался проводить меня на вокзал. Особой тоски на лице Олега не было, но все же он счел своим долгом намекнуть, что «бросят его на произвол судьбы».

На душе у меня было пусто и холодно…

Ночь перед отправлением я провела у сестры, жившей с семейством на окраине Москвы. Долго не могла уснуть. Колотило от волнения, и я просто не вылезала из туалета. Наверное, это было психосоматическое расстройство.

Наутро я купила «Имодиум» в аптеке и сухари в продуктовом магазине. Это был мой паек на дорогу в неизвестность, в путешествие, которое хоть и приносило столько беспокойств, но обещало перемены. А перемены всегда к лучшему – так я думала тогда.

Глава 3
Живой товар

Автобус шел через Белоруссию с пересадкой в Бресте, на границе. После двух дней и ночей в салоне пахло потом, немытым телом, вонючими, будто никогда не стиранными мужскими носками. К этому примешивался микс из алкоголя, лука, табака и вареных, а скорее, уже тухлых яиц.

Уже к концу первого дня путешествия – еще даже не стемнело – водителям пришлось закрыть туалет, потому что, по их словам, «наши граждане просто не умеют им пользоваться». Уголок задумчивости был забит бумагой, ватой, газетами, а может быть, и тухлыми яйцами.

– Как теперь без параши, а? Хреново! – раздался сиплый голос одного из пьющих с «камчатки».

– А так! Будете ждать остановок, – уверенно ответил водитель.

– Ни х… себе! – автоматом отреагировал все тот же сиплый.

Салон автобуса пестрил разнообразием лиц, манер и сословий. Здесь были и немцы, и казахи, и русские из Сибири. Все они ехали проведать своих на новой Родине. Поначалу все были незнакомы и присматривались к друг другу, волнение и напряжение висело в воздухе. Но потом все улеглось, и публика стала потихоньку расслабляться…

Уже через несколько часов слышались смелые голоса, особенно с «камчатки», где распивали истинную русскую… И шум пустых бутылок стал постоянным спутником всех пассажиров автобуса.

Сидящие в хвосте без остановки пили и болтали так, что их громкая речь и привычный мат росли подобно грибам в лесу после хорошего дождя. И чем ближе подъезжал автобус к ухоженной и стильной заграница, тем более выпуклым и уродливым казался контраст пьющих и матерящихся русаков с мелькавшей за окнами картинкой – ухоженными, отштукатуренными зданиями, подстриженной травой, безупречными цветочными клумбами.

Вначале я увидела Польшу, в которой было все же больше порядка и чистоты, чем в растрепанной и разорванной властями и распадом Союза родине. А потом – и Германию…

Маленькие, чистенькие, будто с картинки сошедшие домики постепенно становились все богаче и разнообразнее, чем дальше автобус продвигался на Запад. Чистота и красота улиц, фонтанов,

цветов пьянила, обещая в уже создаваемых на ходу фантазиях так много необычного и нового – сказочного…

«Наконец-то после долгого, непреходящего внутреннего напряжения и страха я приближаюсь к долгожданной золотой стране…»

Одновременно с радостью росла и тревога. Ведь, как ни крути, я ехала в неизвестность. Еще в Москве я поняла, что ситуация не так благостна, как ее расписывала Тамара. Вместо Евгении, русской и, как утверждали, весьма симпатичной особы, меня встретил грек, жених Евгении, Кириякос (как потом выяснилось, один из центральных сутенеров греческой компании). Сама заказчица живого товара в это время находилась на «важном тайминге» в загсе, где заключался фиктивный брак между русской девушкой, работавшей в баре, и ее будущим мужем, живущим в Германии.

Прибытие автобуса ожидала толпа народа. Друзья и родственники сидящих в салоне улыбались и махали им руками. Мне не улыбался никто.

Я огляделась и увидела стоящих неподалеку двух молодых мужчин. Один из них, согласно описанию, и был женихом Евгении: темноволосый, привлекательный, но с холодными, стеклянными глазами. Его напарник – невысокий и коренастый – отличался бандитской выправкой и накачанными мускулами.

Я сама пошла им навстречу (если бы я только знала, куда иду!), затем, подчинясь жестикуляции Кириякоса, села в спортивный «Мерседес», по всей видимости, последний писк автомобильной моды и техники. Мою дорожную сумку коренастый грек бесцеремонно бросил в багажник другой машины.

Через центр они поехали к окраине Гамбурга. Заводы, фабрики – огромные промышленные территории. Присмотревшись к работникам в белых халатах и перчатках, я поняла, что они заезжают на территорию мясокомбината. Из больших цехов вывозили огромные туши обработанного мяса со штемпелями для отправки в торговлю.

В офисе, куда они приехали, их ожидала еще одна пара молчаливых греков. Кириякос указал мне на стул, а сам расположился в нескольких шагах. По всей видимости, этот офис был местом получения и передачи товара, а также выяснения всяких формальностей между дельцами.

Почему-то тут не зажигали свет. Никто ничем не занимался. Молчали или приглушенно переговаривались между собой. Иногда перезванивались по сотовому. Я сидела у окна, и когда мне становилось скучно разглядывать серые стены, я переводила

взгляд на уже покрытые желтизной с красным окатом листья деревьев за окном.

В окружении охраны я просидела на офисном стуле не меньше часа. Меня отпустили только в туалет, но и туда за мной последовали два грека. Мне было даже смешно: зачем меня так охранять? Я здесь все равно ничего и никого не знаю. Хорошо, хоть в уборную греки не заходили, а молча стояли в коридоре.

Еще через несколько долгих часов до Кириякоса дошло, что его заложница, наверное, голодна. Он протянул мне завернутый в фольгу сэндвич. Хуже и суше этого бутерброда я еще ничего не ела в своей жизни. А может быть, мне просто так казалось. Состояние мое было непонятным: смешение усталости, транса и напряжения. В то же время я пыталась контролировать, насколько еще позволяли силы, происходящее вокруг.

Наконец греки о чем-то договорились, и стало понятно: мы снова должны ехать. Как потом выяснилось, домой к Евгении и Кириякосу.

Квартира их находилась за городом, в многосемейном доме, с удобным, встроенным гаражом в подвале. Выйдя из машины, я попыталась что-то спросить у Кириякоса, но тот предупредительным жестом указал мне: «Тихо!» Вероятно, чтобы соседи не заподозрили, что через эту квартиру проходит конвейер по продаже иностранных девушек.

Кириякос потребовал у меня паспорт. Я показала ему документ, но грек ловко выхватил его из рук, сказав на искалеченном английском, что паспорту лучше быть у него, тем более я еще не отдала деньги за билет. Щелкнув замком, он запер паспорт в ящике секретера.

Вечером появилась Евгения со своей подопечной – новоиспеченной женой, девушкой двадцати двух лет, разумеется, без мужа – ведь брак был лишь фикцией. Заказали по телефону еду из греческого ресторана, отметили заодно удачную сделку в загсе и приезд новенькой.

Уже ночью снова поехали – греки впереди, я и Беттина, так звали вышедшую замуж девушку, на заднем сиденье. Нас везли в Северную Вестфалию. Здесь, в самой большой немецкой земле, располагалась уйма клубов и борделей, куда греческая мафия поставляла девушек для работы.

Ехали около трех или четырех часов. Все это время Беттина рассказывала о тонкостях жизни в борделе, о своем «муже», которого впервые увидела в загсе, и еще о всяких мелочах. При всей привлекательности девушки я, как ни старалась, не могла найти следов счастья на ее лице… Наконец все прибыли в одиноко стоящий на трассе бордель, где баркипером-шефом был

невысокого роста, с бегающими глазками моложавый турок.

В заведениях «красного милье», как называли отрасль, относящуюся к сексу, работала интернациональная публика. Владельцем такого заведения мог быть немец или араб, но весь персонал секс-работниц в девяностые годы состоял только из девушек родом из восточной Европы – Прибалтики, Польши, Украины и, конечно, необъятной России. Реже встречались представительницы Чехии, Венгрии и Румынии.

Девушки, приехавшие сюда за заработком, ожидали лучшей жизни, чудес, богатства, которыми, по их мнению, был переполнен золотой Запад. То, что они получали на самом деле, было поистине ужасно.

Глава 4
Заманки сутенеров и их тактика

Беттина рассказывала, что на основании брака, который так пропагандировала и расхваливала секс-бизнес-фрау Евгения, она может дальше работать, а главное, легально находиться в Германии. «Да! Столько, сколько мне захочется! – добавила девушка с едва заметным блеском в глазах. – Знаешь, главное – это три года выдержать, а потом здесь можно остаться на всю жизнь». Чувствовалось, что Беттина уже считает себя привилегированной по сравнению с новенькими, теми, кто только начинает свою карьеру.

Конечно, за фиктивный брак и его организацию русско-греческая компания устанавливала свою таксу. И таксу эту надо было отрабатывать. Брали в девяностые годы ни много ни мало три с половиной тысячи марок. После введения евро эта сумма, разумеется, удвоилась.

Как выяснилось позднее, «замечательная» возможность жить на Западе на самом деле стоила еще дороже. Девушки, согласившиеся на такого рода заманчивое предложение, со временем не выдерживали давления и зависимости от сутенеров. Страдали они и от однообразной жизни, направленной на удовлетворение похоти клиентов, и от бесконечного зарабатывания денег с целью оплаты фиктивного брака. В этом беге по замкнутому кругу у них оставалось одно – забыться. Больные, разбитые, обозлившиеся на весь мир и на самих себя, многие женщины попросту спивались или садились на иглу, что делало их еще более зависимыми от русско-греческой банды и чертова круга, из которого они не могли вырваться.

Как правило, именно самым молодым, здоровым и сильным телом девушкам не хватало силы духа остановиться, посмотреть на себя другими глазами и задаться вопросом: «Как я живу? Чем занимаюсь? Зачем мне это?» Они считали, что вся жизнь у них впереди, и не думали о последствиях, о том, что этот самый легкий и быстрый бизнес затягивает, затягивает, как жуткое гнилое болото. И погружаться в его темные глубины было куда легче, чем найти в себе силы уйти из этого пульсирующего опасностями промысла.

На наркотики и алкоголь были очень добры предприимчивые греки и русская сутенерша, в прошлом сама работавшая в отрасли древнейшей профессии. Зависимые от допинга, их жертвы все сильнее укрепляли стабильность сексуального бизнеса для своих

работодателей. В начале девяностых бизнес этот был относительно новым для русских и не требовал особенных знаний, умений или финансовых вложений. Поэтому для таких, как Евгения, он открывал бесконечную возможность предпринимательства и финансового процветания на дне – так же, как и для множества иностранцев, знавших только пару фраз по-немецки, не желавших учить язык и овладевать легальными специальностями. Такие ленивые, которым ничего не надо, и пополняли нишу криминала.

Накачанные бицепсы, чтобы дать в морду непослушным, отсутствие морали – этого было вполне достаточно для организованной преступности девяностых. Тем более что заграничный товар сам шел к ним в руки. Из-за железного, а теперь приоткрытого, занавеса в Германию ехали мало что видевшие в жизни девушки и молодые женщины, у которых работодатели сразу отбирали паспорта. Теперь они были не люди, а заложницы-рабыни, выполнявшие волю и условия бандитов.

Евгения любила повторять, что девушки, работающие на нее, должны быть ей благодарны. «Потому что другие работодатели не спрашивают девушек ни о чем.

Они просто сажают их на иглу. Насильно! Я же этого ни с кем не делаю!» При этом Евгения неоднозначно и как-то по-чертовски хитро улыбалась.

Секс-бизнес и девяностые годы шли неразрывно друг с другом. И распад огромного Союза кормил таких евгений и кириякосов, которым никогда не было много, а хотелось все больше и больше денег…

У сутенеров менялись машины, мобильники, мебель, квартиры, дома… Оплата происходила, как у всех криминальных. На месте. Кеш. Или, как говорят немцы, «бар».

Глава 5
Жизнь в первом борделе

Заведение красного милье хоть и отвечало своему названию, встречая работниц и гостей действительно красными огнями, лампами, создающими уютную и располагающую атмосферу, все же таило в себе массу неизвестного.

В тот вечер, когда привезли меня, клиентов в борделе было немного. Девушки просто сидели и думали о своем или наблюдали за происходящим. Я осмотрелась: некоторые из них были моего возраста, кое-кто постарше, были и совсем зеленые, которым, похоже, едва восемнадцать стукнуло.

Приятная музыка так и тянула к свободе танца. Я стала танцевать. К ней присоединилось несколько девушек, остальные сидели и ждали клиентов. Чем-то это место напомнило мне сцену в театре, однако, как потом выяснилось, играть на этой сцене нужно было совсем в другом жанре.

В баре царили свои неписаные правила. Как в армии. Старослужащие девицы, особенно украсившие себя статусом замужних, числились на особом счету. Они всегда были правы, даже если просто качали права. Новенькие же были никем и ничем. Я этого пока не знала. Как и не знала о том, что лучше в таком заведении сидеть и не высовываться. Молчать. Наблюдать. И пытаться просто зарабатывать деньги.

Условия жизни здесь были далеки от комфортных. Комнат было меньше, чем работающих, спальных мест не хватало. Зачастую девушкам приходилось спать вдвоем на одном брошенном на пол матраце. Эти стесненные условия даже близко не соответствовали тому, что было обещано при приеме на работу, и я решила отстаивать свои права на отдельный матрац. Я даже не предполагала, к чему это приведет…

Между девушками часто возникали ссоры. От монотонно-изнурительной, подавляющей и бездуховной жизни срывались многие. Не прошло и пары дней, как между мной и одной старослужащей вспыхнул конфликт. Натравить ее на новенькую было легче легкого. Старая торчала в этих условиях уже не первый год и частенько пребывала в пьяном виде.

Поводом к конфликту стал пустяк: я спросила о чем-то у старой, той не понравилось, а поскольку она была, как всегда, невменяема, а от этого агрессивна, разразился спор. Тут же налетели машущие руками прибалтийки, которые только и ждали, чтоб отомстить мне за мою независимость и желание жить

отдельно. Вслед за ними на пороге комнаты возникли сутенеры-боксеры. Здоровенные мужики с засученными рукавами как следует всыпали мне за все.

Мне хватило пары ударов, и я была уже на полу, в истерике, не понимая, за что меня бьют и почему ко мне прицепились эти прибалтийские секс-работницы.

Но понимать условия этого милье от меня и не требовалось. Нужно было просто жить по его неписаным правилам. Если, конечно, ты хотела выжить…

Глава 6
Второй бордель

Из первого борделя, где произошел конфликт и где заправлял мило улыбающийся турок, не пропустивший мимо себя ни одну российскую или прибалтийскую молоденькую красотку, меня перевели в другое заведение.

Второй бордель или, как его здесь называли, «пуф», находился недалеко от важного дорожного перекрестка, идущего к автостраде. Удобное место для клиентов: анонимно, нет никаких заведений, общественных мест поблизости. И никто не догадается, где и как муженек или коллега проводит свободное время.

В пуфе номер два жизнь у меня текла спокойнее, а может, я поняла кое-что из опыта прошлых дней. Здесь было больше комнат и отдельных кроватей, а не просто в углу брошенных матрацев, как в первом борделе. Однако никакой обособленной жизни все равно не получилось. Поначалу все жили в комнатах по трое или четверо, но вскоре баркиперша Карла, сухая, высокая австрийка, распорядилась перенести все кровати в одно большое помещение и поставить их в два ряда. Получилась настоящая солдатская казарма, только в заведении à l'amour. В этих условиях мне предстояло провести еще неизвестное количество дней и ночей…

Среди работниц секса особенно выделялись две группы. К первой относились женщины, отчаявшиеся и уставшие от бардака и хаоса, которые творились в экономике и политике бывшего Советского Союза. Они хотели хотя бы таким ремеслом немного заработать и улучшить свое финансовое положение. Некоторые приезжали с подругами, и я им слегка завидовала – переносить тяготы вдвоем было намного легче.

Вторую группу представляли хладнокровные, уже завербовавшиеся на золотом Западе молодые девушки. Они не думали о будущем, о последствиях подобной работы и жизни и считали себя особенными, крутыми, ведь им удалось попасть *сюда*…. Те из них, кто воспользовался фиктивным браком, все сильнее пропитывались стилем красного милье и соответствующими манерами, вульгарностью представительниц древней профессии. Этот стиль поведения состоял из мутного коктейля надменности, злобы, отчаяния и мести, которые были логичным результатом их прямой зависимости от сутенеров.

Последние же не забывали вести калькуляцию, раздавая

своим рабочим лошадкам кредиты, очередные заманки и обещания, одновременно затягивая узелок потуже.

Девушки, приехавшие на работу через посредников, вынуждены были делиться своими доходами: половину с суммы заработка забирала баркиперша в счет борделя, большой кусок с оставшейся половины шел в карман сутенерам. Каждой девушке, прибывшей сюда несамостоятельно – а таких было девяносто пять процентов, – оставалась лишь четверть всего заработка. Из этой суммы необходимо было не только отработать билет, который ей оплатили вперед сутенеры, но и заработать на поездку обратно – в Россию, Прибалтику, Украину или Молдавию. Кроме этого, нужно было жить и поддерживать форму, поэтому расходы на бытовые нужды, аксессуары для работы – нижнее белье, косметику, туфли – были неизбежными.

В пуфе номер два я поняла еще одну важную вещь, которую не учитывала раньше: в подобном заведении необходим контроль и самоконтроль. Ни расслабиться, ни кому-то довериться здесь было нельзя – между работницами борделя процветали конкуренция и настоящий шпионаж. Особенно ярко проявляли себя в этом девушки из советской провинции.

Самостоятельно мыслить они не умели, а потому, по их же выражению, «задницу лизали» работодателям. Сутенеров по своей наивной русской натуре они почитали благодетелями, почти отцами, которым-де, родненьким, подчиняться надо.

Кроме того, свою роль играл алкоголь. Помимо сопутствующих знакомству с клиентом обязательных трех-четырех бокалов просекко, многие пили и наедине с собой, любимой. На фоне этого росли непредсказуемость поведения, агрессия. И любое неосторожное слово, сказанное товарке в таком состоянии, могло дорого обойтись. Потому приходилось молчать. Даже если молчать уже было невмоготу.

Но трудности твои здесь никого не интересовали – ни баркипершу, ни сутенеров. Их делом было только считать и получать деньги. Для этого они приезжали регулярно. Привозили большой пакет кондомов, собирали от шестерок свежие новости и нужную информацию о тех, кто о себе сам много не говорил, и, получив свой навар, спешили ретироваться.

Мое прибытие на золотой Запад совпало с расцветом осени, временем года, которое я очень любила, – серединой сентября, поэтому, несмотря ни на что, каждый день я проводила в надежде на чудо, на удачное будущее и встречу с хорошими, добропорядочными клиентами.

Среди постоянных клиентов борделя были и одинокие мужчины, и женатые, но неудовлетворенные своей семейной

жизнью. Как правило, они относились к девушкам с симпатией, почтением и дружелюбием. Конечно, не все, но большая часть, особенно коренные немцы. Девушки, не ощущавшие в чужой стране тепла и понимания, ценили доброе отношение и платили клиентам той же монетой, прикладывая к этому все свои таланты и возможности. Между некоторыми обитательницами и посетителями борделя иногда складывались действительно дружеские отношения.

Мне везло с клиентами. Некоторые из симпатии к русской добавляли мне чаевых. Наученная жизнью я, конечно, этого не афишировала. Но однажды прокололась. Когда в бордель пришел владелец ателье по пошиву зимней одежды и предложил модели на продажу, я, собрав все сбережения, купила себе теплую куртку. Однако радость моя по поводу покупки была недолгой – услужливые бабенки из числа пресловутых шестерок не дремали. Я оглянуться не успела, как они тут же по телефону донесли горячую новость Евгении. Сутенерша потребовала меня к телефону, отчитала и распорядилась, чтобы мне не выдавали каждодневной четверти заработка, – надо, мол, сперва, за билет расплатиться. Ей и дела не было до того, что на улице стояли непривычные для Германии морозы, и я мерзла в своем единственном плаще.

Шестерки сидели тут же, как преданные собаки, высунув языки. Они ощущали важность сделанного и были удовлетворены результатом.

Глава 7
Береги честь смолоду

В этом бизнесе девушки нередко использовали псевдонимы. Так поступила и Изабель. Ей было от силы лет двадцать пять. В отличие от шестерок, она вызывала у меня откровенную жалость и, конечно, человеческую симпатию. Вздорная, молодая, белокурая и симпатичная девушка приехала сюда, наверное, пару месяцев назад. Изабель не была профессионалкой, нет. Похоже, она и не думала об этом. Но, по всей видимости, в таком молодом возрасте у нее была неустойчивая психика или отсутствие силы воли.

В трезвом виде Изабель была просто милейшим и добрейшим существом. Но стоило ей с клиентами выпить пару бокалов легкого просекко, как она во что бы то ни стало желала большего – вина, коньяка или чего-то покрепче.

Изабель искала алкоголь везде и повсюду, заказывала таксистам, обслуживающим бордель. Если ей отказывали, она не владела собой, и тогда начинался просто кошмар. Изабель орала на тех, с кем еще час назад мирно беседовала, придиралась к любой запятой и, как зверь перед нападением, ждала, чтобы выместить на ком-нибудь злобу, отчаяние и свирепость. Она шла в атаку – вплоть до драки, до крупного скандала.

Горькая ирония судьбы состояла в том, что она была землячкой Евгении. Обе – и сутенерша, и ее жертва – происходили из одного и того же богом забытого русского городка, какие в нашей империи презрительно именуют провинцией.

Надо ли говорить о том, что у землячки-сутенерши не хватило сердца и ума распознать главное: Изабель нуждается в помощи. Ее следовало отправить к врачу, и как можно скорее. Но простая жалость к «своим» была неведома Евгении, и она убрала Изабель в секс-видеошоп, где та должна была отработать.

Подобных низкопробных заведений в Германии было бессчетное множество, их можно было найти и на трассах, и в заброшенных дешевых районах любого города. Секс-видеошопы посещали клиенты, ищущие быстрого, часто извращенного удовлетворения своих инстинктов. В отличие от посетителей пуфов и борделей, людей с образованием, профессией, положением, клиенты видеошопов относились к низшему классу немецкого общества. Здесь у бедной Изабель уже не было возможности применить улыбку, грацию, small talk. Да и

способности к языкам, умение общаться тут никого не трогали. Удовлетворять клиентов в секс-видеошопах было последним, и чрезвычайно мерзким, занятием.

Пожалуй, судьба Изабель как человека слабохарактерного типична для ее сверстниц, погнавшихся в годы распада великой Страны Советов за богатством, роскошью, легкой жизнью любой ценой, не рассчитавших собственных сил и соблазнов реальности и закончивших карьеру в сексбизнесе, удовлетворяя похоть возбужденных стандартной порнухой клиентов.

К сожалению, я, да и многие сочувствующие Изабель не могли помочь ей. Здесь каждый, как говорится, был только за себя! Потому что каждого в той или иной мере подстерегала опасность. Особенно тех, кто нестандартно мыслил и пытался, несмотря на почти тюремную жизнь, сохранить свою индивидуальность.

Во втором борделе я стала свидетелем показательной сцены между старыми и новыми работницами. Беттина, та самая новоиспеченная жена, ехавшая со мной в одной машине к месту работы, оказалась на короткое время в этом же баре. Вечером, в один из субботних дней, когда клиентов было немного, она, потягивая коктейль, сидела за барной стойкой. Алкоголь сделал свое дело, и Беттина стала заводиться. Она бросала ядовитые фразы в ряды девушек, сидящих за столиками у окна. Разумеется, новенькие, которые по возрасту и опыту жизни были мудрее Беттины, понимали происходящее без слов и чувствовали, что поддаваться на провокацию нельзя. Неважно, какие гадости при этом несет замужняя.

Меня всегда возмущало хамство крутых. Я попыталась взять новобранок под защиту и тут же попала в водоворот пьяной истерики. Злобные крики, мат, непристойные жесты так противоречили прекрасной внешности Беттины, еще не увядшей красоте и аппетитности девичьего тела, что мне стало ее жаль. Похоже, Беттина, как и Изабель, лишь искала повод, чтобы выместить свои зло, горечь, неудовлетворенность жизнью в этой тюряге. Я попыталась ей что-то сказать, но добрая коллега Мэри одернула:

– Не лезь! Не связывайся с ней. Ты же видишь, она сейчас невменяема!

Я поняла, что Мэри права. Пресытившись всем, что было в этих стенах, не найдя радости в новой жизни, Беттина просто мстила себе и другим за то, что привилегии свои она оплатила самым дорогим – лишением собственного выбора в жизни, своей свободой.

Глава 8
Клиенты и традиции

Как уже упоминалось, большинство персонала в немецких борделях составляли восточно-европейские девушки. Конечно, не все из них были стопроцентными моделями и сказочными красавицами… Но ведь они и попадали сюда не по приглашению салона от кутюр в Париже, а по объявлению об оказании сомнительных услуг. Однако сутенерам везло – девушки, приезжавшие сюда ловить синюю птицу счастья, были, как правило, хороши до чрезвычайности. Так что криминальный бизнес, зародившийся в 1989 году (объединение Германии) и расцветший пышным цветом в девяностые годы XX века, наводнил Германию восточноевропейским шармом. Как признавались сами западные мужчины, они не видели доселе столько привлекательности, красоты, элегантности и женственности. На базе экономических проблем бывшего Союза расцвела организованная преступность.

У некоторых представительниц нашей необъятной Родины на лице был несмываемый отпечаток наивности и любви к ближнему. Они полагали, что-де их преданное, теплое отношение к клиентам находится в прямом соотношении с финансовой обеспеченностью. Никуда дальше своей деревни не выезжая, они думали, что тут – лепота, Европа… – и совсем не понимали или не желали понять, что на самом деле это еще далеко не Европа и уж совсем не свободная жизнь.

Кроме того, девушкам явно недоставало знаний о менталитете западных мужчин. Сутенеры не проводили вводных лекций, а бросали живой товар прямиком в холодную воду.

Как и многие, я не сразу поняла, что западные люди, в частности немцы, хорошо осознают, где они находятся и что делают. Посещение борделя для них – это покупка тех же услуг, которые предлагаются в других отраслях экономики. Так же, как водитель «Мерседеса» покупает услуги техника, обслуживающего его машину, западный мужчина идет в бордель или пуф, желая побаловать свое тело, реже душу, женскими прелестями. Тратя на это деньги, немецкий клиент ожидает услуг, за которые он заплатил.

На пути девушек встречались, конечно, и романтики, ищущие возможность купить любовь. Но более трезвые и циничные умы скорее принимали тут отвлекающий от бытовых проблем, расслабляющий душ. О почти рабских условиях жизни девушек

они и слышать не хотели, поэтому до обсуждения этих тем с клиентом (да еще при плохом владении немецким) почти никогда не доходило. Каждый получал здесь только то или примерно то, за чем приходил.

Но чем была бы наша жизнь, если бы в ней не было исключений? Исключения были и здесь – как радостные, так и неприятные.

Радостными исключениями были щедрые, добрые и более-менее образованные, культурные клиенты. Они многое понимали интуитивно, не говоря лишних слов и не задавая вопросов.

Неприятными – скряги. Педантичные, навязчивые, они заранее расписывали свой сценарий и заставляли его придерживаться, как бы он ни был противен. Таких приходилось с трудом выносить, но ничего не попишешь… Клиент – всегда клиент, и он ждет внимания и услуг, за которые заплатил.

Однако самыми нежеланными гостями в борделе были не скуповатые немцы или голландцы, не придирчивые англичане, нет. Самыми противными, наглыми и беспардонными в поведении с девушками были так называемые русские немцы или, на местном наречии, аузидлеры – переселенцы. Они не относились ни к нашим, русским, ни к немцам, потому что немцы их за своих тоже не считали.

С какой же страстью, ненавистью и презрением отыгрывались они на наших девушках! Тут было все: и пренебрежение к такой вот проститутке, и желание получить не только то, за что заплатил, но еще и сверх того. Почему? Да потому что ему так хочется, без всяких объяснений. Даже баркиперше Карле от этих гостей, которые и впрямь «хуже татарина», было очень сложно избавиться.

Такой наглый и необузданный клиент, полурусский-полунемец, попался однажды и мне. Обрадовавшись вначале родной душе, она не знала потом, как от этой души избавиться. Как и положено русскому, он с лихвой наобщался, наговорился со мной, а потом стал требовать эротических услуг как положено. При этом оплаченное им время уже прошло, о чем я ему и намекнула. Что тут началось! Лихой аузидлер стал обзываться, применять силу, и дело могло бы кончиться непредсказуемо, не позови я на помощь. Но и после этого гость не унимался, и весь бордель просто сотрясался от его криков. Баркиперше с большим трудом удалось выставить орущего клиента за дверь, пригрозив ему вызовом полиции «за нарушение правил поведения и отсутствие этических норм». В этой ситуации коллеги по работе, как настоящие инженеры человеческих душ, откровенно сочувствовали мне и успокаивали.

Намного легче девушкам было общаться с цивилизованной, пусть и иной по менталитету, публикой – расчетливыми немцами, поведение которых можно было хоть чуть-чуть предугадать, просчитать. В этом тихом месте Северной Вестфалии, на перекрестке двух важных автомагистралей, таких было большинство.

Разница менталитета положительно сказывалась на общении немцев-клиентов и русских девушек. В этом симбиозе всегда можно было друг у друга чему-то поучиться, что, разумеется, дополняло и обогащало обе культуры. Как ни смешно это звучит в связи с тем, где именно происходило взаимодействие двух культур, но так оно и было.

При всей врожденной (а после Второй мировой войны вошедшей в воспитание нации) осторожности и расчетливости немецких клиентов привлекала в русских девушках «волшебная, необъятная душа» – так они любили говорить. Русские для них в самом деле были другими. Что-то они слышали о них от своих предков, что-то знали из истории, реже из литературы. С приездом в страну аузидлеров немцы стали присматриваться к русским как бы заново. А тут тебе еще и русские женщины… Другой мир, другой уровень и столько нового! На фоне этой разницы и ее очарования нередко завязывались постоянные отношения между клиентами и работницами борделя, что вносило особую прелесть и нечто домашнее, родное в жизнь девушек. В чужой стране и недобрых стенах это как-то согревало их истерзанные неизвестностью и вечными страхами души.

Глава 9
Профи и начинающие. Кое-что о секс-бизнесе

Как я уже успела узнать, абсолютное большинство девушек (девяносто пять процентов) прибывало в Германию через посредников и работали на сутенеров, распределявших их по разным барам страны. И лишь менее десяти процентов эмигранток работали только на себя, располагая половиной заработанной суммы (вторая половина причиталась борделю). Эти «свободные и независимые» были почти профи. Почти. От профессиональных проституток, работавших из любви к искусству, их отличало то, что древним ремеслом они занялись по нужде в непредсказуемо нестабильные девяностые.

Разумеется, у таких дам накопление шло в два раза быстрее, чем у закабаленных сутенерами, да и чувствовали они себя намного свободнее и раскованнее. Во многом потому, что документы у них никто не отбирал, и при наличии денег они могли свободно ездить по стране, не опасаясь проблем, связанных с паспортной проверкой. Кроме того, живя без рабского груза зависимости, профи были уверены, что доносить и шестерить на них никто не будет. А посему оглядываться или ожидать опасности тоже излишне. Им было плевать, нравятся они кому-то из девиц или нет, надо ли с кем-то соперничать. Профи ощущали себя вне конкуренции.

Среди свободных я выделила нескольких персонажей. Одной из них была весьма привлекательная тридцатипятилетняя литовка. Звали ее Линда. Держалась она обособленно, ни с кем не общалась, просто зарабатывала деньги, и делала это, надо сказать, виртуозно. Даже в пустые дни, когда, к примеру, по телевидению или на стадионе шел футбол, или в дни праздников, когда клиентов можно было по пальцам пересчитать, Линда умудрялась выловить большую или маленькую рыбку.

Отношения с баркипершей у Линды были почти что родственными, ей даже было позволено регулярно звонить домой из телефона-автомата, стоявшего в баре. Линда наслаждалась особым статусом и вела себя как кошка, гуляющая сама по себе, а точнее, как волчица, не упускающая свою добычу даже в, казалось бы, пустом лесу.

Помощи в том, чтобы заработать побольше денег (а может быть, и о чем-то еще) Линда просила только у Бога. Я замечала,

как иногда она тихонько молится в углу. Трудно сказать, кто помогал этой особе больше – Бог или черт, – но, так или иначе, дела у нее шли хорошо.

Другая молодая и независимая дама двадцати восьми лет – Диана – уже успела сходить замуж за одного своего клиента, немца, «почти миллионера». Он был намного старше ее, импотент, и души в ней не чаял. Но поскольку где-то просчитался, не заплатил налогов и сидел за это в тюрьме, его супруга, оставшаяся без мужа и доходов, считала вполне нормальным приезжать пару раз в год в бордель, чтобы набить кошелек поплотнее. Жить широко она любила, кроме того, уже и привыкла.

Рост Дианы, совершенно нестандартный, под два метра, как рост модели на подиуме, бросался в глаза всем клиентам. Не успев вернуться с одного свидания, едва присев и глубоко вздохнув, она уже чувствовала на себя взгляды следующего обожателя. Тогда Диана лениво поднимала свое длинное тело и неторопливо, как жирафа, шла к барной стойке, чтобы поприветствовать клиента и выпить с ним бокальчик просекко.

Видимо, из-за оригинальности и роста Диана пользовалось бешеной популярностью у маленьких мужчин и каждый день лениво собирала сыпавшиеся на нее денежки. Она не скрывала надменности и преимуществ перед другими девушками и общалась исключительно с теми, кто смотрел ей в рот, во всем поддерживая и потакая.

Немецкий муж, знавший о ее пребывании здесь (по всей видимости, от самой Дианы), присылал из-за решетки пышные букеты цветов жене. «Все же радость, – думала я, истосковавшись по семейному очагу, – все-таки знаки внимания…»

Но самой яркой из свободных дам, работавшей, правда, под четким руководством своего сутенера и друга-любовника, была голубоглазая и белокурая, сочная, фигуристая западная украинка по прозвищу Мерилин Монро. По-русски она говорила с сильным акцентом (точнее, с говором), а одеваться любила броско, чаще всего в наряды, подчеркивающие свежесть ее лица, яркого, сексапильного красного цвета. Таким же огненно-алым она очерчивала свои чувственные, пышные, просто созданные для любви и обожания губы.

Мерилин – а попросту Марайка – была так естественна, эротична и при этом наивно-непосредственна, смеялась так звонко и легко, что складывалось впечатление, будто ничего другого она в своей жизни не делала, как только сводила мужчин с ума, занималась сексом, наслаждалась, в общем, жила в свое удовольствие! То, что она зарабатывала этим деньги, было как бы

между прочим.

Марайка-Мерилин была той уникальной, неповторимой звездой секс-бизнеса, у которой на лице написана сила соблазна и харизма чувственности, урожденной богини эротики. Всегда выделяясь среди других работниц, Марайка вызывала их вечное осуждение, зависть и шушуканье за спиной. При этом она вела себя так, как будто это ее просто не касается. Мерилин знала, что делает, и знала, что делает свое дело хорошо.

Меня восхищала умопомрачительная легкость этой украинской красуні. Вот чего не хватало здесь многим, чтобы пережить зависимость и бытовую неустроенность! Марайка была особой, яркой жемчужинкой в этом смешанном, сумбурном, иногда безвкусном ожерелье из женщин, волею судьбы оказавшихся под одной крышей.

Интересно, что в Австрии представительниц древней профессии называют секс-работницами, а в службе занятости Германии эти услуги занесены в алфавитный каталог. Закон относится к ним так же, как к услугам парикмахерши или посудомойки. Для нашего менталитета подобное чуждо, однако в этом и заключается эффект притяжения другой страны: не похожими ни на что стилем, правилами, устоями.

Глава 10
Птица свободы

К каждому дню, наступавшему вслед за ночью и неизвестностью, я относилась совершенно благоговейно и сознательно – с ожиданием чуда, ради которого я, собственно, сюда и приехала. А именно – чтобы в корне изменить свою жизнь.

На помощь мне приходила молитва всех молитв, написанная рукой любимой подруги. Каждый день я брала ее с собой на работу в бар, тем самым усиливая собственную веру в успех и чудо. Сложенный вчетверо листок с молитвой лежал в небольшой косметичке – в ней было все необходимое для свидания с клиентом: небольшая расческа, кондомы, помада и пудра плюс пара немецких фраз на бумажке и словарик, который я читала при слабом свете красных настольных ламп бара. Возможность подразмять немецкий я использовала всегда, особенно, когда было немного клиентов и делать было нечего. Чем больше знаешь, тем тверже твой успех! – в этом я была уверена на все сто. С молитвы же я начинала и заканчивала свой день, старательно прочитывая длинный текст, состоящий из таких сильных, таких нужных мне сейчас строк. Вот эта молитва, Псалом девяносто.

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словеси мятежна. Плещма Своима осенит тя и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни. От вещи, во тме преходящия, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе; к тебе же не приближится. Обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое. Вышняго положил еси прибежище Твое. Не приидет к тебе зло. И рана не приблизится телеси твоему. Яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его. Долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

Я сидела у барной стойки. Снова и снова внимательно перечитывала благоговейные строчки из Псалма. Гостей не было, поэтому девушки пользовались свободой передвижения в границах дозволенного. Ко мне подошла белокурая Изабель. В ответ на ее бесцеремонное: «Что это у тебя?» – я закрыла листок рукой. Изабель не унималась: «Ну че, тебе жалко, что ли? Покажи!» Я развернула листок. Взглянув, та философски-почтительно кивнула головой: «Ага. Ясно, ясно». И, как будто узнав об мне что-то особенное, оставила меня в покое.

Чтение молитв вошло в привычку и стало потребностью для меня. Это помогало переживать трудные моменты и непредсказуемые ситуации.

За окном стоял октябрь. В эти дни было довольно холодно и неуютно, потому девушки не каждый день выбирались за покупками. Как правило, ездили группами по несколько человек, чтобы платить за такси в складчину. В основном – в супермаркет за продуктами и ближайшие лавки за необходимыми товарами галантереи, гигиены.

Однажды, возвращаясь с такого совместного тура, девушки заметили, что их такси преследует полицейская машина. Что тут началось!

– Что будет, если нас остановят?

– А если потребуют паспорта с визой? У нас ведь ничего нет…

– Господи, что же делать?

Голоса в машине становились все громче, все неувереннее. Бесправное положение и отсутствие документов в случае полицейской проверки повергало девушек в состояние истерики.

К счастью, на этот раз все обошлось. Полицейские еще немного посидели на хвосте у машины, потом, на повороте к бару, остановились. Видно было, как они тяжелым взглядом провожают такси.

Страх не покидал нас до тех пор, пока мы не возвратились в свою обитель. Но и тут, уже успокоившись, мы продолжали повторять: «Представляете, а что, если?..»

Однажды, в субботний день, задержавшись в магазине, я решила немного пройтись пешком, а потом поймать частника. Я забыла, что Германия – не Россия, и частника здесь остановить почти невозможно. Это все равно что ловить российскую щуку в немецких мелких водоемах.

Быстро шагая по обочине магистрали, я голосовала, но так и не смогла поймать машину. Как назло, по дороге не было ни одного таксиста.

Я стала нервничать. В субботу работа начиналась в

пятнадцать часов, мне нужно было приехать, переодеться и быть на месте без опозданий. Уже потеряв надежду, я вдруг увидела у обочины дороги скромный дом. Позвонила. Иностранцы – судя по языку, югославы – впустили меня, с любопытством разглядывая непрошеную гостью. На смешанном русско-немецком я попросила вызвать мне такси и, показывая на часы, сказала, что это нужно срочно.

Десять минут ожидания превратились для меня в полосу отчаянного, мучительного напряжения. Слушая речь хозяев, я несколько раз уловила слова «паспорт» и «полиция».

Наконец около дома появилось долгожданное такси, и я, поблагодарив иностранцев за гостеприимство, с облегчением села в машину. «Больше никаких прогулок в одиночку в чужой стране», – сказала я себе, загоняя во внутреннюю клетку птицу свободы.

Глава 11
Ангел любви

Среди клиентов борделя бывали порой редкие, особенные люди, которые появлялись здесь нечасто и имели уникальные шарм, обаяние, чуткость. Их визиты были праздником для всех, потому что такие милые люди способны приносить радость всюду, где они появляются.

Одним из таких гостей был Кристиан, мужчина лет тридцати пяти, среднего сложения, не слишком высокого роста, с русыми вьющимися волосами. Кристиан был спокойным, обаятельным, опрятным и, самое главное, очень добрым, человечным. Его доброта исходила от него как свет: он излучал тепло и в словах, и в мягких жестах, и в улыбке. Неважно, разговаривал ли он с баркипершей или с девушками, смеялся или был серьезен – там, где был Кристиан, ощущались свет, уют и радость. Кроме того, он обладал какой-то особой чуткостью и благодаря этому умел подарить внимание той девушке, которая нуждалась в нем именно в этот момент.

Кристиана даже трудно было назвать клиентом. В бордель он приходил довольно редко, иногда – просто поговорить, пообщаться с девушками. При этом в комнату на интимное свидание шел далеко не с каждой. Считалось чем-то особенным, даже, пожалуй, честью удостоиться внимания этого молодого человека, не такого, как все.

Однажды, когда Кристиан, как обычно весело общаясь с девушками, с теплой улыбкой повернулся ко мне, я, шутя, спросила, хочет ли он в этот день с кем-то идти наверх (комнаты для интимных встреч располагались на втором этаже, над баром). Кристиан кивнул с согласием, дав мне понять, что я ему интересна. Еще неопытная, умевшая флиртовать скорее теоретически, особенно если мужчина был мне симпатичен, я немного смутилась. И сразу подумала: «Ах, он шутит». Но спустя время Кристиан мягко повторил свой намек, и тут уж нужно было на что-то решаться. Все, кто беседовал с Кристианом, смотрели на меня не то с завистью, не то с восхищением. Я была в этот день избранницей совершенно особого гостя, всеобщего любимца!

Я могла лишь предполагать, как он станет вести себя дальше. В баре было немного гостей, поэтому Кристиан и я оказались в центре внимания. Под аплодисменты, как на съемках или после спектакля, местная публика провожала двоих на свидание. Но это было еще не все. Встав в центре бара, Кристиан с мягкой улыбкой

и добрым, лучистым взглядом перекрестился и уже тогда последовал за мной.

Публика была в экстазе – не каждый день бордель превращается во дворец романтических свиданий. Клиенты здесь большей частью весьма сухие, деловитые или даже закомплексованные люди, которые просто так свою страсть к романтике не демонстрируют. Но Кристиан был очень искренним человеком. По-настоящему я стала это понимать уже после встречи с ним.

То, что я пережила с Кристианом в течение одного часа, было сказкой. Этот ангел во плоти смог перенести меня в какое-то неземное измерение, окунуть в такое море ласки, нежности и трепета перед женским существом, что я забыла, где нахожусь. Никогда в своей жизни: ни в замужестве, ни в общении с Самсоновым, да что там говорить, ни до, ни после встречи с Кристианом – я не получала столько внимания, такого количества ласки и нежности, бережного отношения, благоговения и любви.

Как сквозь сон я услышала за дверью голос коллеги, напоминавшей, что время уже истекло и комнату надо освободить. Кристиан тоже был удивлен, что время прошло так быстро. Он попросил девушку дать им еще несколько минут, но я знала местные законы и, попросив его понять ситуацию, поблагодарила за встречу. Все еще тронутая его вниманием и чувственностью, я как будто находилась под гипнозом любви, тепла, какой-то ангельской защиты.

Уже позднее, сравнивая многие встречи и думая об этом случае, я приду к выводу, что Кристиан и был ангелом, которого мне послали, чтобы дать надежду – поддержать, вселить терпение и веру в лучшее, не дать пасть духом в окружавшей меня далеко не всегда радостной атмосфере. Эта встреча с Кристианом была единственной в моей жизни. Больше в борделе он не появлялся.

Глава 12
Предчувствие счастья. Постоянный гость

Это был самый обыкновенный четверг, ничем не отличавшийся от других дней рабочей недели. И в то же время я чувствовала: он будет каким-то особенным. При этом я сама не могла объяснить, что происходит. Внутренний подъем, воодушевление и радость наполняли меня с самого утра.

Приводя себя в порядок, я надела не совсем подходящую для работы светлую юбку ниже колен, белые на каблуках лодочки и оригинальное телесное боди с глубоким декольте, обрамленным воротником фасона «падающий водопад».

В этих стенах все девушки без исключения предпочитали темные или цветные секси-туалеты, подчеркнуто короткие, чтобы показать свои ноги, неважно, безупречные или посредственные по форме. Так было принято. Поэтому я в длинной юбке сегодня выделялась среди окружающих.

По зову баркиперши девушки про шли в большой зал, где находилась барная стойка, и в этот момент на пороге заведения появился гость. Мужчина средних лет, высокий, где-то за метр восемьдесят, одетый в безупречный классический тренч. Я рассеянно оглядела вошедшего, заметив на его лице очки, но тут же опять погрузилась в свои мысли. Сегодня я обращала мало внимания на происходящее. Лишь услышав за спиной голос баркиперши, я поняла, что нарушаю регламент – нужно было поскорее представиться клиенту.

К нему уже успели по очереди подойти все девушки-коллеги. Я в их череде оказалась последней. А гость, как будто ожидая именно меня, расплылся в довольной улыбке. Показывая на мой элегантный наряд, сказал, что сразу приметил меня и ждал, когда я к нему наконец подойду. Это был солидный немец лет пятидесяти пяти, судя по речи и манерам, интеллигентный, культурный, образованный. Видно было, что я ему понравилась. Весь вечер немецкий гость был оживленным, а уходя, опять улыбнулся мне широкой улыбкой.

Этот визит не прошел бесследно. Коллеги заметили, что я понравилась Генриху Флетчеру – так звали гостя – и рассказали, что бывает он здесь часто, может, еще заедет на свидание.

Так и случилось. Генрих появился через неделю. Сидя за барной стойкой, он спросил у меня по-английски, узнала ли я его.

– Конечно, – кивнула я, – конечно же, узнала! И очень рада видеть.

С тех пор мы стали видеться чаще. Генрих навещал меня и со временем стал лучшим другом, внимательным и щедрым. «Похоже, что здесь больше, чем поверхностная симпатия», – думала я. Какое-то новое ощущение счастья переполняло, насыщало меня и привносило особый смысл в мою теперешнюю жизнь.

После второго свидания Генрих спросил меня, не хочу ли я в следующий раз поехать с ним в город – пообедать и сделать шоп-тур. Это было возможно, и я с радостью ответила, что, пожалуй, субботний день вполне для этого подойдет.

Свидание было намечено на десять часов утра. Флетчер ждал в своей машине на соседней улице у бара, и я смогла спокойно дойти до места встречи, не попав в обзор видеокамеры. Мы поехали в Минден, небольшой, приятный городишко в Северной Вестфалии. Для меня было настоящим праздником души оказаться в центре настоящего немецкого города, в окружении красоты старинной архитектуры, чистоты и покоя, царивших на утренних улицах.

Благодаря Генриху впервые за полтора месяца пребывания в чужой стране я ощутила достоинство и свободу. Первый раз я выезжала в люди без конвоя. Без конвоя и стресса. Да и вообще, по большому счету, до сих пор я видела Германию только из окон своего каземата. Положение у меня было точно как в тюрьме. Бесправное. Несправедливое. Бесчеловечное. То, что происходило сегодня, напоминало сказку.

На улице стояла холодная осенняя погода, дул ветер, а у меня не было перчаток. Генрих предложил что-нибудь купить. Мы зашли в элитный бутик, и, несмотря на то, что у меня глаза разбегались от выбора, я все же остановила свой взгляд на элегантных черных кожаных перчатках со стильными золотыми пуговицами. Генриха очаровала моя реакция, простая, неподдельная радость такой ерунде как перчатки, и он предложил мне выбрать что-нибудь еще. В электронном отделе универмага Флетчер купил мне аудио-плеер «Walkman» и дал для прослушивания пару своих кассет с классической музыкой. После этого мы пошли в ресторан и прекрасно пообедали. Но и этим забота Генриха не ограничилась. В завершение встречи он с живым интересом выбрал в супермаркете продукты, интересуясь при этом моим вкусом и щедро нагружая тележку.

Как истинный немец, Флетчер знал цену своему слову, как и цену времени, потому я без опозданий была доставлена в бар, где царила суета, а девушки одевались и наводили рабочий макияж.

После долгой встречи с Генрихом, городских впечатлений и непривычно интересного дня мне хотелось отдохнуть и расслабиться. Но оказалось, что на это у меня нет ни минуты, надо срочно принимать клиента. Вздыхая, я спустилась вниз – и что же? У стойки бара меня ждал… Генрих.

Это было сюрпризом, ведь при расставании он даже не намекнул на то, что хочет зайти ко мне на свидание. Я была просто уверена, что он поехал домой… Но Флетчер превзошел сам себя – не дожидаясь официального открытия бара, позвонил в дверь. За те полчаса, пока мы не виделись, Генрих успел купить букет цветов. Наши встречи стали постоянными. Генрих навещал меня в баре, а по субботам мы выезжали в город. На дворе стоял уже ноябрь, в это время во всех городах Германии открывались рождественские базары и улицы украшались иллюминацией. Как же все это было красиво…

Однажды после обеда в хорошем китайском ресторане Флетчер привел меня в магазин, где продавали золотые украшения. Спросил, что мне нравится. Ничего не подозревая, я показала на сережки и выполненное в этом же стиле кольцо. Генрих, не раздумывая, протянул кредитную карту, и продавщица с улыбкой упаковала изысканный гарнитур в подарочную коробку.

– Это рождественский подарок, – сказал Генрих, – но Рождество еще не наступило, придется подождать.

У меня прыгало сердце в груди, и я с трудом сдерживала волнение. Каждая встреча с этим человеком превращалась в праздник – Генрих был открытым, щедрым, умным, и это радовало меня безмерно. Ведь не так уж много радости было в моей жизни и в России, и тем более в немецком борделе.

Свой рождественский подарок я получила в этот же день, что называется, в торжественной обстановке, с присущими событию искренними словами и милыми формальностями. Я наслаждалась, купаясь в лучах этого солнца радости и наступавшей влюбленности, которую я недавно еще только предчувствовала.

Увидев мое светящееся лицо, коллеги по бару были озадачены: «Ты что, замуж собралась? С такими подарками…»

На дворе стояла зима. Началась третья декада декабря, время, приближавшее всех к главному празднику года – Рождеству. Визиты к родственникам, посиделки с коллегами и, конечно, святая-святых – сочельник, когда все встречались в кругу семьи, – все это было для немцев обязательным, поэтому в баре царило затишье.

Девушки сидели на кухне, разговаривали и в непривычном

покое, без шума и музыки, коротали время. Только ближе к Новому году стали чаще заглядывать клиенты и заходить старые знакомые или друзья. Некоторые из свободных девушек собирались к Новому году домой, в свои семьи. Те же, кто хотел еще заработать или не смог достаточно накопить, вынуждены были оставаться.

Незаметно наступил Новый год, уже не в тишине и покое, а с музыкой диско в баре и ракетами, свистящими на улице. В Германии я прожила уже три месяца и не раз задавала себе вопрос: что мне делать дальше и насколько еще здесь задерживаться?

Конечно, Генрих был для меня защитой и надеждой. Мысли об этом человеке мешали мне обольщать клиентов. В то же время во мне зрел протест против сутенеров: зарабатывать деньги для них я не хотела.

Я не работала, выбиваясь из последних сил. Не отбивала клиентов у других, чтобы любой ценой получить деньги. Я просто дорожила тем, что имела: общением с Генрихом, теми накоплениями, которые удалось сделать, приветливыми или умеренными гостями – и выжидала, что будет дальше.

Ответ на бездействие не заставил себя ждать. Сутенеры не интересовались личными обстоятельствами и душевными порывами. Они считали пачки денег в своих карманах, которые должны были ежедневно увеличиваться пропорционально количеству работающих в барах девушек.

В одну из суббот я возвращалась в бордель с покупками. Войдя в кухню бара, я увидела там Кириякоса с перекошенным от злости лицом.

– You want money? You must woking! You must woking! – проорал он на изуродованном английском, добавляя немецкие слова.

Глаза сутенера горели от негодования. Он изо всех сил пыжился быть важным и понятым..

– Undestjuud? – продолжал он на корявом, а в его произношении вконец искалеченном английском, всем своим видом показывая жесткость, строгость.

Он хотел повергнуть меня в страх, под гипнозом которого – так полагали сутенеры – работали все подневольные. У Кириякоса были стеклянные глаза, тупое выражение лица…

– Это требование: *ты должна работать!* Для этого ты сюда приехала!

Я не спорила, да и о чем было говорить? Выслушав претензии, я сказала, что время идет, а мне надо переодеваться и готовиться к работе. Изо всех сил я старалась держаться

спокойно, но, выйдя за дверь, дала волю слезам. Сколько еще смогу терпеть эти унижения, эту зависимость?..

Хорошо, что у меня есть Генрих, постоянный гость и друг, на которого можно рассчитывать, который обязательно поможет, если станет совсем невмоготу. Я в это верила. Тем более что ему всегда можно позвонить – на всякий случай Генрих оставил мне визитную карточку со всеми своими телефонами…

Глава 13
Знакомство с Тоннесеном. План побега

Во время очередной поездки за продуктами в ближайший торговый центр я решила позвонить Генриху, зашла в телефонную будку и с волнением набрала его номер. К счастью, Генрих был на месте. Он обрадовался звонку и обещал заехать в ближайшее время. Меня это немного успокоило, но не совсем. Какое-то нехорошее предчувствие копошилось в глубине души. Казалось, что после неприятного разговора с важным загребателем денег – сутенером – последуют репрессии…

Основной возраст клиентов бара был от тридцати пяти до шестидесяти, но случались и исключения, когда порядочные, семейные немцы преклонного возраста, утомленные долгоиграющей и монотонной пластинкой жизни со своей супругой, искали для себя новых приключений или нового общения. Им хотелось внести в свою серую, рутинную жизнь немного свежести и эротики. К таким почтенным гостям относился господин Тоннесен, мужчина лет восьмидесяти, который был очень мил и добр, хоть и не показывал этого сразу. В этой сдержанности чувствовалась старая школа хорошей немецкой закалки: пунктуальность, обязательность, сдержанность и хорошие манеры, а также человечность, честность и непоказное благородство. Судя по фамилии, он был родом из Скандинавии, скорее всего, из Швеции или Норвегии.

В прошлом почтовый служащий, Тоннесен был давно на пенсии. Среднего роста, сухой, очень опрятный и элегантно одетый, он заходил сюда, когда его супруга уезжала на пару дней в другой город навестить больную сестру. Тогда он чувствовал себя свободным, позволяя себе, как говорится, расслабиться на стороне.

Однажды Тоннесен пригласил меня к себе на чашку чая. Я, полагаясь на собственную интуицию, согласилась, и пунктуальный Тоннесен ровно в десять утра был уже на месте. Поскольку работа по выходным начиналась позднее и, соответственно, заканчивалась глубоко за полночь, многие девушки еще спали или собирались ехать за покупками.

Тоннесен показал мне город, а потом завез в пару магазинов, где по-немецки экономно и заботливо поучал:

– Ты только смотри, сравнивай цены, сразу товар не

покупай…

Я же, выбравшись из своей тюрьмы, терялась при виде изобилия вещей даже в самых недорогих, далеких от бутиков, магазинах.

Потом Франц, так звали Тоннесена, позвал меня к себе на обед. Судя по всему, умеренно и консервативно живущий пенсионер не разбрасывался деньгами и приглашать меня в ресторан, как это делал Генрих, не собирался. Он знал, что домашняя еда дешевле, и сам готовил для себя в отсутствие супруги.

Мы въехали в небольшой чистый, уютный город Бад-Зальцуфлен, проехали площадь у ратуши, и Тоннесен, поставив машину, пригласил меня зайти в двухэтажный, старый, но хорошо сохранившийся дом, построенный, похоже, в начале двадцатого века.

Франц помог мне раздеться, провел в комнату, а сам, подвязавшись фартуком, пошел на кухню готовить обед. Я огляделась. Первое впечатление – я попала в мир сказки. В этой скромной по площади, но с такой любовью и вкусом обставленной квартире везде царили уют, чистота и гармония. Здесь было так хорошо, так спокойно, что не хотелось никуда уходить. Я смотрела на зимний пейзаж, открывавшийся из окна квартиры, и отдыхала от суеты, недоброжелательства и вечной зависти. Бордель вдруг представился мне шумной фабрикой, полной работающих станков и кричащих людей. У Тоннесена я почувствовала, как устала от вечного контроля над собой, как окружающий мир опустошил меня. Хотелось просто закрыть глаза и слушать тишину. Впитывать в себя этот покой. Рай спокойной, умеренной жизни, которой у меня никогда не было.

Франц принес фрукты и поставил на стол. «Судя по почтенному возрасту, – подумала я, – он должен был принимать участие во Второй мировой войне». Правда, на эту тему мы пока не говорили, но у меня было хорошее предчувствие, что этому человеку можно доверять. Тоннесен не походил на немцев, которые, едва услышав иностранный акцент, тотчас же принимают сморщенный, недовольный вид. Он не походил и на тех, кто осуждает не только иностранцев, но и собственных детей, родителей, коллег и даже погоду, ненавидит всех и вся и лишь ищет повода выместить собственную неудовлетворенность жизнью на окружающих. Среди гостей бара бывали и такие гости.

Тоннесен же обладал врожденными тактом, порядочностью, скромностью, добротой и при всей своей экономности не был скрягой. Как говорят немцы, «сердце его находилось на правильном месте», а жизненный опыт позволял понимать людей.

Франц вызывал абсолютное доверие и симпатию, для него же это общение наверняка было уходом от скуки и одиночества, а может, отчасти и желанием немножко мне помочь.

После обеда и кофе, поболтав со мной и взглянув на часы, Тоннесен предложил потихоньку двигаться в сторону бара, чтобы мне не опоздать на работу. Прогулявшись еще немного в центре города, мы поехали назад.

Предчувствия мои по поводу сутенеров оказались не напрасными. Этим же вечером шестерки как бы невзначай передали мне такое известие, что от волнения у меня закружилась голова. Новость была, что называется, из первых рук – телефонного разговора Евгении с одной шестеркой – и состояла в том, что сутенеры были намерены оживить рабочую атмосферу. Видя отсутствие у меня мотивации к работе, они решили перевезти меня в другой бар, где у меня нет постоянного гостя или друга и где я вынуждена буду просто работать и приносить им доход. Решение это было уже принято и обсуждению не подлежало. Живой товар не имел права голоса.

Выслушав сбивчивый этот рассказ и уняв внутреннюю дрожь, я поняла: пока я остаюсь здесь, моя зависимость не закончится. Нужно что-то предпринимать.

Хотя дело касалось именно меня, о предстоящем переезде или новом плане не было сказано ни слова. И это разозлило еще больше. Я решила во что бы то ни стало отсюда свалить. Как бы сложно это ни было.

Кроме коллег по бизнесу и нескольких постоянных гостей, никого в этой чужой стране я не знала. К тому же у меня не было паспорта. Девушки, по большей части сами подневольные, кроме моральной поддержки, мало чем могли мне помочь. Надежда оставалась только на знакомых немцев. Естественно, я рассчитывала на поддержку Генриха, но тот жил не за околицей, кроме того, у него было много своих планов и дел.

По-человечески я доверяла только одной из своих коллег – милой русской девушке Маше, носившей здесь имя Мэри. Поговорив с ней, я убедилась: Мэри поможет. Нужно было составить план, который поддержал бы кто-нибудь из немецких гостей.

До приезда сутенеров оставалась всего пара дней. После посещения Тоннесена я приняла решение обратиться за помощью именно к нему, конечно, если до этого не появится Генрих. Но, как назло Генрих, приезжавший раньше регулярно, сейчас не показывался. Я прорабатывала подробности своего побега и молила Бога о помощи.

В один из вечеров в дверях появился Тоннесен. Милая и

добрая Мэри как всегда подошла поприветствовать гостя, а попутно шепотом объяснила ему мою ситуацию и убедительно просила помочь мне.

– Времени терять нельзя, – внушала Францу Маша, – сутенеры явятся уже завтра, и неизвестно, в какой город и бар они увезут Анну.

Смахнув слезы, я шепнула Тоннесену, что хочу уехать обратно в Россию, домой, и прошу Франца пойти мне навстречу. В качестве гарантии я обещала ему телефоны Генриха.

Тоннесен выслушал нас внимательно, понимая серьезность ситуации. Неторопливый и последовательный, он взвешивал все «за» и «против». И когда я, до деталей продумавшая все подробности побега, волнуясь, назвала время его приезда – девять утра следующего дня, – он согласился.

Теперь о моем плане знали три доверенных лица: Тоннесен, уже упомянутая высокая блондинка Мэри и еще одна молоденькая девушка из Питера, которая поддержала идею побега.

Ночью я не сомкнула глаз: нужно было собрать вещи, все упаковать и остаться при этом незамеченной (познавшие о побеге шестерки могли тут же выдать меня Евгении). Тысячи вопросов крутились в голове: удастся ли осуществить план? приедет ли Тоннесен к назначенному времени? что будет со мной потом? Одна из девушек спросила, почему я не сплю, – любое неосторожно сказанное слово сейчас могло стоить свободы и даже самой жизни. Взяв себя в руки, я уверила «подругу», что после неприятного гостя у меня разболелась голова. Надо немножко прийти в себя и просто для успокоения навести порядок в своих вещах, мне это помогает…

Под утро, собрав вещи, я прилегла, но, находясь на пике волнения, постоянно вскакивала и в страхе смотрела на часы: только бы не проспать!

Около девяти утра я подошла к окну и увидела на присыпанной за ночь снегом парковочной площадке борделя одиноко стоящую машину Тоннесена. Сдерживая крик радости, я, как договаривались, разбудила Мэри, и мы, тихо одевшись, на цыпочках, вынесли вещи вниз. Одна из свободно работающих девушек, без лишних слов понявшая ситуацию, тоже вызвалась помочь нам и, попросив извинения за недоразумения прошлых месяцев, пожелала мне всего хорошего.

План начинал осуществляться. С помощью Тоннесена я уложила вещи в багажник, простилась с девушками и уже в машине стала потихоньку приходить в себя. Только отъехав от моей тюрьмы километров на тридцать, я начала хоть как-то

понимать и оценивать происходящее. Франц тихонько напевал за рулем, и я немного успокоилась. Однако для серьезных мыслей и дальнейших планов у меня не было никаких сил. Измученная перипетиями последних месяцев, недель и дней, неопределенностью и вечным внутренним напряжением, я была рада уехать подальше от этой унижающей человеческое достоинство рабской зависимости – уехать, доверяя чужим, но порядочным людям, которые, как выяснилось, ценили не только красивое женское тело, но и моральные качества.

Глава 14
Приезд Генриха. Посещение полиции

Уже по дороге Тоннесен сообщил, что он созвонился с Генрихом, и тот должен подъехать к нему домой где-то до обеда, максимум к часу дня. Мне же хотелось только одного: спать, спать, спать… Забыть все кошмары последнего времени.

Подъехали к Бад-Зальцуфлену. Занеся вещи в квартиру, Тоннесен предложил позавтракать. После чашки кофе и надкушенной булки я попросила разрешения у Франца прилечь. Мне было необходимо отдохнуть, потому что в состоянии сонливости и слабости я боялась просто грохнуться со стула. Не раздеваясь, прямо в сером трикотажном костюме, я рухнула на кровать и, слегка прикрывшись шерстяным пледом, погрузилась в сон.

На какое-то время мне удалось отключиться от всего: подкрадывающихся из-за спины страхов, вечно висящей в воздухе опасности и мыслей о сутенерах, размышлений о будущем и вопроса «Как быть дальше?».

Прихода Генриха я не услышала. Только сквозь сон стала понимать, что Тоннесен в квартире не один, а потом по голосу узнала Флетчера. Хоть я и чувствовала себя обессиленной, но все же поднялась. Выйдя из спальни, белая, как стена, с трудом держась на ногах, я поприветствовала Генриха. Он посмотрел на меня с симпатией и радостью, и я, находясь в обществе двух малознакомых немцев, вдруг ощутила себя надежно и уверенно.

Зная обязательность и деловитость Флетчера, я могла целиком положиться на его дальнейший план. Самое страшное было позади: я была на свободе, вне зависимости от страшных преступников, которые не видели ничего человеческого в других, не считались ни со здоровьем, ни с проблемами девушек. В каждой из нас они видели только деньги. И ради этого были способны на все!

Я вспомнила Евгению, неизменно повторявшую, что, мол, девушки, должны быть ей благодарны. Ведь у нее не работа, а просто рай: и на Западе находишься, и хорошие деньги получаешь. «Находишься на Западе, но этот Запад и близко не видишь», – подумала тогда я.

А насчет рая… Ведь многих молодых и наивных представительниц прекрасного пола сутенеры силой сажали на

иглу, привязывали к себе, как скот, как послушных и слабых зверей. И тогда-то прекрасная, нетронутая душа, наивная и ничего не подозревающая девушка, бежавшая от отчаяния и бедной российской жизни на заработки, превращалась в слабое, зависимое от наркотиков, алкоголя и мерзкого обращения сутенеров существо. Многие, падая все ниже и не находя в себе сил сопротивляться, превращались в абсолютно больных, горьких пьяниц, ничего, кроме этого гнусного окружения не видящих, злых баб. Любой мужик для них теперь был кошельком или скрягой, а обида на жизнь росла как снежный ком. В Россию же летели письма и посылались деньги с «благополучного золотого Запада», о реальности которого ни дети, ни родители не знали ничего… Двойная жизнь становилась для таких секс-работниц нормой. А жизнь на золотом Западе была лишь иллюзией, мифом, который они когда-то создали в своем воображении.

После кофе и разговора у Тоннесена мы с Генрихом направились в магазин: нужно было купить подходящих размеров дорожную сумку и еще кое-какие мелочи. Вернувшись назад, энергичный Флетчер помог перепаковать вещи, и, попрощавшись с добрым Тоннесеном, мы поехали в близлежащий Минден – вначале в гостиницу, чтобы оставить вещи в номере, затем Генрих собирался в полицию. Согласно его плану, мне необходимо было обеспечить законное положение туриста в Германии, потерявшего документы. Рассказывать о бесправном положении работающих здесь восточноевропейских девушек Флетчер не собирался. Это могло его самого завлечь в криминальный лабиринт, а также повредить мне и задержать отъезд в Россию. В планы великого организатора входила простая, реальная схема действий, которой любой немецкий полицейский мог бы поверить и дать зеленый свет для выезда туриста из страны.

В машине Генриха не было навигатора – даже в незнакомом месте он всегда ориентировался четко и уверенно, так же, как и в разговоре с незнакомыми людьми. Все его замыслы и планы были равносильны успеху, который для Флетчера был очень важен.

Мы подъехали к полиции Миндена. По заученной схеме, вежливо и уверенно, в такт разговору с улыбкой поглядывая на меня, имевшую вид растерянный и усталый (что в данном случае тоже вписывалось в его сценарий), Генрих выдал свою версию полицейскому. То, что он говорил, выглядело вполне реально и могло произойти в любой стране с любым туристом. Служащий занес данные в компьютер и, не найдя поводов для отказа, выдал необходимую справку для посольства и полицейского контроля в аэропорту.

Я чувствовала себя просто до смерти уставшей. Но

присутствие Генриха, его будто из вечного источника бьющая энергия и оптимизм в искрящихся глазах поддерживали морально. Я чувствовала и знала: организаторские способности этого человека уникальны, ему можно доверять на все сто!

Главное было сделано, опасности были позади. Флетчер вкратце описал программу на следующие дни. Видя мою бледность, он предложил ей отдохнуть и выспаться в гостинице. Немного растерянная после отъезда Генриха, но счастливая от долгожданной свободы, я зашла поужинать в один из маленьких ресторанов, а вечером наслаждалась покоем и тишиной в номере своей гостиницы.

Раздеваясь перед сном, я заметила, что ужасно выгляжу и что одной ночи спокойного сна мне недостаточно, чтобы отдохнуть от пережитого. В то же время для меня было очевидно: я влюблена в Генриха. Это делало меня одновременно счастливой и грустной. Что я знала об этом человеке? О его личной, семейной жизни? Наверняка он не был свободен…

Но думать о дальнейших планах я не хотела. Достаточно и того, что мне повезло. В этой незнакомой стране за время своей подневольной жизни я встретила добрых и порядочных людей, которые мне помогли в самом главном. И встреча с Генрихом – я была абсолютно уверена – не случайна. Уже это было переменой к лучшему. Все остальное я предоставляла Богу, судьбе и своей вере в доброе!

Глава 15
Жизнь в новых условиях

Флетчер позвонил на следующий день утром и поинтересовался, все ли у меня в порядке, добавив, что заедет за мной через пару часов и что все необходимое он уже организовал. За это время он нашел для меня меблированную комнату и договорился о возможности заключить контракт на работу в местном университете.

Да, мне просто глобально повезло с этим человеком. Кто бы еще так, как Генрих, мог обо мне заботиться?

До Падерборна мы доехали за два с половиной часа. Этот небольшой восточно-вестфальский городок, число жителей которого не превышало трехсот шестидесяти тысяч, с давних времен был известен как католический центр, где церквей и соборов намного больше, чем музеев и библиотек. Здесь же находился один из самых молодых (по сравнению с именитыми университетами Хайдельберга, Геттингена и Лейпцига) университетов страны. Построенный современными архитекторами, внешне университет Падерборна походил на своих собратьев в Билефельде или Ганновере, заложенных в период экономического расцвета Германии середины семидесятых годов прошлого столетия.

Подъехав к одному из небольших домов, Генрих помог мне выгрузить вещи и заодно представил хозяину пансиона, вышедшему навстречу.

Дородный, среднего роста и возраста немец с бегающими глазками не без любопытства оглядел иностранную гостью.

Моя комната располагалась на последнем этаже пансиона. Потолок ее, повторяя очертания крыши, был с одной стороны скошенным, за счет чего комната казалась как бы обрезанной. Однако, хоть и небольшая, комната все же располагала всем необходимым для жизни. Предприимчивый Генрих уже успел закупить кое-что из вещей, разместил здесь даже двух-конфорную электрическую плиту.

На следующий день он представил мне свой план: посещение курсов немецкого при университете, оформление всяких формальностей в местной администрации города и возможность контракта на работу. «Поживем – увидим», – многозначительная улыбка Генриха заставляла надеяться только на успех.

Вечером мы поужинали в одном из ресторанчиков в пригороде Падерборна. Общались легко и весело, но, несмотря на

это, у меня было странное чувство, что Генрих что-то умалчивает или недоговаривает. Он уже рассказывал Ане о себе и своей семейной жизни, когда навещал ее в баре и во время субботних прогулок. Согласно этим рассказам, первая жена Флетчера умерла, а вторая жила с ним раздельно. Всякий раз, когда он крепко и нежно брал Анину руку в свою, дистанция между ними сокращалась, и это давало надежду на то, что он действительно свободен. Однако женская интуиция подсказывала, что с Генрихом не так все просто. Конечно, теплилась надежда, что он все же «расколется» и когда-нибудь объяснится, но намекать на это было пока неуместно. Солидный, образованный, взрослый человек, он сам знал, как себя вести и что делать.

Флетчер не торопился открывать свои семейные карты, а время потихоньку шло, наполненное заботами, обязанностями и новыми знакомствами.

Новая жизнь открывала для меня возможности встреч и приятельских отношений с будущими студентами, так же,, как и я, проходившими полный курс немецкого, или с коллегами-иностранцами, работавшими в университете по договору. Инициативная группа жен профессоров организовывала с ними регулярные встречи. Это помогло найти новых друзей и знакомых не только из России, но и из Бразилии, Азербайджана, Китая и других стран.

Инициативный клуб устраивал по праздникам кофейные посиделки, а ежемесячно – автобусные поездки по культурным и историческим местам близлежащих земель Германии, наполняя всех незабываемыми впечатлениями. Далеко не каждый турист, имеющий при себе карту достопримечательностей этой страны и в совершенстве владеющий немецким, мог похвастаться такими гидами-энтузиастами, которыми был богат клуб при университете Падерборна.

На встречах и вечеринках я чувствовала себя как дома. Зимой, в канун Рождества, проводились пешеходные походы, готовились стихи и сюрпризы с подарками, а потом всех ждали испеченные заботливыми организаторами вкусные торты, пироги, горячие чай и кофе. Летом организовывались пикники на природе и вылазки в такие места, где от красоты природы и ландшафта у меня захватывало дух.

Такого тепла, уважения и любви между ближними я не чувствовала уже давно. Позднее я пойму, что университетская атмосфера с ее толерантностью к иностранцам – это только одна, приятная, сторона немецкой медали. Но была и другая: зависть и неафишируемая дискриминация иностранцев, переселенцев из других стран. И эта, вторая, сторона была в Германии гораздо

ярче первой.

Мы с Генрихом встречались ежедневно. Он работал в деканате на одном из факультетов. Когда у меня заканчивались курсы немецкого, я заходила к Флетчеру, и мы вместе шли обедать в университетскую мензу. Секретарша Генриха, аккуратная, строгая, невысокого роста дама за пятьдесят, улыбалась мне крайне редко. В основном, видя меня, секретарша направляла задумчивый взгляд в окно или на свою электронную пишущую машинку, подразумевая, что меня для нее не существует. А если мы сталкивались в коридоре, выдавливала из себя «гутен таг» с таким надменным видом, что это приводило меня в замешательство и я спрашивала саму себя: «Странно. Что я делаю не так? Почему она меня подчеркнуто недолюбливает?» Казалось, секретарша ревнует своего шефа ко мне, но Генрих об этом даже слышать не хотел – ему было безразлично. По знаку зодиака Лев, он считал себя важным среди важных и этого никогда не скрывал. День за днем, общаясь с Флетчером, я открывала для себя неизвестные ей прежде черты и особенности его характера.

Наконец на одной из их встреч Генрих победоносно заявил, что у меня есть контракт на работу! Моей радости не было предела. Я понимала, что без гениальных способностей, связей и стараний этого великого комбинатора подобное было бы просто невозможно. Это известие означало, что я могу находиться в стране еще не меньше года.

Глава 16
Поиск нового жилья. Визит сына

Работа моя была не слишком обременительной, и, что самое замечательное, я могла свободно распоряжаться своим временем. Переводы научных текстов, просмотр и отбор научных журналов Академии наук нельзя было сравнить с журналистикой или преподаванием языка. Поскольку я трудилась самостоятельно, то и процесс был несколько монотонным. Но все же это была работа, и это не могло не радовать.

После обязательных курсов с утра и, если удавалось, совместных обедов с Генрихом, я шла в университетскую библиотеку, а порой брала работу на дом. Приходилось готовиться также к занятиям по немецкому, так как в течение всего курса устраивались письменные экзамены, подразделенные на ступени освоения языка.

Иногда Флетчер заезжал после работы и помогал мне с немецким, проверяя грамматику и безжалостно критикуя за малейшую ошибку. В хорошую погоду мы любили посидеть во дворе пансиона. Здесь располагалась уютная беседка, в которую редко наведывался кто-либо, кроме нас. Хозяин дома все время любил повторять, что для него гости ну просто «короли, князья, и почетнее их никого нет», не говоря уж о том, что желание гостя для него закон. Однако эти «короли и князья» ему, похоже, вскоре надоели. Выйдя как-то во двор, я увидела, что беседка забаррикадирована стульями. «Наверное, ремонт или садовая уборка», – предположила я, но на следующий день ситуация повторилась.

Узнав от меня свежие новости, Генрих только иронично усмехнулся и сказал, что можно без проблем снять комнату в студенческой коммуналке, надо только следить за объявлениями в газете.

Обойдя несколько адресов, где типичные немки с любопытством рассматривали восточноевропейскую гостью в сопровождении солидного друга, им все же удалось найти приличную комнату в трехкомнатной квартире. Там жили исключительно мужчины: немец, студент машиностроительного факультета, и турок, получавший образование в одном из колледжей города. Эта квартира как нельзя лучше подходила: десять минут до университета, спокойные, дружелюбные соседи. К тому же все нужные магазины рядом и до центра города рукой подать.

Флетчер, ум которого никогда не уставал бурлить новыми идеями, уже составил план действий и решил, что перво-наперво нужно выкрасить стены моей комнаты. Уже через день я смогла въехать, получив некоторую мебель от Генриха и с его же помощью купив недостающее: стол, лампу, полки для книг и ковровую дорожку, которые привнесли окончательный уют в мою новую обитель. Постельное белье и полотенца мне презентовала супруга Флетчера. Она изъявила желание лично приехать и ознакомиться с ситуацией на месте. Я показала ей свою комнату, уже порядком устроенную, на что супруга Генриха, передавая чисто выстиранные старенькие полотенца, безэмоционально произнесла: «Prima!» – что означало «неплохо». Не задавая ненужных вопросов, спокойная и деловая, она поспешила ретироваться, захватив с собой супруга.

Я на минуту задумалась: «Интересно, знает ли она о наших отношениях или только догадывается?» Интуиция меня не обманывала: супруга Генриха знала больше, чем я могла предполагать…

Время летело так быстро, что в разгар лета, не без помощи предприимчивого Флетчера и им же организованного приглашения, я ждала в гости сына. Саша должен был лететь один – по правилам таможни для этого требовалось согласие двух родительских сторон.

Генрих предложил для комфорта снять квартиру в тихом, уютном курортном городке Бад-Липшпринге, где предлагалась масса апартаментов, сдававшихся на время отпуска. Я была в восторге от отдельной меблированной квартиры с обустроенной кухней и всем самым необходимым для жизни.

Саша прибыл в аэропорт Ганновера, где мы с с Генрихом ждали его. Соскучившись по маме, но стесняясь незнакомца, мальчик был поначалу скован и сдержан, но потом освоился и стал прежним Сашком, ласковым и любопытным.

Все вместе мы посетили известный бассейн и термы Бад-Липшпринге, а также огромный парк отдыха с аттракционами, зоопарком и детской железной дорогой. Генрих, прихватив с собой второй шлем, возил Сашу на своем мотоцикле BMW и фотографировал, как заправского гонщика. Они катались на велосипедах вокруг живописного озера, совершали прогулки в местный лесопарк.

Когда настал день отъезда, я не находила себе места от волнения. Укладывая вещи сына, я прятала от него и самой себя горькое волнение. И только в аэропорту Ганновера, когда самолет взлетел в воздух, взяв курс на Россию, я не смогла больше сдерживать себя и разрыдалась… Слезы душили меня, катились

по мокрым щекам, и я не могла их остановить… Я плакала и на обратном пути, в машине, и дома. Генрих пытался меня успокоить, но состояние пустоты и грусти после отъезда сына не покидало…

Глава 17
Время как в полете. Волна воспоминаний

За быстро пролетевшим летом пришла осень, и на пороге уже стояла зима. Я была занята учебой и работой и совсем не чувствовала бега времени. Жила как в полете: новый язык (с каждым днем он давался все лучше), встречи иностранцев в университетском клубе, общение с интересной русской семьей из Москвы, роман с Генрихом – все стремительно неслось и наполняло жизнь впечатлениями.

Я не скучала по России. Меня волновало только одно: как устроить свою жизнь в России или Германии, чтобы снова быть вместе с сыном.

На Новый год я съездила домой навестить Сашу и родственников. Экономическое положение в России нисколько не улучшилось, а стало даже хуже. Я не хотела об этом думать, но иногда на меня накатывала волна тревоги. Как быть дальше? Что я должна делать для того, чтобы в моей жизни наступили стабильность, надежность? И с ужасом понимала: да, я готова находиться в чужой стране, работать на нее, сносить критику любовника и друга. Но я больше не желала жить в огромной советской стране. В коммунальной квартире, когда на полке в кухне стоит сухое молоко в порошке и пакет дешевой крупы, а в холодильнике лежит одно яблоко. Это яблоко я делила для пятилетнего сына на две части: одну он съедал вечером, после ужина, вторую – на следующий день. Хорошо еще, что детей кормили в садике. Один только Бог знает, как мы выжили в те годы…

Когда я думала о России, мне становилось холодно. Да, в последнее время, перед тем, как решиться на работу в неизвестности, я хронически мерзла в Питере. Однажды зимой, возвращаясь с работы, я страшно продрогла и решила погреться в булочной на Невском. В тепле, наполненном запахами ванили и корицы, у меня закружилась голова. Я перестала чувствовать собственное тело и, казалось, увидела себя со стороны. Увидела сына, играющего в снежки с друзьями. «Хорошо, что у Саши каникулы, – пронеслась мысль в голове, – и хорошо, что у него есть любящие папа и бабушка…»

А спустя пару дней, возвращаясь из душа в свою комнату, я потеряла сознание в длинном коридоре коммуналки. Меня

подхватила под руки пожилая соседка.

– Ты что это, совсем ничего не ешь? Так нельзя, девочка… Смотри, какая ты вся белая… – ласково выговаривала она мне, усаживая на диван.

Что было на это ответить… У меня не было ответов, не было и страха. Была какая-то апатия. Ко всему… «Был бы сын рядом, я не позволила бы себе так раскваситься…» – единственное, о чем я подумала тогда.

Странно: находясь в чужой стране, я чувствовала себя уверенней и спокойней, чем в России, и в этом была несомненная заслуга Генриха, который помог мне устроить не только быт, но и успокоить душу. Как сложатся наши отношения дальше? Думать об этом не хотелось. Я была настолько влюблена, что разум отказывался вмещать в себя что-то еще. Зачем? Все шло своим чередом, не без трений и проблем, но все же основываясь на взаимных чувствах. Я так думала.

Глава 18
Признание Генриха. Рухнувшие надежды

Незаметно пролетели и Новый год, и зима 1998-го…

Я успешно сдала все экзамены по немецкому, получила сертификат и вполне могла подавать документы на учебу в любой университет Германии. Флетчер отговаривал меня от этого, ссылаясь на свой опыт, да и возраст, мол, у меня, не такой уж студенческий.

Великий организатор все больше открывался мне с другой, так называемой «арийской», стороны, показывая истинные черты своего характера и часто указывая мое на место в этой стране, в иерархии немецкого общества.

Отношения наши, кроме приятного общения, сводились теперь к вечным поучениям немца: как надо жить и поступать. Так что для свободы мыслей и действий оставалось не слишком много места. Я зависела от настроения Генриха, от его поведения и планов. Иногда он отыгрывался на мне и наслаждался эффектом сильной руки, публично демонстрируя мою зависимость или беспомощность. При этом Флетчер говорил нарочито цинично и громко (чтобы другие услышали) или пускал в ход двусмысленные шуточки, в которых он всякий раз показывал, кто здесь хозяин, а кто гость. Это была как бы вторая сторона его натуры, которую в отличие от первой – великодушия и внимания джентльмена – я узнала при постоянном общении. И как бы горько ни было, приходилось эту вторую, малопривлекательную, сторону принимать. Флетчер был здесь хозяином, у него было больше прав, возможностей и власти, и пренебрегать этим фактом было по меньшей мере глупо и очень рискованно.

Порой Генрих доводил меня до слез, отчитывая как девчонку, а иногда в присутствии других бросал в лицо саркастичное словечко или фразу… И потом наблюдал со стороны мою беспомощную реакцию или, что случалось все реже, умение виртуозно выходить из дурацкого положения.

Флетчер как будто неустанно подчеркивал разницу между нами, полагая, что мы абсолютно неравная пара, и говорить тут просто не о чем…

А может, это было сознательное отчуждение от приятной и интересной ему женщины, поскольку он уже знал, что никогда не

свяжет с ней свою жизнь.

Весна девяносто восьмого года была в самом расцвете, в яркой и сочной апрельской свежести. Стояла такая непривычно теплая погода, что с цветущих полей пахло почти что летом. Флетчеру удалось продлить контракт и визу для меня до конца года. И я была счастлива, но не только от этого, а еще и потому что до сих пор чувствовала себя влюбленной в Генриха.

В один из солнечных дней мы пили кофе и гуляли в парке замка Нойхаус. Генрих фотографировал, смеялся, радовался общению, но чувствовалось в нем некое странное напряжение. Объяснилось оно в конце прогулки.

По всей видимости, к этому дню Генрих тщательно готовился. Он отработал каждую интонацию. Спокойно сообщил мне, что его первая жена не умирала и он не живет отдельно от второй жены. Первая, и единственная, супруга Генриха, находясь в полном здравии, никогда с ним не разводилась. Он не сможет ее оставить, какую бы симпатию ко мне ни испытывал. И у него нет больше причин скрывать правду…

Я не верила своим ушам. Самым удивительным было то, что Флетчер мог так долго лгать. Самым страшным – что, несмотря на все обиды и ссоры, он стал неотъемлемой частью моей жизни.

Воцарилась тишина. Как провал, как обрыв. А под ним – безбрежный океан неизвестности и отчужденности.

У меня перехватило дыхание. Я не нашла слов и внезапно разрыдалась. Меня просто душила истерика. Генрих немножко растерялся. Он откровенно извинялся за свою ложь, говорил о желании помочь, прилично устроить меня в благополучной стране…

Уже потом я поняла, что прилично устроить неординарную молодую женщину в Германии – при всех талантах Флетчера – было делом весьма непростым. Будучи человеком жесткой воли, он не сдался, не отступил перед трудностями, и это заслуживало уважения. Но дело было не в этом. Генрих наслаждался своим положением короля: у него имелась семья (фактически и формально), он никого не бросал и не предавал (то, что он десятилетиями изменял жене, не считалось), у него была любящая и очаровательная любовница, надежное место государственного служащего (правая рука декана в университете), прекрасные доходы и потрясающее положение в обществе. Будучи масоном немецкой ложи еще со студенческих лет, он стал впоследствии также масоном английской ложи и безумно гордился этим!

Вдоль и поперек мелким бисером исписанный ежедневник Генриха поражал именами известных по всей Германии

адвокатов, врачей, судей и прочих сливок общества. И Флетчер наслаждался плодами своих связей, а также собственного острого ума, красноречия, иронии и элегантности. Положение масона обязывало проводить много выступлений, бесед, докладов и презентаций на разные значимые и малозначимые, но неизменно философские темы. Для этой роли он был просто рожден. Рожден, чтобы блистать во всей красе светского льва – самолюбивого, амбициозного и всегда соблюдающего протокол.

Иногда он навещал меня перед заседанием ложи, куда входили лишь мужи (без своих жен), чтобы покрасоваться перед ней в форме масона: элегантном классическом черном костюме (в особых случаях – фраке), неизменно белой рубашке и таком же белом галстуке. И, прищелкнув каблуками черных элегантных туфель, отправлялся на очередное заседание. Право, ради этого стоило жить!..

Глава 19
Объявление в газету. Идея любовника

Мы подъезжали к Падерборну, когда я немного успокоилась, и Флетчер сообщил, что у него есть очень интересная идея. При всем своем умении просчитывать ситуацию, он не знал, как я отреагирую на его идею, поэтому изложил ее с особой осторожностью – не за столиком в кафе или на террасе любимого ресторанчика, где мы частенько сидели, если погода располагала, и не в компании знакомых, нет. Генрих предпочел сказать об этом как бы между прочим, как будто мысль пришла ему в голову на ходу.

Когда мы подъехали к парковочной площадке в центре города и вышли из машины, Флетчер обронил, что мой контракт в университете истекает к концу года и пребывание в стране продлить больше невозможно. Правила есть правила, тут ничего не попишешь. Однако он кое-что придумал. Идея вполне реальна, и мне надо над ней как следует поразмыслить.

Он начал издалека, что вот, мол, работу в университете ей получить не удастся. Многие интересные проекты в целях экономии бюджета сокращаются – чудес тут ждать просто не приходится. Но я уже давненько разведена и вполне свободна, поэтому могу искать себе нового партнера. Это, на взгляд Флетчера, единственный для меня шанс жить в Германии законно и достойно.

Я, понимая, куда клонит Генрих, спросила:

– Как искать? Я не мыслю себе партнера без привязанности, без чувств. Как ты себе это представляешь? Искать… Это же не книги на полке выбирать…

– Я думал над этим, – ответил, не раздумывая Флетчер. – Мы дадим объявление в газету. И одновременно будем смотреть похожие объявления со стороны потенциальных кавалеров и отвечать на их запросы или пожелания.

Помолчав, я, не без горечи, сказала:

– Очень сомневаюсь, что найду достойного и любящего партнера вот так просто, по объявлению. Это не мой путь. Тем более ты знаешь… я не совсем свободна… если у меня все еще есть к тебе чувства…

– Я не хочу быть эгоистом, Анна… Если бы я был таковым, то не делал бы тебе подобных предложений и своей помощи в

поиске не предлагал. Но мне хочется, чтобы ты жила достойной жизнью. А я дать ее тебе не могу. Ты уже знаешь это.

Я расплакалась.

– Но почему я должна под твоим давлением делать то, к чему моя душа не лежит?

Похоже, Флетчера мои слезы не трогали, реагировал он без эмоций:

– Ты не дочь Рокфеллера, и у тебя нет огромных сбережений. Просто глупо, находясь здесь, не использовать шанс устроить свою жизнь. Подумай, конечно… Если ты будешь против моей идеи, то скажу тебе только одно: езжай в свою Россию, но я больше никогда и ничем помогать тебе не буду! Это мое последнее слово, – четко и жестко произнес Флетчер, как будто читал заранее выученный монолог.

Решительность Генриха даже как-то успокоила меня. Этот человек всегда знал, чего хотел, и его сильную волю было не преодолеть. Да перед ним и горы расступались, не только славянский женский характер!

И, сжав до боли пальцы в кулак, я невольно переняла деловой тон разговора. Я сказала, что, хотя и не верю, будто найду свою любовь по объявлению, все же готова попробовать – чтобы потом не было упреков в мой адрес, что я-де упустила свой шанс и не использовала возможность… Такой ответ удовлетворил Генриха, потому что соответствовал его плану.

На следующий день, подготовив текст к публикации, мы направились в редакцию местной окружной газеты. Флетчер с самодовольным видом, улыбаясь поочередно то мне, то даме за стойкой, диктовал во всеуслышание объявление по поиску партнера. Раньше меня это возмутило бы или, наоборот, развеселило, но теперь, от переживаний последних дней, я как будто потеряла чувствительность. Словно на суде звучали сухие вопросы референта:

– Сколько вам лет? Какого возраста должен быть партнер? А какого роста и телосложения? Или это не писать?.. А тут правильная фраза? – И фрау за стойкой тыкала пальцем в текст Генриха.

Я как будто наблюдала за собой со стороны. И понимала, что больше всего мне, тридцатишестилетней женщине, сейчас хочется провалиться сквозь землю…

Ситуация выглядела так, как будто я, как школьница, пришла – нет, не с другом, а с учителем – подавать какое-то объявление. И учитель этот просто балдел от очередной возможности покрасоваться публично. И вовсе не само объявление, а его презентация интересовали этого «педагога», похожего на павлина,

самовлюбленно распустившего яркий, блестящий хвост.

Генрих в очередной раз был бестактным и циничным, снова проявлял свой стиль – националистский, бескомпромиссный. Я знала, что он получает огромное удовольствие от любого выступления, даже такого, как сегодня, – в обыкновенной редакции региональной газеты и при наличии публики в лице одной маленькой женщины за стойкой.

Глава 20
Девятый вал писем. «Wie zwei Kameraden»

На объявление, составленное Флетчером, клюнули ловцы счастья. На мой адрес пришло несметное количество писем. Генрих же, четко придерживаясь своего плана, приносил газеты с объявлениями, выходящие по средам и субботам, и штудировал вместе со мной все тексты, ища подходящую добычу.

Приходя после работы в студенческую коммуналку, Генрих усаживался возле стола на общей кухне и, предусмотрительно расположив между ног мусорное ведро, начинал разбирать редакционную почту. Громко, щедро и смачно он делал всем авторам писем, потенциальным женихам, критические замечания, сознательно отбирая из своего богатого лексикона ехидные, в тонкой шоколадной оболочке цинизма, словечки. Если бы хоть один из немцев, написавших мне, услышал или увидел Генриха, устраивающего мировой суд, и будущую невесту, державшуюся от смеха за живот, он бы ни за какие баранки не пришел ко мне на встречу. Никогда! Потому что такую желчную критику не смог бы вынести ни один европейский мужчина.

Из несметного числа писем (а их пришло около четырехсот) мы с Генрихом отобрали сто двадцать более или менее толковых. Это означало, что в них описывалось чуть больше, чем цвет глаз и волос, и немецкая грамматика держалась в равновесии.

Все остальные письма, особенно если они были короткими и написаны корявым почерком с ошибками в немецком, под безжалостный свист и циничный хохот летели прямиком в урну.

К началу июля 1998 года у меня было намечено сто двадцать встреч с потенциальными партнерами. Контракт в университете заканчивался тридцать первого декабря.

Чаще всего авторы писем проживали в Падерборне и его округе, включая соседний Билефельд. То, что написал каждый из них, свидетельствовало о серьезном интересе претендента и, возможно, положительном шансе на будущее. Во всяком случае, я на это надеялась, приступая к выполнению такого непростого задания…

Какое-то время спустя я узнала правду о супруге Генриха: в молодом возрасте, после рождения дочери, ей был поставлен диагноз «рак груди». Затем последовали несколько тяжелых для любой женщины операций – удаление груди и матки. После этого

муж не смог больше иметь с ней интимных отношений и измены оправдывал «естественной необходимостью». Свой брак Флетчер называл «wie zwei Kameraden» («как два товарища»)…

Я неожиданно поняла состояние этой женщины, то, как она наверняка от всего этого страдает. Будучи симпатичной в юности, супруга Генриха превратилась в угрюмую состарившуюся от страданий дряхлеющую женщину.

Узнав эту историю, я на какое-то время охладела к Флетчеру, и мы даже серьезно поссорились. А может быть, это был просто кризис в отношениях.

Я знала, что Генрих меня любит и ценит. Но при этом хорошо себя контролирует. Потому что у расчетливого и серьезного немца не принято говорить о чувствах, если он эти самые чувства не может подкрепить поступками – разумеется, если он не последний негодяй и считается с чувствами любящей его женщины, не обещая ей невозможного. Ему понятно, что эти отношения не будут вечными. А устраивает ли это женщину, пусть она решает сама.

Свой статус женатого мужчины, при полном отсутствии семейного счастья, Флетчер считал если не героическим, то, по крайней мере, весьма благородным. Да, он счел бы неправильным и даже подлым разводиться с женой, но мне казалось, что Генриха больше беспокоила его репутация в обществе, а не задетые чувства оставленной женщины. Супруга знала о его изменах, как и уже взрослая дочь, упрекавшая за это отца.

Кто отважится сказать, сколько у Флетчера было любовниц за более чем восемнадцать лет?! Отношения со мной он считал просто уникальными: говорил, что с момента нашего знакомства у него не было никого, кроме меня, что мне удалось вызвать у него интерес не «на поверхности», а именно на душевном уровне. Правда, говорил он подобное редко. На комплименты Флетчер не был щедр, что меня не очень волновало. Гораздо ценнее для меня были его деловитость, организованность и то, что он держит свое слово. Всегда можно найти массу положительных качеств друг в друге, вместо того чтобы искать и констатировать недостатки.

Иногда Генрих был капризным, избалованным, иногда очень жестким. Но я пыталась вырабатывать в себе терпение, не накалять отношений и ценить то, что имела: его дружбу, помощь и расположение. Конечно, мне далеко не всегда это удавалось. Но, в конце концов, не так много у меня было знакомых и друзей в этой стране, чтобы ими разбрасываться.

Глава 21
Клиенты и пациенты. Конвейер встреч

Встречи с потенциальными женихами были уже разбросаны в календаре по дням недели. Это занятие – со всеми увидеться и рассортировать по полочкам – вначале забавляло, но вскоре стало ужасно утомлять. «Клиенты-пациенты», как я называла претендентов, были весьма далеки от тех качеств, которые я хотела обнаружить. Мне частенько приходилось выслушивать следующую фразу в свой адрес: «Ну… ты просто леди, а я, ну… я нормальный мужчина. Мужик. Да тебе джентльмен нужен, чтоб, ну… тебе, значит, равнялся…»

Некоторые кавалеры приходили чуть ли не в пижаме, а то и в таком виде, как будто работали в подвале или прямо перед встречей мыли машину. Помятые джинсы, клетчатая рубаха с завернутыми до локтя рукавами. На ногах то ли ботинки, то ли кроссовки для трекинга и горных маршей. Им так было удобно, да, но этот прикид как-то не очень подходил для рандеву. У меня складывалось впечатление, что среди потенциальных клиентов практически не было таких, кто действительно готовился к встрече и ждал ее, а главное – желал бы перемен в своей жизни… Удобные люди, у которых ничего не кипит, часы не тикают и нигде ничего не подгорает.

Никто из клиентов, ответивших на мое объявление, не должен был смотреть в буквальном смысле слова на часы и дни календаря, никому из них не нужно было покидать страну по окончанию визы. Они находились дома, в своей в стране, с немецкими паспортами, о значении и силе которых никогда в жизни не задумывались… Как не задумывались и над тем, что от рождения принадлежат к привилегированным по сравнению с восточно-европейцами и другими нациями этого большого круглого шара по имени Земля. Нет, они принимали свои привилегии как должное и само собой разумеющееся.

Те, кто никогда не был женат, не желали распроститься с холостяцкой жизнью так кардинально и быстро только потому, что мне надо было решать эту проблему. Для холостяков было подвигом уже то, что они на эту встречу выбрались!

Разведенные и брошенные мужчины боялись новых отношений. Это и понятно. Торопиться с чувствами, доверием, эмоциями после разочарований и отчаяния никому не хотелось…

Были и такие, кто, несмотря на серьезное письмо, хотел только секса. А тут, оказывается, не какая-то полуголая Дуся, с которой можно в кабак, а потом почти без церемоний в кровать, а нечто интеллектуально-мило-харизматичное, да еще культурно образованное… Гмм…

Для неуверенных в себе это как высшая математика или какое-нибудь невиданное сальто… Сложно, напряженно, экзотично… А что дальше? Даже уверенные в себе мужчины, которых было впечатляющее меньшинство, на быстрое развитие отношений не решались.

Вычеркивая из своего списка очередного кандидата, я с грустью констатировала, что среди положительных претендентов было очень много внутренне неготовых к новым отношениям людей. Казалось, найти истинного мужчину и завязать с ним серьезные отношения на этом конвейере дефицита времени и внутренней суетливости просто нереально.

Не говоря уже о том, чтобы успеть выйти за него замуж.

Но я добросовестно продолжала выполнять задание. В лабиринте встреч, писем, списков данных я постоянно следила за собой – вечно осматривала себя и свой туалет, придираясь к мелочам, чтоб быть в форме.

Лица, лица, лица… Более или менее приятные, веселые и угрюмые, странные, а иногда и пугающие, как лысый тип из Падерборна. Он еще по телефону заказал, чтобы я принесла фотографию сына. Я не придала этому значения и фото не захватила. Да и зачем на первую встречу нести снимок любимого сына?! Каково же было мое удивление, когда клиент, едва увидев меня, нервно спросил: «Где фотография сына? Ты ее принесла?» В кафе странный немец без конца дергался на стуле, упрекал меня, перебивал. Вот тогда я и подумала: а может, этот тип педофил?..

В конце июля я сделала для себя определенные выводы и строила прогнозы. Увы, неутешительные. Конвейер встреч утомлял, забирал много энергии и опустошал. Ведь любое знакомство, если к этому относиться серьезно, надо пропускать через сердце.

«А как же иначе, – спрашивала себя я, – если это моя собственная жизнь?!»

Глава 22
«Как будете платить? Вместе или отдельно?»

На одно из типичных рандеву пришел худой застенчивый тип. Он напоминал пересушенную таранку и относился к тем неуверенным, закомплексованным женихам-немцам, именами которых был переполнен мой термин-календарь.

Мы встретились у городской ратуши Падерборна. Подошли к небольшому пивному кабачку, на террасе которого и присели для первой беседы. Стояло лето, жаркий июль – классическое лето в Северной Вестфалии. Роскошный аромат цветов и ни с чем не несравнимый запах скошенной травы витал в воздухе. Наверное, для чувствительных людей восприятие окружающего мира должно непременно отражаться в эмоциях. Но странно – общение с худым типом не отложилось у меня в памяти. Наверное, он не задел меня ничем.

Прошло время, и поскольку на конвейере у меня стояла очередь потенциальных незнамо-чего-хочу-клиентов-пациентов, я и не пыталась их запоминать. Ведь самое главное – человеческое качество – пока, к сожалению, отсутствовало.

Как-то в один из дней позвонил мне этот «засушенный» тип и признался, что хочет меня снова увидеть. Я, видите ли, у него из головы никак не выхожу. Значит, надо снова встретиться. На сей раз он предложил пойти на ужин в ресторан. Я, жившая очень скромно, ходила в ресторан только с Генрихом. «Если кавалеру я интересна и он приглашает, значит, он и платит», – наивно подумала я. Но радость по поводу щедрости немца оказалась преждевременной.

Все блюда в китайском ресторане были настолько большими и сытными, что на заказанный десерт в желудке у меня просто места не оставалось. Я искренне предложила сидящему напротив Гансу свой фруктовый десерт. Он без раздумий согласился и слопал его, даже глазом не моргнув. Я еще подумала: «Куда у них, у худых, все девается и с какой скоростью переваривается?» Мой кавалер обтер по-простецки рот рукой и, мигнув подошедшему китайцу, сказал:

– Счет принесите!

Китаец послушно кивнул и, вежливо наклонившись, уточнил с типичным акцентом:

– Вместо или отделнэ?

И Ганс, только что сожравший без остатка весь мой десерт, прошипел, не раздумывая:

– Отдельно!

Я чуть со стула не упала. Почему-то я даже не смогла напомнить кавалеру, что вообще-то он меня пригласил на ужин и, по сути, должен взять все расходы на себя. «Ну погоди, – подумала я про себя, – скупердяй северовестфальского засола! Ты меня еще попомнишь…»

Он отвез меня домой. Прощаясь, я была сдержана, как на официальном приеме. Наверняка даже пустая немецкая таранка способна понять, что шансов на встречу с русской леди больше нет. Шевельнулось ли что-то в душе у этого молодого человека, я не знала. Мне это было безразлично.

Глава 23
Дефицит времени. Запуганный влюбленный

Среди писем, к сожалению, были и такие, авторы которых жили исключительно в своих мечтах. Понятно, что этих клиентов-пациентов на самом деле не интересовали ни реальность, ни личность адресата.

Однажды меня очаровало письмо немолодого одинокого человека, в котором было много лирики и умных красивых фраз. Но после вежливого телефонного разговора с семидесятилетним ловеласом стало понятно, что он из числа виртуалов, романтиков на расстоянии. Да и для меня он был староват. Потому я вздохнула с облегчением, когда дедушка сам откололся и исчез из эфира.

Были ли это страх перед новыми отношениями или просто игра с целью отвлечься от одиночества, встретившись с новой пассией, интересной, экзотичной дамой – на анализ всего этого у меня не хватало времени. После двух телефонных разговоров я прекращала контакт с таким «пациентом» и переходила к следующему. А если мне опять приходило письмо с обильными комплиментами, я не принимала его всерьез.

Поиск партнера в оставшуюся до конца года пару месяцев съедал массу душевных сил и времени. Я и предположить не могла, насколько трудно искать иголку в стоге сена под давлением времени и обстоятельств.

Впрочем, интересные встречи все же случались. И поэтому я тихо надеялась, что мне вдруг повезет.

Приятным внешне и по характеру показался мне Георг из Билефельда. Он был старше на пять лет. Высокий, спортивный, образованный мужчина. Пару лет назад Георг получил диплом социолога и теперь работал с трудными подростками. Вначале я думала, что он весьма открыт и дружелюбен. Но, чем ближе его узнавала, тем сильнее удивлялась. Георг вел себя, как запуганный заяц. Несмотря на это, отношения мои с этим кавалером продолжались. Георг был мне приятен. Я даже была готова в него влюбиться.

Из разговоров выяснилось, что Георг был очень несчастлив в первом браке. Его бывшая жена была неспокойной, агрессивной, даже больной особой. После развода их общий сын оставался с матерью, но потом, учитывая возраст и желание мальчика жить с

отцом, Георг забрал его к себе. Андрэ было около двенадцати лет, и он показался мне очень добрым и общительным. Во всяком случае, мы сразу нашли общий язык. Андрэ часто обращался ко мне с вопросами, задерживался после общей трапезы за столом, присоединяясь к беседе, просил проверить уроки.

Но вот что странно: все это не радовало, а очень настораживало Георга. Он не мог поверить в истинность этих отношений. Считал, что невозможно, чтобы два человека без проблем понимали друг друга. Даже подозревал что-то неестественное в доверии своего сына ко мне и мрачнел с каждым днем.

Однажды вечером, во время моего трехдневного пребывания в Билефельде, я по просьбе Андрэ проверяла его немецкую и французскую грамматику. Затем Андрэ начал заучивать слова вслух. Он делал одни и те же ошибки, и я немного повысила голос, чтобы объяснить, что не так. Мальчик отреагировал на замечание спокойно. Но через минуту дверь отворилась, и на пороге появился озадаченный папаша.

– Что случилось? – спросил он с насупленным видом.

– У нас все в порядке, пап, мы тут готовимся к контрольной, – ответил Андрэ.

– А… Ну ладно… – с недоверием пробурчал отец.

После обеда Андрэ остался в своей комнате смотреть видик, а Георг предложил мне прогуляться по городу. Я согласилась. Я чувствовала, что нравлюсь Георгу, и мне он тоже интересен. Казалось бы, дружба с Андрэ должна была только укреплять наши отношения, но Георг был настроен мрачно. Во время прогулки в парке он сказал, что я – первая женщина в его жизни, которую полюбил его сын. Георг этого не понимает, да и не верит в чистоту такой любви. Я, как могла, пыталась убедить его: «Твой сын еще ребенок, он чувствует все лучше и точнее, чем взрослые, его нельзя обмануть. Так что, если ты любишь своего сына, доверяй его сердцу». Но, к сожалению, мне трудно было что-то доказать Георгу. Он настолько привык бояться всего в жизни, в том числе и отношений с женщинами, что уже не доверял никому.

Я невольно спрашивала себя: «Почему мне нужно стучаться в железную дверь, чтоб доказать взрослому мужчине, что я такая, какая есть, и что у меня нет никакой выгоды притворяться или играть. И почему вообще я должна ему что-то доказывать и тратить свою энергию на убеждения. Ради чего? Если он не способен оценить меня, значит, нечего здесь ждать чуда».

В Падерборн я вернулась уставшей от изматывающих разговоров, сомнений и рада была побыть одна и обо всем

подумать. Потом Георг звонил мне еще несколько раз, но я чувствовала, что он не свободен от прошлого и не залечил свои раны. «У этих людей есть все и в то же время нет главного, – думала я, – веры в лучшее и в самого себя».

Из ста двадцати кандидатов в списке оставались единицы. Время не шло, а стремительно летело, и на дворе стоял уже конец августа. У меня было назначено очередное свидание. Один из женихов обещал приехать ко мне в город, чтобы вместе сходить на спектакль студенческого театра. Но раздался телефонный звонок, и кавалер, выразив сожаление, сказал, что он не сможет выбраться на встречу – он должен срочно навестить родителей. «Какая замечательная отговорка!» – подумала я, вычеркивая жениха из своего списка.

Чтобы как-то развеяться, я стала думать о том, с кем бы мне пойти в театр. В это время опять зазвонил телефон. Это был Генрих. Узнав об отказе клиента, он выдал новый план. Этот человек обладал дисциплиной и организованностью, как в лучшем, показательном полку царской армии, а его силе воли и находчивости мог бы позавидовать любой работник секретной разведки.

Глава 24
План Генриха или случайность? Билеты на спектакль

Билеты на спектакль Хоффмана «Всякий» в студенческом театре были куплены на тридцатое августа. Представление должно было состояться во дворе старинного монастыря под открытым небом, в окружении живописных пейзажей. Почти как во времена Шекспира или Гёте.

Через пару часов мне опять позвонил уникальный разведчик Флетчер и торжественным тоном заявил, что нашел подходящего спутника для похода в театр.

Генрих сказал, что знает этого человека по их прошлой совместной работе в университете. Сейчас он находится на пенсии, у него взрослые дети и не так давно умерла супруга. Мне следует ждать его звонка, чтобы договориться о встрече.

И действительно, вскоре позвонил незнакомец и, представившись бывшим сотрудником Генриха по имени Ханс, предложил составить компанию. Я отнеслась к этому спокойно, потому что очень устала. Устала от дамоклова меча завершающейся визы, от поисков нового партнера, от общения с мужчинами, которые сами не знали, чего хотели. Я желала тишины и покоя, отпуска от всех проблем и давящих страхов, от знакомств, вопросов и ответов.

Спектакль выпал на субботу. Погода стояла сухая, теплая, солнечная. Роскошный летний августовский день. Я была уже одета и наносила последние штрихи макияжа, когда позвонили снизу. Я нажала кнопку, чтобы впустить гостя. По всей видимости, лифт был занят, потому что Ханс долго не появлялся. Для своих семидесяти шести он был очень бодр, поэтому решил подниматься на восьмой этаж пешком. Неторопливо шагая и делая перерывы между этажами, Ханс столкнулся с девушкой, летящей вниз по ступенькам, и спросил, не Анна ли она. Получив отрицательный ответ, он продолжил подниматься.

Наконец он позвонил в дверь и предстал предо мной во своей красе – с широкой улыбкой и гордым видом. Обменявшись с Хансом легким приветствием и захватив сумочку, я вышла вместе с ним из квартиры. Настроение у меня было прекрасное, и чувствовала я себя очень легко. Наверное, потому, что не относилась серьезно к встрече с почтенным дядечкой весьма преклонного возраста. Я хотела просто немножко развеяться от

мыслей и хлопот последних дней и посмотреть спектакль.

Весь вечер Ханс был галантнейшим кавалером, демонстрируя хорошие манеры и стараясь угодить. Он открывал передо мной дверь своей скромной машины, интересовался моим мнением, а в театре настаивал на том, чтобы я сидела (публики оказалось больше, чем стульев), сам же героически стоял. Подвезя меня домой после спектакля, Ханс договорился о следующей встрече. Он уже узнал, что я люблю природу, потому решил пригласить меня на прогулку и обед.

Неделя пролетела как миг, и за жарким летом наступила великодушно теплая бархатная осень. На дворе стоял сентябрь. Список потенциальных женихов редел не по дням, а по часам. Но оставалась еще парочка клиентов, которых надо было отработать согласно обязательной программе. Одной встречи с каждым из них было для меня более чем достаточно, чтобы принять решение.

Субботним днем, около полудня, Ханс ожидал меня возле дома. Как и при первой встрече, он был одет в лучшее, что мог выудить из своего скудного гардеробчика для особых случаев или праздничных дней. Ханс чувствовал себя помолодевшим и был похож на бодрящегося петуха с поднятым вверх клювом, подтянутым животиком и заложенными за спину руками. Он прохаживался от подъезда моего дома до своего «фиатика», демонстрируя удовольствие от внезапно озарившего его существо знакомства с девушкой.

Ну когда еще представится такая возможность пообщаться с юной, очаровательной особой! Ханс был вне себя от радости. Вот она, счастливая минута, которой наградил его Бог за страдания и потерю любимой супруги. Теперь он свободен. Да, он свободен, и это прекрасно, потому что вместо грусти и скорби в его душе теперь царило счастье. «Ах, этот господин Флетчер, ну и душка же он, какой сюрприз мне преподнес!» – думал про себя благодарный и почти опьяневший от своих фантазий Ханс.

Я вышла на порог дома. Ханс расплылся в улыбке, всем свои существом показывая, как рад этой встрече. Открыл дверцу «фиатика» и помог мне сесть в машину. Почти вприпрыжку, едва сдерживая пыл и мальчишеское волнение, сел рядом и, пристегнувшись ремнем, гордо сообщил, что мы поедем в один хороший ресторан, а потом, если я пожелаю – в близлежащий парк на прогулку. Ему с трудом удавалось скрывать свою радость. Да и надо ли было ее скрывать! Казалось, его безнадежному одиночеству пришел конец.

Глава 25
Влюбленность молодит чертовски. Неожиданное предложение о замужестве

Отобедав в одном из пригородных ресторанов и договорившись после прогулки вернуться сюда на чашку кофе, Ханс и я вышли в ухоженный дворик, за которым открывался огромный парк. За парком виднелся лес. Действительно, шикарный ландшафт!

Ханс взял из машины припасенные для встречи фотоаппарат и бинокль, и мы направились на прогулку. Не прошло и двух часов, как Ханс уже знал обо мне очень многое: и о работе, и о том, что в скором времени мое пребывание в Германии заканчивается. Он расспрашивал меня, почти утверждая, что мне наверняка нравится здесь жить и что я хотела бы здесь остаться, – как будто читал мои мысли.

Ухоженные аллеи парка и резной мостик над ручьем напомнили мне Царское Село. Мы шли по дорожке, вьющейся среди лип, когда вдруг Ханс повернулся ко мне и остановился. Улыбаясь, как старый и опытный кавалер, и ничуть не смущаясь, он предложил мне выйти за него замуж.

Это была наша вторая встреча. И я, находясь в состоянии тихого шока, даже не нашла слов для ответа. Оправившись от удивления, я честно сказала ему: «Ты ведь меня совсем не знаешь. Да и я не могу представить себе настоящий брак с человеком, значительно старше меня по возрасту». Ханс ничуть не смутился, а весьма уверенно ответил, что чувствует людей и что сразу понял, какая я на самом деле. По характеру я напомнила ему бывшую супругу. Те же живость, эмоциональность, прямота, смелость и решительность в словах и поступках. И поэтому ему не требуются месяцы и годы, чтобы понять, нужна я ему или нет. Он все увидел сразу. И я ему очень нравлюсь. И еще… он просто хочет мне помочь.

Я была в замешательстве. Я настолько устала от бесконечных встреч с мужчинами, от этой борьбы – постоянно чего-то искать, достигать, добиваться, – что на какой-то момент происходящее в парке мне показалось нереальным. Как будто это и не моя жизнь. Ведь за меня уже все решили, и мне не нужно больше мучительно кого-то выбирать, перечитывать письма, выполнять желания потенциальных партнеров, вести мучительные внутренние

диалоги. Погруженная в свои мысли, я с трудом следовала разговору.

А Ханс, видя свою цель и не сходя с курса, продолжал:

– Ну смотри… По окончании визы тебе надо будет уезжать из страны – тут я тебе ничем помочь не могу. Даже если я пойду в иностранный комитет, кто меня там будет слушать? – логично рассуждал он. – Значит, чтобы ты могла легально остаться, нам нужно пожениться. Все очень просто. Если это единственный путь, то надо по нему идти, – обосновал он.

Я все еще не могла прийти в себя от такого поворота событий и не представляла, как надо вести себя дальше.

Чтобы сменить обстановку, я предложила Хансу выпить чашку кофе. Мы вернулись в ресторан… У Ханса было веселое выражение лица, он был оживлен и бодр. У меня же, напротив, мысли роились как муравьи: я думала о том, что все еще люблю циника Генриха, что декабрь так же неизбежно приблизится, как за весной наступило лето, а за теплым летом пришла осень. Я не хотела ни знакомств, ни новой любви, ни новых страхов и переживаний. Мне хотелось только одного: покоя. Но именно этого у меня и не было. Потому что старый дядечка в очках, с ухоженными седыми волосами и длинными пальцами часовщика внес в мою жизнь еще одну дилемму. На сей раз посерьезнее, чем встречи с подходящими мне по возрасту незнамо-чего-хочу-мужчинами. И эту дилемму после объяснения Ханса, что он «просто хочет мне помочь», нельзя было взять и вышвырнуть в мусорное ведро.

Принесли кофе, сухой пирог для Ханса и пирожное для меня. Я молчала. Ханс чувствовал себя если не героем года, то героем дня на все сто процентов! После неожиданного знакомства со мной он снова почувствовал себя молодым, появилось желание жить, море планов и фантазий. Он и в мечтах себе такого не представлял! Да и какие мечты могли быть у скромного немецкого пенсионера, всю жизнь кормившего семью из шести человек, не имеющего ни наследства, ни каких-либо сбережений, ни собственного дома… А тут, на тебе – красивая, молодая, образованная иностранка, которая сразу ему понравилась и которая хочет жить в Германии!

У Ханса не было тех материальных благ, которые он мог бы предложить, скажем, молодой немке. Да ни одна молодая немка и не посмотрела бы на него серьезно. Глаза у Ханса затуманились… Молодая… Такой шанс он упускать не желал. Когда еще такое подвернется? Никогда – он знал это наверняка. И потому был горд своим решением и собственной смелостью. С момента смерти его жены еще и года не прошло – всего семь

месяцев. За это время Ханс успел вкусить одиночества и не хотел к нему привыкать. Одиночества Ханс боялся, особенно теперь, видя, какие шансы открывает перед ним жизнь.

Выпили кофе. Я сказала, что нужно время, чтобы подумать над его словами, если, конечно, эти слова серьезны.

– Конечно, серьезны, – ответил окрыленный Ханс. – Когда я увидел тебя в первый раз, мне сразу стало ясно, что я влюбился. Сам этого не ожидал, но это так. Решения я принимаю быстро, резину не тяну. Так же было и с моей первой женой. Поэтому теперь ты должна принять решение. И помни: я хочу тебе помочь… – повторял он свои волшебные слова.

Глава 26
Суп в термосе и часы. Все неслучайно

Я понимала, что оказалась в тупике… Как бы там ни было, но от пожилого человека я не ожидала такого молниеносного предложения о замужестве или о «помощи», как он выразился.

«И как, интересно, эта помощь будет выглядеть, если речь идет о совместной жизни? И почему, собственно, Ханс так рвется мне помочь? Ну, хорошо, я ему нравлюсь… – размышляла я. – Но разве это основание принимать такое решение? Что это – помощь Бога или еще одно испытание?»

Тем временем Ханс звонил и интересовался, как дела. Он не был навязчив, но в нем чувствовался, несмотря на возраст, какой-то оптимизм.

В одну из следующих встреч, когда мы сидели после обеда в кафе, Ханс спросил напрямую, что я решу с его предложением. Мне нечего было на это ответить. Я сказала только, что в последнее время на меня навалилось много работы, разных встреч и стрессов, поэтому мне требуется время, чтобы обо всем спокойно подумать. Я сама скажу Хансу о своем решении, дам ответ, которого он ждет. Но для этого мне нужно побыть одной и мы пока не должны встречаться. «У меня и без того от неожиданности происшедшего и всех событий последних месяцев голова идет кругом…» – призналась я Хансу.

Он с пониманием покивал, напомнил о серьезности своих намерений и попутно заметил, что я все время поглядываю на часы, – они у меня то отставали, то шли вперед. Поскольку до выхода на пенсию Ханс был часовщиком, он предложил мне проверить «машину» – российские, с браслетом, механические часы.

Прошло два дня. Несмотря на мою просьбу меня не беспокоить, Ханс все же позвонил и предложил увидеться. Коротко. Возле парадной. Меня это рассердило, но все же я спустилась вниз и увидела там своего пожилого поклонника с сумкой в руках. Ханс протянул ее мне.

– Я тебе тут супчик куриный сварил. Дай, думаю, завезу. Может, ты занята, так тебе и стряпать некогда, – сказал он в свое оправдание.

«Ясное дело, дядечка хотел снова меня повидать. Влюбленный…» – подумала я. В холодильнике у меня было

достаточно еды. Но не буду же я ему термос с супчиком обратно отдавать.

– Спасибо, Ханс, – сказала я, – у меня и правда много работы. Так что я побежала…

– Приятного аппетита, – успел произнести Ханс с улыбкой, прежде чем дверь парадной закрылась перед его носом.

Поднимаясь по лестнице, я подумала: «Может, Ханс не такой уж и плохой кавалер? Заботится обо мне. Общаться с ним легко. А главное, он знает, чего хочет. И не сдает позиций…» Я улыбнулась. Супчик в термосе приятно оттягивал руку.

А вечером на меня снова навалилась тоска. Я ощущала себя беспомощной и одинокой. Выброшенной морским штормом щепкой, одиноко лежащей на мокром песке и теперь окутываемой тихими, спокойными волнами моря. У этих волн тоже есть свой язык. Его нужно лишь понять, хорошо к нему прислушаться. И тогда придет верное решение!

Как всегда в таких ситуациях, мне помогала тишина. Покой. Природа.

Чтобы на какое-то время остановить поток нескончаемых мыслей, я решила прогуляться в небольшом лесопарке. Несмотря на мокрый сентябрьский день, там были люди, и я поспешила вернуться. Уже подходя к дому, я заметила, что на детской площадке ни души. Вокруг было так тихо и спокойно, что казалось, сырость воздуха исчезла куда-то вместе с прилетевшим легким ветерком, кружившем в своем танце уходящие запахи лета и подступающие томные ароматы осени. Я вдохнула полной грудью все запахи земли, трав и деревьев, особенно сочных после дождя.

Я сидела на лавочке безлюдной детской площадки и смотрела в пустоту. Покоя в моей душе не было. Я думала, думала, думала над предложением Ханса. За эти годы я успела узнать немецкую психологию, и меня настораживало, даже слегка пугало это сумасшедшее, отнюдь не холодно-продуманное предложение о замужестве. «Наверное, – размышляла я, – влюбленному вдовцу на старости лет так хочется украсить себя молодой иностранкой, что он даже не думает о материальном. А потом, ему действительно нечего терять: квартира съемная, сбережения небольшие, ну разве что есть скромненький «фиатик»…»

На самом деле влюбленный Ханс не был таким уж простачком, как это могло показаться на первый взгляд. Нет-нет, он проконсультировался у юристов, посоветовался с друзьями и детьми и в результате защитил себя так, как я и не предполагала. Поэтому окрыленному и почти заново рожденному Хансу было

действительно нечего терять.

Глава 27
Жестокий компромисс

На детской площадке я просидела почти час, погрузившись в свои мысли и совершая очередную сделку с совестью. Высчитывала все «за» и «против». Как это было нелегко, особенно для меня, человека открытого, прямого и честного! Ведь любви здесь и быть не могло… Однако надо было на что-то решаться – образ маленького сына стоял перед глазами. Саша ждал встречи с мамой, а я безумно хотела как можно скорее прижать его к себе. Ребенку, как и любому человеку, нужна стабильность, а не штормовые валы, которые подарила всем наша страна, распадаясь на осколки…

Мысли о сыне и его будущем сменялись воспоминаниями из детства и врезались в эти размышления, как спицы в колеса. От них было уже никуда не деться. Перед моими глазами проплывали картины бабушкиного дома в скромненьком селе Днепропе-тровщины, ее рассказы о жизни на Украине в страшные тридцатые годы. Бабушка сидела за швейной машинкой, подшивала свое единственное нарядное платье, которое надевала только по праздникам и в церковь, и вспоминала, вспоминала…

Сухие цифры статистики не могут передать чувства человека, всю боль пережитого. Согласно этим цифрам, в 1932 году «количество случаев смерти и опухания людей от голода по всей стране, и в особенности на Украине, достигало катастрофических масштабов». Согласно этим же цифрам, именно Днепропетровская область была наиболее пострадавшей, где зарегистрировано от 60 до 70 процентов случаев голодания по сравнению со всей Украиной.

Бабушка рассказывала о том, как по ночам, чтобы не умереть от голода, она ходила в посадки собирать зернышки – все, что могло остаться от уже снятого урожая или выпасть при транспортировке зерна в центр Украины. Поскольку на железной дороге везде стояла вооруженная охрана, риск таких предприятий для молодой женщины был огромен. Но бабушке надо было кормить семью, и, одеваясь в темные обноски, она пряталась во тьме, как черная кошка, которая ходит между двумя смертями – умереть от голода или быть расстрелянной за то, что собирает остатки от остатков.

Бабушка старалась быть сильной и сдержанной. Но, вспоминая те годы, она не могла остановить ручьи слез, текущих по щекам. Она плакала, как будто и без эмоций, пересиливая

поднимавшуюся из глубины души боль. Это были слезы человека, пережившего все грани жизни и смерти, унижения и принуждения. Эту картину я запомнила навсегда. Слезы бабушки. А еще – тетрадки, документирующие явку на работу в колхоз. Пожелтевшие от времени листы, которым место в государственном музее. В них стояли палочки за дни работы в колхозе, куда людей сгоняли как скот и не платили денег. В лучшем случае раз в месяц отсыпали мешок муки на всю семью.

Что это была за жизнь… и чем была наполнена эта жизнь? Страхом, отчаянием и нуждой… И вечной, неизмеримой болью. Неутихающей болью многих поколений людей, вынужденных существовать в системе, где с волей и свободой человека никогда не считались.

Мне же сейчас дается возможность выбрать для себя пусть незнакомую, но все же другую жизнь. И не глупо ли отказаться от шанса жить в демократической стране? Стоит ли возвращаться на Родину, туда, где как не было, так и нет порядка, даже после развала «великой державы»?

Не зря же я приехала сюда и столько испытала?! – почти прокричала я. Значит, так было нужно. И для меня, и для Саши. И предложение Ханса – это промысел судьбы.

Глава 28
Решение. Брачный контракт

И все же я тянула со своим ответом Хансу. Пылко влюбленный названивал и постоянно приглашал на прогулку или на обед. Я же придумывала отговорки, только чтобы не встречаться, откладывая решение проблемы на потом… При этом знала, что Ханс никуда не денется и мне придется дать ответ.

В душе я надеялась, что мне повезет и какой-нибудь мужчина подходящего возраста встретится на моем пути в это будто сквозь пальцы быстро утекающее время. Я ждала чуда. Но умом понимала, что чудо на самом деле уже произошло. Старый мужчина по имени Ханс без промедления предложил мне то, что сейчас нужно. Чудеснее и быть не могло! Но что будет со мной в таком неравном браке – с человеком, годившимся мне в дедушки.

Генрих, знающий обо всех новостях моей жизни, тоже не давал покоя, намекая, что пора дать ответ старику. «Сколько еще можно думать! Да и что тут думать? Выбирать тут нечего!» – настойчиво повторял он.

Я была уже готова дать Хансу ответ, как откуда ни возьмись выплыл один из однокашников моего соседа-немца, моложавый, привлекательный Йенс. Я даже обрадовалась: ну, наконец-то… Хоть отвлекусь от этой тянущей меня вниз истории с Хансом. Надо расслабиться. Забыться.

Но я ошиблась. Пообщавшись с ней и узнав о причинах моих тревог, Йенс хоть и отнесся к этому с пониманием, но засовывать свою шею в петлю рассудительному немцу вовсе не хотелось. Он расточал комплименты, однако это было последнее, в чем я сейчас нуждалась. Йенс объяснил, что не готов вообще ни на ком жениться, включая даже женщину своей мечты Джулию Робертс. Он слишком ценит покой и независимость.

Я поняла, что все мечты и надежды надо оставить и принимать решение разумом, а не чувством. Причем не откладывая.

Когда я дала Хансу согласие на брак, тот намекнул, что мне надо подписать один очень важный документ у нотариуса. Я удивилась: разве не достаточно того, что я сказала: «Да, я согласна»?

– Нет, ты должна это сделать! – настаивал старик.

Рассердившись, я бросила ему:

– Ничего я никому не должна!

Ханса это, похоже, только раззадорило. Характер мой был

ему по вкусу.

Но ехать к нотариусу я отказалась и решила поговорить на эту тему с Генрихом. Мой любовник выступил здесь в роли третейского судьи и дал понять, что ничего дурного в том, чтобы подписать брачный контракт с Хансом нет. На этом, скорее всего, настаивают его дети и родственники. И если жених сделал мне предложение о замужестве, то и я должна пойти ему навстречу.

Я понимала, что в данный момент никто не будет считаться с моими капризами, чувствами и желаниями. Есть спрос, и есть предложение. Все просто, как в арифметике. И Ханс, как истинный немец, все продумал и решил себя подстраховать на случай неудачи в браке. Чтоб, не дай бог, «эта русская» ни на что не позарилась!

Итак, на повестке дня стояло посещение адвоката. Молодая привлекательная женщина, вторая жена домашнего врача Ханса, стала объяснять, что у меня, как иностранки, нет и не может быть никаких претензий на пенсию Ханса. На это имела право только его умершая жена, прожившая с ним почти пятьдесят лет. Посему все очень просто: мне с Хансом перед заключением брака необходимо подписать подготовленный ею брачный контракт, по которому я в случае развода не получаю ни копейки из пенсии супруга.

– Надеюсь, вы понимаете всю правоту сказанного? – обратилась ко мне адвокат. – Кроме того, вы молоды и вполне можете зарабатывать деньги своим трудом, не рассчитывая на чью-то помощь, – добавила она учтиво-холодно, показывая who is who в этой стране.

Далее мы отправились к нотариусу, который, зачитав текст подготовленного документа, разъяснял мне и Хансу юридические детали.

– А ваш немецкий лучше, чем я предполагал, – по-деловому улыбнулся он. – Значит, вы все прекрасно понимаете, не так ли?

Последнее предложение нотариус читал особенно медленно:

– В случае раздельной жизни, даже учитывая *нужду* госпожи Анны как жены, ее супруг освобожден от каких-либо финансовых обязательств по отношению к последней.

Ханс заерзал на стуле. Ему было дискомфортно от этой фразы. Нерешительным тоном он попросил выбросить ее. Но строгий нотариус, глядя на Ханса поверх таких же строгих, как он сам, очков, разъяснил ему, как школьнику:

– Мы не можем изъять эту фразу из брачного контракта. Иначе он теряет свою силу и весь смысл. Понимаете?

После робких попыток изменить ситуацию, Ханс сдался в руки немецкой юстиции, блюдущей порядок и охраняющей покой

и достаток своих граждан.

Брачный контракт был подписан. Теперь окрыленному жениху оставалось только дождаться дня свадьбы.

Глава 29
Замуж за Германию

В целом мне потребовалось три месяца, чтобы дать ответ Хансу. Это было для меня нелегким решением. Я пролила немало слез, вспоминая рассказы бабушки и скучая по любимому сыну, а главное, понимая, что я обманываю свою совесть, самое себя. Этот брак был сделкой. Но я не могла, а вернее боялась, поступить по-другому. Я пришла к выводу, что возвращаться в Россию, в те условия жизни, от которых я бежала, глупо. И глупо не воспользоваться открывающимися передо мной возможностями золотого Запада, куда все рвутся и где *я уже* находилась…

Регистрация брака была назначена на пятнадцатое декабря. До конца моего официального пребывания в Германии оставалось ровно две недели. «Если ты еще будешь раздумывать, останется только собрать вещи и лететь в Россию», – сказала я сама себе. Нет, я этого больше не хотела. Мне нравилось жить в этой стране. Но теперь меня ожидала совсем другая жизнь – по сравнению со статусом любовницы циничного и жесткого немца Флетчера. С ним я имела право высказать свое мнение, подуться или даже собраться и уйти. Но я жила отдельно. И в этой чужой стране у меня была *своя свобода*.

Выходить же замуж за человека на сорок лет старше было совсем иным делом. И после заключения свеженького брачного контракта я вызвала Ханса на разговор. Если он так со мной поступает, то что мне, собственно, терять? У меня тоже есть какие-то права, убеждала я себя..

Мы прохаживались вдоль канала в живописном пригороде Падерборна. Ханс, как и полагалось влюбленному, без конца фотографировал меня. Попозировав ему, я собралась с духом и сказала:

– Помнишь, ты говорил, что хочешь мне помочь? Я принимаю эту помощь.

Ханс удовлетворенно закивал.

– Но… ты не обижайся на меня… я не могу себе представить настоящей супружеской жизни с человеком, который старше моего отца. Я предлагаю тебе свое общество и дружбу, и это без ограничений, но на большее… ты не должен рассчитывать. К тому же, Ханс… Твоя младшая дочь – моя ровесница…

Ханс молчал, и я заволновалась:

– Ровесница, Ханс, и у нее молодой муж. А если у меня будет

молодой любовник? Как ты к этому отнесешься?

«Я совсем обнаглела!» – мелькнуло в голове у меня, но я продолжала:

– В конце концов, наш брак имеет особый статус, ты сам говорил про «помощь». В общем, Ханс, у меня тоже есть условие. Мне нужна своя, отдельная, спальня!

В волнении я замолчала. Но Ханс мягко, по-отечески, потрепал меня по плечу и… согласился:

– Конечно, mein Mädchen…[1] Устроим тебе отдельную спальню.

Ханс жил в одном из типичных провинциальных городков Германии, где, как правило, тихо, спокойно и скучно, где соседи знают друг о друге все, заглядывают в чужие окна или от скуки сочиняют «кино» из жизни. Однажды я заметила, что соседи Ханса, о чем-то шушукаясь, с любопытством рассматривают ее из-за гардины. Для них переезд девушки был событием особой значимости: старик-сосед с молодой иностранкой! Интересно, подружку завел или собрался жениться?

Пятнадцатое декабря пришло так же быстро, как и наступившая зима. Мы условились, что после регистрации брака я останусь в Падерборне: собрать вещи, завершить дела, а к Хансу перееду через пару дней.

Свидетелями на свадьбе были Генрих и моя русская подруга Оля, собирающаяся с семьей переезжать на север Соединенных Штатов. Ее мужу – профессору математики – удалось выиграть конкурс на вакансию в одном из американских университетов. Оля не раз повторяла мне, как она рада отъезду из Германии: «Ты здесь всегда будешь иностранкой, – говорила она. – Совершенно не важно, сколько ты здесь живешь и как хорошо владеешь языком! В Соединенных Штатах совсем другая ситуация. Там можно чувствовать себя равноправным человеком». Я, конечно соглашалась с ней, но на тот момент меня никто не приглашал в США. Так что пока я видела свою задачу в том, чтобы бросить якорь здесь, в Германии.

На свадьбе была еще одна моя приятельница – Мэри, с которой мы вместе работали в баре. Маша уже успела выйти замуж за своего постоянного гостя, и он не хотел отпускать такую милую и добрую подругу обратно в Россию.

Отметили неравный брак в одном из ресторанов Падерборна. Законный муж спокойненько сидел за столом и тихо радовался событию, а не менее счастливый Генрих фотографировал меня. Может, его радовало, что план реализовался и я осталась в стране, а может, мысль о том, что при таком муже он будет, как и прежде, пользоваться всеми благами любовника…

Казалось бы, одной проблемой меньше. Надо мной больше не висел дамоклов меч отъезда из Германии. Но решение одной проблемы открывало передо мной другие, не менее сложные, задачи и лабиринты, о существовании которых я в день свадьбы и предположить не могла.

Глава 30
Новое в жизни. Трудности в поиске работы

Как ни крути, я теперь не могла принимать решения одна и должна была во всем считаться с настроением и мнением своего мужа-пенсионера. Ханс Мюллер был типичным скромным немцем – таким же, как и его фамилия, одна из самых распространенных в Германии. Господин Мюллер был стандартным и в своих суждениях: о политике, об истории, о молодом поколении. Свои речи он, как правило, начинал словами: «Вот раньше была жизнь… Все не так… Все идет в никуда… Все будет только хуже… Везде бардак…»

При этом Ханс откровенно полагал, что нынешнее благосостояние Германии было заработано исключительно трудом людей его поколения – людей, прошедших войну (очень часто – вынужденно, иначе их расстреляли бы), людей, которые восстанавливали послевоенную страну. При этом он не раз упоминал, как горд тем, что во Вторую мировую войну не убил ни одного человека. Охраняя казармы с русскими военопленными в Венгрии, он наслаждался игрой русских на гармони и балалайке. Вообще Ханс с симпатией относился к веселому и жизнерадостному характеру «враждебной» нации и даже делился с пленными русскими (разумеется, в отсутствие начальства) махоркой!

Я не намерена была во всем идти на поводу у супруга и высказывала свое мнение, приводила аргументы в защиту молодого поколения. И хотя старика было трудно в чем-то переубедить, он все же со скрипом, но вынужден был со мной соглашаться, повторяя и смеясь: «Тебе надо идти служить пастором в церковь!»

Безусловно, скука и одиночество жизни Ханса закончились, как только порог его двухкомнатной квартиры в маленьком городишке Бад-Зальцуфлен переступила нога жизнерадостной, молодой и предприимчивой супруги.

Поначалу меня тоже веселило наше общение. Но потом серость, монотонность и однообразие будней и разговоров неумолимо стало меня раздражать.

Генрих намекнул мне, что не мешало бы получить водительские права и быть в некотором смысле независимой или при случае помогать Хансу, пожилому человеку, в пути. Я

согласилась и начала посещать уроки в одной из водительских школ Падерборна.

Теорию мне удалось сдать с первого раза, а вот с практикой вождения у меня не ладилось. Я не смогла сдать экзамен и вынуждена была оплачивать дальнейшие уроки – это ужасно обрадовало моего инструктора, в бывшем профессионального солдата, который с нещадным цинизмом и хохотом критиковал всех женщин, сидящих за рулем. За последние годы он успел натренировать глаз на русских немок, аузидлеров, приехавших из Казахстана и Сибири и по-баптистски носивших платки и длинные юбки. Поскольку католический Падерборн был в десятки раз меньше Кёльна, Гамбурга и тем более Берлина, понаехавшие граждане распознавались с первого взгляда.

Теперь я находилась в стране абсолютно законно и считала, что мне просто необходимо идти к новым поставленным целям. Я уже отдала на оформление в МВД Германии документы на приезд сына и теперь собиралась найти достойную работу с перспективой. Я наивно полагала, что если человеку продлевают визу в стране на основании замужества, то перед ним открывается миллион возможностей, в том числе неограниченные шансы для карьеры.

Я стала регулярно покупать газеты крупных немецких издательств и убедила Ханса выписать местную региональную газету с целью поиска подходящей работы. Хоть он и доверил мне управление своими скромными финансами, я не хотела сидеть на шее у мужа-пенсионера. Дополнительно к пенсии Ханс зарабатывал ремонтом часов, но делал это больше для родственников и знакомых и из своей скромности за сущие копейки.

Прилежно читая бессчетное количество объявлений в газетах, я ходила на собеседования в посреднические фирмы. Но, к сожалению, без немецких корочек и «витамина В» (так здесь называют блат) в Германии трудно найти приличную работу, тем более журналистскую. Для более простого труда, которым занимается большинство иностранцев, меня считали «слишком квалифицированной», искали мне работу и… ничего не находили!

Чтоб получить дополнительные знания и быть в форме, я пошла на компьютерные курсы при университете. Но и это пока не помогало. Единственной радостью было то, что наконец, с третьего раза, я сдала экзамен по вождению и получила права. Гора с плеч! И в этот же вечер Ханс, большой любитель собирать модели самолетов, предложил поискать для меня, владеющей несколькими языками, работу в аэропорту.

Он не ошибся – для иностранки с улицы нашлось место в службе безопасности. Работа была с одним, но существенным минусом – она была сменная.

Едва получив права, я стала ездить в ночь по городским улицам и автобану в аэропорт Падерборна. Смены начинались в три часа ночи или в пять утра – «лучшее» время для нормальной работы трудно себе представить. Чтобы успеть собраться и приехать на утреннюю смену, вставать приходилось в час ночи, когда все уже спят или ложатся отдыхать. День для меня сменился ночью, и все перевернулось вверх дном, начались проблемы с давлением. После смены меня качало и тошнило, а ведь нужно было еще добираться домой по автобану. Я обессилела и потеряла аппетит, но «заботливый муж» как будто этого не замечал.

– Другие женщины работают, и ничего. Значит, ты тоже можешь, – говорил он мне с бесстрастной логикой типичного немца.

– Ханс, другие женщины – это другие люди. У каждой свое здоровье! Рано или поздно я не выдержу этих экспериментов и потеряю контроль, когда буду за рулем. Я могу вообще никуда не доехать! – Я возражала ему. Но не находила желанного сочувствия.

На старости лет Ханс полюбил молодую иностранку за то, что она не такая, как все. А сам живет по стандартам, тем, что удобны», думала я, садясь за руль и глядя сонными глазами в непроглядную тьму.

В последующие недели я работала только в ночную смену. Это было уже открытое издевательство, ведь есть же и другие часы! Когда стало невмоготу, я попросила поменять смену. Реакция была незамедлительной: меня вызвали к начальнику отдела.

– Я вижу, что эта работа, фрау Мюллер, вам не подходит, – строго сказал он. – Поэтому поищете что-нибудь другое.

– Я и сама здесь больше не задержусь ни на минуту! – гордо ответила я.

Не было пределов моей радости от того, что все само собой разрешилось и эксперименты закончились. Теперь хотелось только одного: как следует отоспаться!

Ханс же посматривал на меня косо. Как типичный немец, он ждал от жены такого же типичного поведения. Кроме того, это был удар по самолюбию: Ханс Мюллер с такой гордостью говорил всем, что его жена работает в аэропорту… Что он теперь скажет соседям?

Глава 31
Приезд сына и надежды на будущее

В связи с запланированным Сашиным приездом, к которому я готовилась, мы с мужем переехали в трехкомнатную квартиру в городке Бад-Липшпринге. Надо отдать должное Хансу, по скромности он занял самую маленькую комнату, оставив Саше просторную и светлую.

В Бад-Липшпринге, маленьком и уютном курортном городке Германии, была та же публика, что и в Бад-Зальцуфлене. Так что чуда взаимопонимания с новыми хозяевами – немцами по фамилии Кляйн (что с немецкого переводится как «маленький») – не произошло. Дежурные тупые улыбочки, бесцветное «Как дела?» и море нескрываемого любопытства к необычной семье… и «этой русской»…

В середине лета 1999 года я поехала в Россию. Погода стояла особенно жаркая и душная. Я гуляла с сыном по Петербургу, ездила с ним за город, но к концу августа уже успела истосковаться по Германии. Наконец все бумаги были собраны, и мы с Сашей отправились в дальнюю дорогу на поезде.

По приезде в Германию я сразу занялась оформлением сына в немецкую школу. Записала его в бассейн и на настольный теннис. А через несколько месяцев классный руководитель уже восхищался Сашиными успехами, утверждая, что его грамматика лучше и диктанты на немецком чище, чем у коренных немцев. Правда, дома Саша, как любой мальчишка, ленился и всякий раз, когда я приезжала после курсов в университете, в разговоре с мамой переходил на русский. Чтобы его знания в немецком улучшились, я сознательно оставляла Ханса вдвоем с сыном и просила его проверять у Саши уроки. В общем-то, мальчик и старик понимали друг друга и даже немного подружились. В конце осени, листая немецкие газеты, я наткнулась на интересное объявление. Речь шла о наборе персонала на мировую выставку в Ганновере, которая должна была проходить в 2000 году. Я сразу же написала туда. Просто потрясающая возможность, думала я, вырваться из этого провинциально-католического замкнутого круга и получить шанс на приличный контракт. Только мужу об этом ничего не сказала – у меня было предчувствие, что Ханс недоволен моей самостоятельностью и новыми идеями. Он был бы рад, если бы я вообще никуда не ездила, сидела бы себе как мышка дома и не высовывалась! Не зря однажды, заказав в кондитерской мышек из марципана и поставив их как

произведение искусства на стол в гостиной, Ханс в шутку заявил: «Если бы ты была из марципана, я бы тебя давно уже съел…»

Шутки шутками, но правда в них есть всегда…

В этих стенах мне просто недоставало свежего воздуха… Часто после завтрака Ханс тянул время за разговором, чтобы удержать меня от поездки по делам. А когда я, вырвавшись на свободу, вприпрыжку спускалась со второго этажа, слышала, как верный муж, стоя на пороге квартиры, провожал меня словами: «А я опять один…»

Иногда Ханс подбегал к моей машине, тревожно склонялся к окну и стучал по стеклу пальцами. «Анна, девочка, а когда ты приедешь? К которому часу мне готовить обед?» – вопрошал он, беспокоясь.

Чувствовалось, что Ханс относился ко мне как к своей собственности. Ведь я здесь всего лишь гость, иностранка. А он, благородный немец, обеспечил ей право находиться в этой стране. Значит, не мне решать, чего мне хочется, я должна слушаться мужа! Без него бы и ноги моей тут не было.

Тем временем выяснилось, что младшая дочь Ханса, моя ровесница, поставила отцу ультиматум: «Когда эта женщина, твоя новая жена, въедет в твою квартиру, я перестану тебя навещать и помогать по хозяйству». Насчет последнего проблемы не было, так как я взяла на себя обязательства по покупкам, организации порядка в квартире и домашнему хозяйству. Поэтому отнеслась к этому спокойно. Ханс тоже старался не придавать этому значения, полагая, что его дети, так или иначе, поймут его решение о браке и успокоятся.

И действительно, вначале с детьми Ханса у меня были хорошие отношения. Но младшая дочь, любимица умершей жены, настраивала братьев и сестер против меня. Ее муж на первых порах заходил к нам в гости, но, когда я попросила его записать на видеомагнитофон фильм «Унесенные ветром», дочь Ханса устроила мужу сцену и запретила что-либо делать «для этой женщины».

Постепенно кровная связь взяла верх, и со временем сестры и братья объединились против меня. Они влияли на отца, и это чувствовалось в те моменты, когда между нами вспыхивали ссоры. Тогда старый муж напрочь забывал, что он хотел «просто помочь» мне остаться в стране. Нет, он считал себя мудрейшим и образцовым супругом не только для Германии, но и всего человечества – героем, который гордо протянул руку помощи, чтобы спасти меня от «этой России». Как будто Россия была не страной, где жили люди, а настоящей тюрьмой. Складывалось впечатление, что я каждый день и час своей жизни должна

благодарить человека, который вначале объявил себя мессией, а потом, после заключения брака, стал вдруг без конца указывать мне на мое истинное место – место брошки на своем галстуке.

Глава 32
Почта из Ганновера Приглашение на собеседование

Мне повезло. Меньше чем через неделю пришла почта из Ганновера. И я с радостью объявила своим, что меня приглашают на собеседование. Я призналась Хансу в том, что написала заявление и что мне очень интересен этот проект – международная выставка «EXPO-2000».

Руководство выставки искало подходящий персонал для организации исключительно редкого для Германии и Нижней Саксонии события. Весь мир будет в гостях у Ганновера! Это большая ответственность и серьезный объем работы.

Выставка планировалась на пять, максимально шесть месяцев, то есть до середины осени, и я понимала, что участие в ней может стать первым и очень важным шагом на пути к карьере и новой жизни. Но Ханс не разделял мою радость по поводу предстоящих перемен – он с трудом скрывал свое недовольство. Всем своим угрюмым видом показывал, что происходит ужасное: его жена едет в неведомые края. В неизвестность. На неопределенное время.

Погруженная в свои мечты, я не придавала этому большого значения.

– Да ты радоваться должен за меня и за мои успехи! – говорила я ему с улыбкой.

– Радоваться… Чему тут радоваться? Ходила бы на работу, как все нормальные люди, – бурчал он себе под нос. – Нет, ей надо нестись куда-то. В Ганновер…

– Слушай, Ханс, да ладно тебе зудеть… Давай я съезжу на первое собеседование, а там видно будет. Хорошо?

Перед тем как отправляться в Ганновер, необходимо было пройти телефонный тест на английском. Разговор прошел интересно и внес еще больше возбуждения от ожидания новых событий, людей и изменений в жизни.

Собеседование в Ганновере состояло из двух частей. Я возвращалась домой после первого, как мне казалось, успешно пройденного этапа. У меня было великолепное настроение. Поднимаясь по лестнице, я увидела открытую дверь своей квартиры, а на пороге насупленного и недовольного всем миром строгого надзирателя-контролера Ханса.

– Ну, что скажешь? Чего такого умного ты там, в Ганновере,

наслушалась?

– Ханс, привет! Слушай, я так устала… И очень хочу есть, – ответила я, на что Ханс, чуть смягчаясь, пробурчал:

– Ладно, давай, проходи, будем ужинать… Мы с Сашей тебя ждали.

– Молодцы! Знаешь, Ханс, собеседование еще не закончилось…

– Чего им еще от тебя надо? – буркнул Ханс.

– Нас пригласили как потенциальных руководителей групп для работы с персоналом по обслуживанию гостей Всемирной выставки. Но предстоит еще отбор. Поэтому все ждут ответа по первому собеседованию: пригласят на второй тур… или откажут.

– Хм… Чего захотели… Мало им одного разговора…

– Дело не в разговоре, Ханс. Чтобы там работать, надо иметь определенную квалификацию, опыт работы с людьми, знать несколько языков, – это же проект интернациональный. А кроме того, с нами будут проводить занятия по работе с персоналом. Будут знакомить с выставкой, ее особенностями, давать инструкции по технике безопасности. Да много всего, Ханс…

– Ага… Ну, давай, дерзай…Ты, значит, в Ганновер, а я что? Тут с Сашей один? Ага… Это ты хорошо придумала! Хороша жена… Нечего сказать! – не унимался он.

Сидящий за столом Саша толкнул меня локтем:

– Мам, молчи, не спорь… Пусть себе говорит. Может, потом успокоится…

– А я-то думал, мы будем жить не тужить… Чего, скажи на милость, тебе в местном аэропорту не работалось? Захотелось ей… интернациональные, понимаешь, тут дела всякие…

– Ханс, давай не будем торопиться! Может, я и не получу приглашения! Вдруг меня не выберут на второй тур собеседования? Я же не знаю… Чего сейчас говорить о том, чего нет… Поживем – увидим… А что касается Саши, я уже думала об этом… Чтобы тебя не обременять… Нужно подумать, как организовать его лето…

Вечер был испорчен. Хотя в душе у меня все равно жила радость. Но никто, кроме Саши, это чувство со мной не разделял.

Ханс смотрел по телевизору какой-то немецкий фольклор, а я читала сыну книжку перед сном. Я устала. День был переполнен лицами незнакомых, но очень приятных людей, предчувствием счастья и новой жизни. Мне и в голову не приходило, что вслед за этим могут прийти неприятности и слезы…

Я жила в чудесной стране, которая мне пока очень нравилась. Старалась в совершенстве овладеть языком и изучить ее культуру, использовать все шансы для своего дальнейшего роста и карьеры.

Какие возможности откроются передо мной, если я получу контракт на эту работу!

Я засыпала уставшая, но счастливая и удовлетворенная событиями прошедшего дня.

Глава 33
Контракт на работу

На следующий день Ханс заявил тоном, не допускающим возражений, что он против моей работы в Ганновере и чтоб я и мечтать не смела ехать туда на второе собеседование. Я, как человек откровенный, не могла скрыть обиду. Почему я должна настолько зависеть от его слов, настроения, старомодных представлений о жизни? Почему там, где мне открывалась удача, где я чувствовала правильность своих действий, я наталкивалась на эгоизм и ограниченность мужа, не имеющего ни малейшего представления о том, как плохо обстоят дела на рынке труда, особенно для женщин-иностранок! Ведь контракт на работу в Ганновере мог дать мне хороший старт для новых контактов и реальные шансы на будущее. К сожалению, моему пенсионеру-супругу все это было безразлично.

Но все же Ханс не был таким дураком, чтобы не видеть, как я переживаю из-за наших разногласий и его категоричности. Тем более что я стала с ним сдержаннее в общении. Желая как-то смягчить ситуацию и вывести меня на разговор, Ханс намекнул, что если уж я так хочу эту работу, то ему ничего не остается. Ведь он желает мне только добра и счастья! Он так меня любит, и все советы, которые мне дает, – от чистого сердца! Проблема в том, что я все хочу делать по-своему! Слушалась бы лучше мужа – и были бы в семье мир и покой…

Приглашение на второй тур собеседования не заставило себя ждать. С учетом рождественских праздников, оно было запланировано на январь 2000 года.

Еще до своего замужества, посещая различные курсы в Высшей народной школе, я познакомилась с интересной немкой по имени Михаэла. Однажды, после курса риторики, мы разговорились, и Михаэла пригласила к себе на чашку кофе. Она была необычным человеком и уж совсем нетипичной немкой. Несмотря на свою частичную инвалидность (у нее была парализована левая часть тела), Михаэла была очень привлекательной и просто светилась оптимизмом и жаждой жизни. Со вкусом одетая, она не ходила, как некоторые немки, в пижаме и домашних тапочках и всегда пользовалась макияжем. Михаэла стремилась к новым знаниям и общению с интересными людьми. С ней можно было говорить часами, днями на разные темы и доверять все самое-самое сокровенное!

Мы виделись в университете – Михаэла работала там в

видеотеке, и я иногда заходила к ней. На Новый, двухтысячный год Михаэла со своим другом решили закатить вечеринку, и я была среди приглашенных гостей.

Как отнестись к этому приглашению? Сашу в ночь не возьмешь, все-таки школьник еще. Хансу такие выходы не по вкусу, ему хотелось домашнего покоя. Я спросила мужа, отпустит ли он меня, и он вроде бы согласился. Но кислое лицо Ханса, провожающего меня в дверях квартиры, говорило об обратном: он хотел, чтобы я была рядом с ним. Как кукла. Как брошь на галстуке. Как марципановая мышка. Я – его собственность. *Его купленная радость.*

Я встретила Новый год с добрыми и интересными людьми, надеясь на успех и интересную работу, которая была у меня почти в кармане! И еще на множество радостных, хороших дней, которые принесет мне этот год и вся предстоящая жизнь!

Но, возвращаясь ранним утром домой, я уже представляла себе, какие гримасы будет за завтраком корчить мой муж и как мне надо будет на это реагировать. От пасмурных мыслей было тяжело на душе. Хотя то, что рядом был Саша, мой сын, согревало и отвлекало от зависимости и грусти.

В середине января прошел второй тур собеседования, на котором со мной подписали контракт на работу на Всемирной выставке. Я была вне себя от счастья. Тем более, что попала в число лучших будущих руководителей, отобранных для работы с обслуживающим персоналом выставки!

Подъезжая на поезде к Падерборну, я подумала о том, что надо бы поговорить с Генрихом. Ходячий генератор идей мог всегда подсказать что-то толковое. Может быть, он поможет советом, как организовать лето для Саши?

Дома меня подстерегала неожиданность: я увидела приветливое лицо мужа, который как будто откровенно радовался моим успехам и даже поздравил с получением контракта на работу.

Все, казалось бы, сулило перемены к лучшему. Во всяком случае, я от всего сердца в это верила, не предвидя ничего дурного…

Глава 34
Всемирная выставка-2000

В воскресенье после совместного завтрака мы с сыном и Ханс, как правило, выбирались на природу. В холодную, дождливую погоду чаще всего ездили в загородный ресторан, который любили все, особенно Саша. Располагался он в сорока километрах от Бад-Липшпринге, на территории большого лесопарка с живописными полянами, беседками и ручьями, где можно было гулять часами. Прямо посредине леса, за высокой оградой, бегали по обширной зеленой лужайке зайцы и косули.

Летом и в хорошую погоду всей семьей устраивали многочасовой велосипедный тур. Ехали чаще в близлежащий курортный лес. Там было достаточно лавочек для отдыха и ухоженных дорожек. Этот лес, как и парк в Бад-Липшпринге, был богат озерами и маленькими речками, в которых плавали золотые рыбки. Я так радовалась, что Саша дышит чистым воздухом и заряжается массой приятных впечатлений и эмоций! Бад-Липшпринге, рассказывал нам Ханс, славится в Европе очень чистым и богатым озоном воздухом. Поэтому здесь были построены санатории и реабилитационные центры по лечению болезней верхних дыхательных путей и легких.

В мае у меня началась работа. Мне пришлось снять комнату в Ганновере, потому что только дорога до Падерборна занимала более двух часов, а потом еще надо было ехать пятнадцать километров до Бад-Липшпринге. Каждый день я звонила домой и общалась с Хансом и Сашей. А в пятницу, после работы, торопилась на поезде к ним. Они встречали меня в Падерборне, на вокзале.

Поначалу график работы был стандартный: с девяти утра до шести часов вечера. В течение этого времени руководителей групп знакомили с особенностями работы выставки. Для этого проводились различные тренинги, конференции, семинары со специалистами и организаторами «EXPO-2000».

На выставке ожидалось море работы, и каждый день надо было переваривать большой объем информации. Впервые за последние годы у меня появилось чувство удовлетворения и радости от работы. Я была просто счастлива, что участвует в уникальном проекте в истории Германии. Мне так повезло!

В високосном 2000 году стояло такое же душно-жаркое лето, как и в 1999-м. Семейные выезды на природу стали традицией, доставляя радость каждому и являясь необходимой связующей в

отношениях этих троих людей: меня, Саши и Ханса. В один из теплых дней уходящего мая семейство решило выбраться на прогулку в лес. После завтрака все собирались. Саша оклеивал свой велосипед модными наклейками. Я мыла на кухне посуду и складывала в пакет питьевую воду и фрукты. Ханс готовил фотоаппарат. Еще со времен первых встреч он полюбил фотографировать. Наконец все было готово. Ханс с сумкой на плече вышел в прихожую.

– Ханс, что это на тебе? – поразилась я, а Саша, ничего не говоря, покатился со смеху.

Глава семейства решил выглядеть по-спортивному и нарядился в выцветшие шорты довоенной поры, грязно-серые с малиновыми лампасами – они были натянуты Хансом почти до груди.

– Ты что, собрался ехать в таком виде? – изумилась я.

– А что здесь такого? – возмутился мой супруг, поддернув шорты еще выше. – Чем тебе не нравится?

– Ты в них на серо-буро-малинового петуха похож! – продолжал смеяться Саша, но я посмотрела на него с укоризной.

Глядя на нас, молодых и веселых, Ханс тоже начал улыбаться, но все равно не понимал, что же здесь смешного – шорты хоть и старые, но крепкие. Да и на нем сидят неплохо.

В эти жаркие дни никому не хотелось ссориться. Лето и солнце сделали свое дело – наши отношения с Хансом стали теплее. Все вместе мы ездили в лес, на озера, а нагулявшись, шли в ресторан или прятались от жаркого утомляющего солнца в тени гостеприимного, великодушного леса.

Вскоре график работы у меня изменился, и я стала работать «блоками»: пять-шесть дней работа, потом три-четыре, реже пять, выходных дней. Это было очень удобно, потому что все свободные дни я могла проводить в Бад-Липшпринге.

На время моего контракта в Ганновере мудрый Генрих посоветовал мне организовать поездку Саши в лагерь. «Во-первых, – сказал он, – ты не будешь напрягать старика домашними хлопотами и заботой о Саше. А во-вторых, учитывая возможность контактов со сверстниками, лагерь пойдет ему только на пользу! Он еще лучше выучит язык, да и новыми друзьями сможет обзавестись».

Относясь с уважением к дельным советам Генриха, я нашла такой план оптимальным для всех членов семьи.

Глава 35
Горячее лето 2000 года. «Я долго ждал твоей любви!»

В середине июня Саша уехал в лагерь отдыха в Голландию. Я была рада освободить от забот своего пожилого супруга. Но старик, похоже, воспринял это совсем иначе.

Не успела я отправиться на работу в Ганновер, как старик расхныкался, совсем расклеился… Наши телефонные разговоры теперь были пропитаны недовольством Ханса, а в его фразах я чувствовала детскую растерянность. Я, как могла, подбадривала мужа, напоминала, что работа в Ганновере не на всю жизнь, а только на несколько месяцев. И это для моего жизненного, профессионального опыта очень важно!

Ощущая себя одиноким и боясь этого самого одиночества, как чумы, Ханс чувствовал себя брошенным, потерянным, никчемным. Но и этого мало. Старик позднее признался мне, что вот он дома сидит, сидит… а в голове у него крутятся и крутятся мысли, мол, там, в Ганновере, вокруг меня – молодые мужчины.

Хансу и в голову не приходило, что я находилась на работе, которая хоть и доставляла радость, но была при этом чистым сгустком стресса: ежедневно выставку посещали сотни тысяч гостей! К этому прибавлялась обязанность руководить своей командой, проводить ежедневные брифинги, быть в курсе всех новостей, разбирать жалобы гостей и организовывать встречи потерянных родственников. Работы была уйма, и я не понимала, как мне организовать свое свободное время после смены. С одной стороны, мне хотелось познакомиться с павильонами представленных стран и их культурной программой. С другой – из-за насыщенности рабочего дня я жаждала тишины и покоя.

Приезжая домой, в Бад-Липшпринге, я встречала все возрастающую угрюмость и недовольство мужа и холодные, осуждающие взгляды семьи Кляйн.

Ханс изводился от одиночества и безумных фантазий. В отчаянии он жаловался соседям, а те проявляли наряду с любопытством безмерную долю сочувствия к господину Мюллеру. Я слышала за своей спиной их горячее перешептывание: «Бедный! Все его бросили! А эта русская – просто нелюдь! И зачем он только на ней женился? Она ведь совсем не занимается семьей! Уехала куда-то… И сына не видать…»

Ханс изливал душу и своему брату Хуберту, который был

полной его противоположностью. Циничный и высокомерный фриц, он мог из ничего раздуть скандал. Бывший предприимчивый торговец, умел зарабатывать деньгиОн был рад вступиться за старшего и такого показательно скромного братишку!

Пообщавшись с братом, Ханс терял чувство меры и справедливости не по дням, а по часам. Он придирался к мелочам. Терроризировал меня в редкие выходные, не считаясь с моей нагрузкой на работе или обыкновенной усталостью.

Когда Саша вернулся из лагеря, мы втроем поехали в свой любимый ресторан. Обед, прогулка, традиционное фотографирование – все было приправлено искусственной радостью общения. Ханс был угрюмым и, казалось, только искал повода укусить меня, насолить мне.

По приезде домой я приготовила чай. Все сидели в гостиной, и мне показалось, что, несмотря на напряжение Ханса, воскресенье проходит спокойно. Неожиданно позвонила моя приятельница. Олю и ее сына Андрея Ханс знал лично – они уже бывали здесь в гостях. По сути, это был самый обычный телефонный разговор двух подруг. Но я видела напряжение мужа и не стала затягивать болтовню. Не успела я положить трубку, как Ханс взорвался:

– Что себе позволяет твоя подруга? Она не знает, что сегодня воскресенье? Ей не известно, что у тебя семья? Это что, нормально?

Саша испуганно смотрел на старика. Я молчала, не знала, что сказать. А Ханс, поднявшись из-за стола, продолжал:

– Это что за отношения? А? Я себе свою жизнь не так представлял. Нет… Я себе совсем другое представлял! – уже не говорил, а кричал, бегая в ярости по квартире…

Брат Ханса Хуберт, алчный, циничный, с хватками фашиста, не гнушался никаких методов, чтобы опорочить меня. Наслушавшись тоскливых рассказов своего старшего брата о семейной жизни, Хуберт терпеливо корпел над «сценарием», который в разгар лета 2000 года вырос в обвинение, сделавшее из меня величайшую преступницу всех времен и народов.

В следующий мой приезд Ханс уже не говорил по телефону с братом так, как раньше, – при мне, передавая от последнего привет. Нет. Я стала теперь враждебной стороной, и для разговора с Хубертом муж уходил в свою комнату, втайне докладывая своему руководителю последние новости и актуальную информацию. Из обрывков их разговоров я поняла, что Ханс ездил к брату, который волею судьбы жил под Ганновером, совсем близко от места моей работы.

Если раньше Ханс повторял: «Зачем я вообще женился? Зачем? Не для того же, чтобы сидеть в доме одному!» – и я понимала, что все обиды его вызваны одиночеством, то теперь все изменилось.

Когда Саша (спасибо Генриху!) уехал отдыхать на Балтийское море и мы с Хансом сидели на кухне одни, его вдруг опять прорвало:

– Я долго ждал твоей любви. Очень долго! С меня хватит! Я больше ждать не буду!

Я не сразу поняла, что он имеет в виду, но Ханс объяснил:

– Ты в курсе, что наш брак не может быть признанным… если у нас нет секса?

Больше всего меня поразило не сказанное, а то, что Ханс, вероятно, наученный братом, стал употреблять новые слова, прежде им никогда не используемые. При этом он почти как Хуберт почесывал руки от радости, а его задорные глазки по-чертовски блестели, когда он представлял, сколько еще наслаждения в этих отношениях ему откроется, если он достигнет своей цели: запугать меня!

– Успокойся, Ханс, – сказала я. – Ты знал, что я еду работать в Ганновер, а не гулять. Мы об этом уже говорили. И ты дал мне согласие на работу. Я же не могу все это просто бросить! Я подписала контракт. Это ответственность и мое будущее. Твой адвокат говорил: я могу и должна зарабатывать деньги сама. Я это делаю.

– Я знаю, что ты там делаешь… – начал Ханс, но я его перебила:

– Ты даже ни на миг не подумал обо мне, о Саше и не оценил моих усилий! Кроме того, о наших отношениях мы в самом начале уже говорили. Я тебе предлагала лишь свое общество и дружбу. О сексе при нашей разнице в возрасте и речи быть не может. Я свое слово держу, а ты вот забываешь, что обещал.

Но Ханс меня не слушал.

– Нет! Я больше ничего ждать не буду. Я подаю на развод. И ты получишь почту от моего адвоката! – произнес он уверенно заученную наизусть, подготовленную к моему приезду фразу.

Стояло лето 2000 года – горячее по всем параметрам…

У меня в команде был хост-сотрудник, который был тайно в меня влюблен. И этот молодой человек, на тринадцать лет младше меня, оказался любовью всей моей жизни, так глубоко и сильно он задел мою душу. Но на развитие этих отношений у меня не было ни сил, ни времени. Молодой человек жил в Ганновере, а мне нужно было на выходные ехать к семье, которая уже перестала быть таковой… Кроме того, мне срочно нужна

была квалифицированная поддержка юриста, так как в свой следующий приезд я получила почту от адвоката мужа. Я не обвиняла его. Я понимала, что за его поведением стоит Хуберт и его продуманный «немецкий» сценарий.

Как всегда, на помощь пришел верный Флетчер. Подвозя меня к своему знакомому юристу, он заметил:

– Как ты осунулась, детка, как похудела!

С этого момента для меня началась своего рода борьба за выживание и отстаивание своих прав. Несмотря на то, что в мае 2000 года вышел новый закон, согласно которому иностранцу для получения вида на жительство требовалось прожить в браке с немцем не три, а всего лишь два года, у меня были плохие шансы. Я прожила с Хансом неполных два, и у меня могли возникнуть проблемы с иностранным комитетом – да что там говорить, со всей дальнейшей жизнью в Германии.

Глава 36
Вскрытая почта. Старательный исполнитель

В сценарий брата Ханса входили также просмотр (по возможности, осторожный, конспиративный) и копирование всей почты, приходящей на мое имя.

Личные вещи, старые банковские счета были в мое отсутствие перерыты, а бумаги и документы, хранившиеся в письменном столе, добросовестно исследованы исполнителем-супругом. Все это, по инструкции Хуберта, копировалось и собиралось в папку *«Досье на Анну»*, которая потом лично или по почте доставлялась в Ганновер. Также по указанию своего брата Ханс делал фотографии всех предметов одежды, косметики и книг, находящихся в моей комнате, включая мои личные снимки, в том числе свадебные. Кроме того, Ханс закрыл мне доступ к нашему совместному банковскому счету.

Однажды, приехав на выходные, я заметила, что письмо, пришедшее на мое имя от работодателя, вскрыто. Перебирая свою почту, я нашла еще несколько таких же небрежно, в спешке, заклеенных конвертов и поняла, что мою почту проверяли.

По всему было видно: Хуберт работает профессионально. Целенаправленно выискивая компрометирующую информацию, он думал только об одном: как досадить «этой русской», отомстить ей за страдания брата. Войдя в азарт, Хуберт осведомился и о новом, недавно вышедшем законе для иностранцев, проживающих в браке с немцами, и теперь знал структуру, а главное, методы работы иностранного комитета. Понимая все плюсы и минусы моей ситуации (а в этом особом из-за разницы в возрасте браке минусы были особенно выпуклыми) и разобравшись, как на этом можно сыграть, он готовил генеральную встречу двух сторон. Сам же выступал в этой ситуации ни больше ни меньше – третейским судьей. Ханс был рад найти поддержку и просто вон из кожи лез, чтобы угодить своему находчивому младшему брату.

Я продолжала работать на выставке, а по выходным ездила к адвокату. Самым сложным было то, что я не могла расслабиться ни на минуту и вынуждена была контролировать и продумывать дальнейшие шаги. Встречаясь с мужем в нашей пока еще общей квартире, я теперь осторожнее относилась к своим словам, прятала вещи и документы. Для Ханса я больше не была милой и

доброй «Анной-девочкой», как он меня частенько называл раньше.

Ханс Мюллер же был рад тому, что нашел для себя дело. Превращение сценария в реальность было для него выходом из пустоты одиночества и страха перед этой пустотой. Только не сидеть и не ждать! Не мучиться съедавшими его мыслями, а действовать. Наконец он нашел цель – устроить мне черную жизнь.

«Не хотела доброго мужа слушать, и вот что заработала!» – думал про себя «очень правильный» старик-муж и истинный немец!

Ханс, в отличие от Генриха и своего брата, не был генератором идей. Для него важно было, чтоб им кто-то руководил, хоть сам леший. Забыв про возраст, он бодро исполнял приказания, и все у него в руках просто кипело!

Глава 37
План Хуберта

Брат моего мужа умел вести свои дела, как истинный бухгалтер. Энтузиазм, с которым он продвигал «дело Мюллеров», был неописуем. Аккуратно и дотошно Хуберт собирал все факты и документы, чтобы потом использовать их в работе с адвокатом. Списки моих контактов в Германии и телефонные счета моих разговоров с Россией он сопровождал соответствующими комментариями: «Да она просто разорила моего брата, эта русская разгильдяйка!»

Ханс, вполне здоровый человек, подумавший и о радостях общения с молодой женой, и о брачном контракте, под его пером представал беспомощным инвалидом, не знающим, как дальше жить и жить ли вообще. «Эта молодая и наглая жена сделала его, старого и слабого, еще более несчастным и больным!» – писал Хуберт с возмущением.

Из меня он вылепил этакую амазонку, мужененавистницу и мошенницу, подкосившую «неравным» (читай «фиктивным») браком здоровье своего мужа.

В жизнеописаниях Хуберта, приложенных к делу, я в мгновение ока из порядочной женщины превратилась в махинаторшу, решившую всеми правдами и неправдами заполучить в Германии вид на жительство. Аргументы были просто поразительными. 1. Я молода. И если у меня с мужем нет секса, значит, я имею любовника. 2. Поскольку у Мюллеров такая неприличная разница в возрасте, значит… Да все очень просто! Значит, я вынудила Ханса на женитьбу! Здесь и слепому ясно: русская хотела получить разрешение на проживание в *нашей* стране! Хуберт радовался простоте и гениальности своих мыслей.

«Теперь нужны только улики и факты, доказывающие мои великолепные доводы и компрометирующие эту бандитку!» – рассуждал Хуберт, хлопая себя попеременно то по лысому затылку, то по ляжкам. Пересмотрев собранные документы – мое досье, – он остался доволен собой и почти подпрыгивал на стуле от предвкушения расправы.

Хуберт жадно искал улики. При этом от удовольствия и цинизма он почесывал свои стареющие от бездействия руки. Упорядоченная семейная жизнь с супругой ему надоела до чертиков. И он был рад-радешенек представившемуся шансу излить всю свою желчь на мир, жизнь, людей – на эту русскую женщину! «Вот так их, этих русских гадов, за их, понимаешь ли,

самостоятельность! Качает свои затрапезные права в *нашей* стране… Да как она смеет, мерзавка!»

Наверное, это и был фашизм? Такой кристальный немецкий национализм, живущий то ли в душе Хуберта, то ли в его не взявшем свое в молодости, а сейчас уже состарившемся теле?

Хуберт составил план действий. Помимо прочего, в него входили *телефонные допросы*, которые он собирался подробно стенографировать.

Для меня было неожиданностью, когда в один из моих приездов домой Хуберт изъявил желание говорить со мной по телефону.

– Ты знаешь, мне стало известно, что у тебя с моим братом нет секса. Это правда? – задавал риторический вопрос Хуберт и, не дожидаясь ответа, с пафосом продолжал: – Ну а как же так, без секса? Ты же молодая… – с сочувствием в голосе вынуждал он меня на раскаяние. И опять, не дав мне вздохнуть, воспроизводил заготовленный текст сценария: – Все ясно. Значит, у тебя есть любовник…

Я была как под гипнозом. Мне не давали ничего сказать. Разве что одну фразу о том, что у меня на работе столько стресса, что не до любовников вообще. И что я об этом говорить не желаю… Особенно в связи со свежими событиями последних недель.

Мягко и вкрадчиво Хуберт продолжал:

– Для привлекательной молодой женщины это нормально – иметь любовника. Как же иначе? Без секса-то?.. А? Нет, я не думаю, что ты от таких удовольствий откажешься! – и быстро подводил итог, цинично причмокнув на последнем слове: – Значит, это так и есть! Все ясно!

В последнее время я ко всему относилась более продуманно, сознательно, как в поступках, так и в словах. За время замужества у меня случилось лишь несколько интимных встреч с Генрихом. Мероприятия под названием «любовные отношения» в том неравном браке, в который я вступила, были очень рискованны. Да и вся организация семейной жизни отнимала столько сил и стараний, что у меня не оставалось никаких сил на развлечения. Какие там еще тайные встречи! Я ведь была под контролем старого надзирателя…

Да, развод с таким человеком, как Ханс, был бы для меня спасением, но только не теперь, когда я занята серьезной работой и на мне лежит столько ответственности! Кроме того, я мать и должна думать о Саше. Я понимала, что мы с сыном стоим по одну сторону реки, а на другой стороне находится мой супруг. Но он там был не один. Его поддерживали родственники, дети,

соседи… И сам иностранный комитет в лице подчеркнуто надменного, пренебрежительного («понаехали тут всякие!») господина Шлитта тоже против меня… Понятно, что враждебная сторона имеет вес, на несколько порядков превышающий ее собственные силы и возможности.

От страха мне уже начинало казаться, что на стороне моего мужа вся страна, все общество. Ведь он коренной немец! Его будут, наверное, «автоматом» защищать, в страхе думала я. А кто я? Да никто. Иностранка, которую в мгновение ока сделали преступницей. И что толку спорить или что-то доказывать?

Еще недавно, несмотря на все пережитое, я любила Германию, но сейчас она стала казаться мне чужой. И это страна Шиллера и Гёте, моих любимых Баха, Бетховена, Вагнера, Шумана? – думала я. Великая музыка, великие идеи, и рядом мелкий национализм. Интересно, меня не любят за то, что я иностранка, или у них особая ненависть к русским образованным людям?

Все факты, имевшие место в нашей с Хансом жизни, Хуберт перевернул ровно на сто восемьдесят градусов.

Он продумал все шахматные ходы, и мне ничего не оставалось, как ждать развития событий и надеяться на помощь юристов. А еще на помощь Бога. В конце концов, я никого не бросала, никому сознательно не изменяла и не давала пустых обещаний. Кроме того, что очень важно, я жила честно и изо всех сил старалась быть полезной обществу! Если и это здесь не ценится, то чего еще можно ожидать?..

Глава 38
Сценарий черной жизни. Ультиматум брата

Хуберт разрабатывал поэтапную схему действий для себя, а также готовил генеральную встречу всех представителей конфликта. Он намеревался поставить передо мной свои условия и вынудить меня делать все, что считал правильным.

Как судья – а в этой ситуации он и чувствовал себя судьей, – Хуберт назначил всем время встречи, и я, оставив работу, была вынуждена к нему приехать.

Этот разговор состоялся в конце августа 2000 года. Сидя в центре гостиной, «мировой судья» оглядел всех присутствующих, как своих подчиненных, и попенял мне на то, что я опоздала к назначенному часу. Зачитывая текст ультиматума, он высоко поднял указательный палец, как будто всем своим грозным и серьезным видом предостерегал: «Берегись! Со мной шутки плохи!»

Главным условием Хуберт поставил, чтобы я съехала из квартиры брата. «Чтобы наконец предоставить Хансу покой», – печально добавил он. На мои возражения, что Саша посещает близлежащую школу, а у меня по окончании контракта на выставке нет дальнейших предложений на работу и доходов, Хуберт заявил, что это его нисколько не волнует и что это только мои проблемы!

Когда же я сказала, что для вида на жительство в стране мне необходимо прожить с Хансом два календарных года, Хуберт поднял указательный палец еще выше и, не выпуская сигареты из левой руки, продолжил торжественно и властно:

– Я в курсе. Если ты выполнишь мои условия, то получишь вид на жительство. Если нет – я обещаю тебе черную жизнь!

За столом в гостиной сидели жена Хуберта и мой муж. Последний имел вид если не побитой собаки, то абсолютно несчастного существа. Как будто бы у него не было квартиры, контактов, родственников… Как будто он не имел четверых детей и троих внуков… Как будто он жил один на необитаемом острове. А может, был обречен на существование в нечеловеческих условиях…

Но мне было не до смеха. Саша пока отдыхает в лагере, но у меня самой – миллион дел на работе и огромная ответственность – перед руководством выставки, перед командой и всеми

коллегами…

Моя душа разрывалась на части, потому что в эту горячую пору меня никто не поддерживал. Наоборот, отнимали последние силы на ничтожные затеи и мелкие, эгоистичные, выдуманные страдания, к которым уже прибавлялись нешуточные обвинения.

Глава 39
Страсти угасали сами по себе

После ультиматума в Ганновере я решила поговорить со своим адвокатом. Но до этого я поехала к Флетчеру. Мы уже давно не виделись. В последний раз я была у Генриха на работе, и он, приобняв меня за талию, игриво намекнул, что соскучился по «своей детке». Но мне было не до того. В окружавших мужчинах я видела теперь только эгоистов. Все чего-то хотели от меня, но мало кто интересовался тем, что было важно для меня самой.

При всей человеческой симпатии к Генриху я была разочарована им. На фоне моего древнего мужа он считал себя любовником в самом соку и удивлялся, почему я редко его навещаю. Я же его «постоянная девочка». Но я не хотела пожизненно играть роль второй скрипки. Эту роль я считала омерзительной! Особенно, учитывая, что тяжесть случившегося у меня в семье любовник разделял весьма относительно, и лишь в те часы и дни, когда ему это было удобно. Флетчер любил легкость бытия, и чтобы никаких обещаний! Чувствуя внутреннее напряжение, я решила поставить в отношениях точку.

Все, что случилось со мной в этот год, и особенно летом, вероятно, было дано как испытание. Выстоишь или сломаешься? Озлобишься или сохранишь любовь? Говорят, что испытания даются по силам. Но мне казалось, что все мои человеческие резервы на исходе. С одной стороны, влюбленность в скромного молодого человека, ждавшего моей инициативы и ничего не предпринимавшего, раздражала меня. Я не знала, в какую сторону бежать и что делать в первую очередь… С другой стороны, я уже не могла избавиться от этого, всю мою душу захватившего чувства и надеялась, что все однажды разрешится как-нибудь само собой…

– Что мне делать с выездом из общей квартиры, как ты считаешь? – спросила я у Флетчера.

– Ничего, – по-немецки лаконично ответил он. – Конечно, тебе лучше все обсудить с адвокатом. Но я думаю, что тебя в очередной раз пытаются запугать.

«Настал мой час высказаться». Я хотела сообщить Генриху, что у нас не может быть больше любовных отношений, но почему-то промолчала. «Наверное, я еще не готова к этому разговору, перенесу его на более благоприятное время», – решила я про себя и тут же отругала себя за малодушие.

Спустя пару недель Генрих приехал ко мне на выходные в

Ганновер. Мы коротко пообщались, сходили в кафе пообедать…

Но разговора опять не получилось. Только пробежал взаимный холодок. У меня не было ни сил, ни желания играть и показывать Флетчеру чувства, которых у меня уже не было. Наши затянувшиеся отношения были исчерпаны, и прошлые страсти угасали сами по себе…

Глава 40
Старческие страстишки, или Страдания собственника

Вскоре Саша вернулся из лагеря на Балтийском море. И я теперь постоянно ездила в Бад-Липшпринге к сыну, а еще – на случай проверки иностранного комитета. Мне нужно было почаще «находиться в общей квартире и проводить время с семьей». Так посоветовала адвокат.

Правда, находиться в квартире с мужем стало теперь для меня просто пыткой! Я в буквальном смысле слова ходила по лезвию ножа. Жизнь показала, что угрозой подать на развод и перманентными жалобами соседям и брату Ханс не ограничился. Он постоянно устраивал мне сцены, провоцировал выкриками и абсурдными требованиями, доводя до слез и радуясь этому. Бесконечно крутил одну и ту же пластинку: он, немец, пошел на благородный шаг, чтобы помочь мне, чтобы я могла жить в этой замечательной стране! А что же я? Подумала ли я о его интересах?! И где благодарность? «Вот и рыдай теперь – сама во всем и виновата», – твердил себе под нос старый скорпион, наслаждаясь тем, что довел меня до истерики.

Добрый дядечка, который приносил мне в начале знакомства суп в термосе, превратился в злобное существо. И я больше не узнавала в нем скромного, такого угодливого и как будто приятного человека.

Мой рабочий контракт закончился в конце октября. Необходимо было зарегистрироваться на бирже труда. Из предложенного по различным курсам повышения квалификации я выбрала курс менеджмента, который должен был начаться в декабре 2000 года.

Целыми днями видеть и слышать брюзжащего мужа было для меня невыносимо, и я находила себе какие-нибудь другие занятия, в частности, записалась на курсы машинописи. Начинались они вечером, и все необходимое по дому я делала до прихода сына. Вместе с Хансом, который стал еще угрюмее обычного, но делал вид, что все в порядке, мы обедали. Я проверяла уроки у сына и лишь потом уезжала.

Оставшись дома наедине с Сашей, Ханс брался за бутылку. Вероятно, чтобы забыться. Но после нескольких бокалов пива в нем просыпался бес. Однажды я вернулась чуть позже обычного – после курсов разговорились с одним из коллег. Вошла в квартиру

и остолбенела: передо мной металась фурия – красный, с перекошенным лицом, Ханс.

– Ты где была? – кричал он, повышая голос с каждым словом. – Где ты время проводишь? С любовником? Курсы она свои посещает… А я? Что я с этого имею? Что *я* с этого имею?! – как в бреду, визгливо повторял он, поднимая кулаки.

Возбужденный агрессией, Ханс тонул в глубинах своих фантазий и страданий. Невысокий и тщедушный, в пьяном порыве он разбил толстое стекло входной двери, устроив после десяти вечера грохот и поранив себе при этом руку. Соседи только пошушукались внизу и ушли к себе. Знала бы я, как защитить свои права, я могла бы вызвать полицию, но в сложившейся ситуации приходилось рассчитывать только на себя…

Когда раздался звон разбитого стекла, Саша был уже в постели. Весь в волнении, он бросился ко мне и стал меня успокаивать. И хотя его самого колотило от страха, он повторял:

– Мама, не говори ничего Хансу… Ему надо в сумасшедший дом. Молчи… Не спорь с ним…

Я молчала.

Пьяным маршем, широко размахивая руками и изрыгая обвинения, Ханс шагал по квартире, как по плацдарму. Иногда он останавливался, громко кричал или задавал мне какой-то вопрос. Но я молчала, и Ханс, не получив ответа, маршировал дальше…

После этого случая я стала приезжать домой пораньше, и каждый раз, поднимаясь по лестнице на второй этаж, спрашивала себя: как долго еще будет продолжаться этот ад «благородной помощи»?

В один из вечеров, пытаясь напугать меня, пьяный Ханс опять пошел на меня с кулаками, но, доведя себя до исступления, разрыдался и упал на колени. Как ребенок, он валялся у меня в ногах, говорил сквозь слезы о своей любви и просил прощения. Что мне было на это ответить?

– Ханс, ты и себя мучаешь, и нас с Сашей, – только и сказала я. – Мне трудно понять, что это за любовь…Честно… Если уж у нас такая разница в возрасте, каких чудес тут можно было ожидать?..

И хотя Ханс ценил мою откровенность, с этого дня его стали занимать вопросы другого порядка:

– У нас не было никаких отношений. А откуда тебе знать, могу я еще быть с тобой мужчиной или нет? – спрашивал он, подмигивая и заговорщицки поглядывая на свою молодую жену.

После этих слов у меня стало неспокойно на душе. Мне стали сниться кошмары. И я каждый вечер закрывала свою комнату на

ключ. Этот факт не остался незамеченным моим ревнивым мужем.

– Это просто смешно… – ехидничал он. – Мы живем в одной квартире, и ты закрываешься. От кого? От меня?

– Да, Ханс, мне так спокойнее. Иначе я не могу уснуть… – отвечала я.

После бурных выпадов и агрессивных сцен наступили спокойные дни в ноябре, и чем больше я беседовала с Хансом, утихомиривая его дикую фантазию, тем уравновешеннее становился старик. Мне даже показалось, что наши отношения стали лучше, чем раньше. Я решилась наконец развеять все подозрения мужа и рассказала историю своей ганноверской влюбленности. Объяснила, что у меня нет и не может быть любовника, что я тоже по-своему несчастна… Но ведь свое обещание я держу. Потому Хансу незачем волноваться…

Проходили дни и недели. Все как будто успокаивалось. Я понимала, что добрые беседы и уважение к старику влияют на него положительно. Появилась даже надежда, что Ханс придет в себя и, пожалев меня и сына, заберет свое заявление на развод.

Но Ханс был теперь между двух огней. По одну сторону стояли его брат и все родственники, которым он открыл свои страдания. С другой – я, которая была ему не безразлична. У старика все стало путаться в голове, мысли крутились, вращались, как на карусели… Спокойствие, которое я воспринимала как перемирие и налаживание отношений, было лишь затишьем перед бурей…

Передав, в буквальном смысле слова, все рычаги своей жизни брату, Ханс не мог уже что-либо изменить. Остановить карусель происходящего было ему не под силу.

Глава 41
Клевета на «русскую бандитку». Террор по-немецки

Я решила проконсультироваться у своего адвоката, как мне быть дальше с ультиматумом Хуберта. Порекомендованный Генрихом юрист (конечно, из самых «сливок общества», масон) странным образом путался в формулировках и переписке с иностранным комитетом Падерборна. Потому я решила сменить адвоката. Полная, симпатичная женщина моих лет была деловой, внимательной и точной в своих вопросах и формулировках. Она не придала запугиваниям родственника моего мужа особого значения, при этом четко определила действия сторон.

Хуберту полагалось убедительно и детально продумать и изложить свои обвинения в мой адрес. Никаких домыслов. Все должно было быть совершенно доказуемо!

В ноябре 2000 года, узнав от брата, что мы с сыном никуда не выезжаем, а значит, его условия не выполняем, Хуберт послал уже составленное обвинение с клеветой на меня в иностранный комитет. За время сбора досье опытный Хуберт узнал всех служащих в иностранном комитете Падерборна по именам и фамилиям. Он также ознакомился с параграфами и основными положениями вида на постоянное жительство в Германии. Несколько месяцев работы над сбором компромата на «русскую бандитку» – и брат Ханса уже мог открывать у себя в рабочем кабинете отделение по доносам на иностранцев или филиал криминальной полиции на дому.

При всей любви к Германии и уважении к немецкому менталитету, я заметила, что у каждого уважающего себя фрица доносительство есть в крови. Доносы они пишут так квалифицированно, что любому соседу, а особенно иностранцу, горло без ножа перережут.

Помимо пресловутой разницы в возрасте (которую в браке Мюллеров и слепой узрит), козырем Хуберта стал мой отъезд на всемирную выставку. По законам Германии один из супругов или даже оба могут жить и работать в разных городах и снимать для этих целей жилье. Но эту информацию в своем доносе иностранному комитету Хуберт изложил так, будто я оставила (читай – бросила) престарелого мужа, переехав в Ганновер, в то время, как сын мой находился неизвестно где (читай – сына она тоже забыла). «Тут нет и не может быть совместной семейной

жизни, – делал вывод Хуберт, – ибо из-за переезда молодой фрау Мюллер в Ганновер она перестала быть совместной. А брак между сторонами является чистой фикцией, потому не может считаться официальным».

Родственники Саши звонили мне наперебой, выражая желание поскорее увидеть сына и внука на зимних каникулах. Я забронировала для него билет на самолет. Все это время сын поддерживал меня, как никто другой. Он был мне очень нужен. Но я думала не о себе и своих интересах, а о том, что родственники соскучились по нему, да и сам Саша тоже хочет повидать своих близких…

Глава 42
А он ушел на цыпочках…

Наступила зима, и я уже успела убедиться, что задушевные разговоры с Хансом имеют весьма положительный эффект. Чем больше я уделяла ему внимания, задерживаясь после совместной трапезы, обсуждая интересующие Ханса вещи, тем спокойнее и уравновешеннее он становился. Он любил беседовать со мной, слушать мой акцент и постоянно удивлялся моей эрудиции. Инстинкт собственника больше не проявлялся в нем так скандально-болезненно, как еще месяц назад. Так долго ждавший любви Ханс больше не угрожал, не шантажировал и не устраивал сцен. Даже стал поговаривать о том, что теперь, со временем, понял, что он-де неподходящий по возрасту муж для меня, что мне нужен кто-то помоложе и что, может, этот «молодой человек с выставки» одумается и объявится в моей жизни.

Я не развивала эти темы. Мне важно было дождаться конца года. А там, возможно, с наступлением весны и учебой на курсах, появятся и новые предложения на работу. Свою задачу я сейчас видела в поддержании подчеркнуто уважительной атмосферы. Наступившее спокойствие я воспринимала как хороший знак, не думая о том, что не все живут и мыслят так открыто, а может, и так наивно, с надеждой на доброе, как это делала я.

В один из будних дней морозного декабря Саша собирался в школу, а Ханс готовил на кухне завтрак. Кофейная машина бурчала, и особый, согревающий аромат постепенно окутывал всю квартиру. Проводив сына, я спросила у Ханса, подождет ли он меня к завтраку. Получив положительный ответ, я направилась в ванную принять душ.

Прошло, наверное, не больше пяти минут… Когда я вышла из ванной, меня удивила звенящая тишина. Не было слышно шаркающих шагов мужа, кофе-машина не шумела, а в квартире было непривычно темно. Комната Ханса, выходящая окнами на восток, по утрам, особенно в ясные дни, впускала в дом много света, и мы ее держали открытой. Я поняла: в квартире потемнело именно оттого, что дверь в комнату была захлопнута. Я подошла, нажала ручку, но дверь не поддавалась. Заглянула на кухню – никого. Вернулась к комнате Ханса. Постучала. И только сейчас заметила, что дверь закрыта на два замка…

Я не знала, что в этот день вступил в силу «план Хуберта». Все было продумано, как в хорошем детективе. Согласно сценарию, Ханс должен был съехать из места общего проживания

к сестре своей умершей жены – она жила в тридцати километрах от Бад-Липшпринге, в городке Эльзен. И сделать это ему поручалось совершенно секретно.

– Живи и общайся нормально, как будто у вас наладились отношения, – учил Хуберт старшего брата, – чтобы эта наглая русская мадам ничего не заподозрила. Ты же понимаешь – так, как она хочет, никогда не будет. Не выполнила наших условий – вот пусть и получает. Не волнуйся… – подбадривал он Ханса.

Операция «Побег» прошла блестяще. Поразительно, но я не слышала ни шагов, ни шума закрывающейся двери. У меня складывалось такое впечатление, что старый муж снял ботинки и, закрыв дверь своей комнаты на два замка (кстати, на это тоже нужно время!), в носках, на цыпочках вышел из квартиры. Ботинки Ханс, вероятно, надел за дверью. Ясно, что он незаметно исчез вместе с нашей машиной…

Месяц назад Хансу исполнилось семьдесят восемь лет. До последнего я не верила, что этот человек в летах будет играть навязанные ему роли и осуществлять чьи-то сценарии. Но именно так все и произошло!

Как и предусматривал план Хуберта, Ханс сбежал за несколько дней до пятнадцатого декабря. Именно в тот день нашему браку исполнялось два года, и это означало для меня, что я выполнила обязательное условие для получения вида на жительство в Германии. Помешать мне, вставить палки в колеса и было целью Хуберта.

Как выяснилось уже позднее, он держал не только письменный, но и телефонный контакт с чиновниками иностранного комитета. Они были посвящены во все детали сценария и согласно ему действовали дальше.

Глава 43
Непрошеные гости. Проверка иностранного комитета

Это был один из будних декабрьских дней. Одиннадцатое декабря 2000 года, тринадцать тридцать дня. На улице холодно, сухо, морозно. Я готовила на кухне обед. Вернувшегося из школы Сашу я пару минут назад отправила в магазин за молоком. Раздался звонок снизу. Я нажала кнопку домофона, чтобы открыть дверь, и вышла на площадку. Одного мига хватило, чтоб понять, что в гости к мне пожаловали представители иностранного комитета. Приехали из Падерборна, по всей видимости на проверку. Неулыбчивый чиновник Шлитт прихватил с собой напарника. Как я потом поняла – чтобы снимать показания при свидетеле.

Сценарий Мюллера работал как в аптеке. Судя по тому, что Ханс исчез всего лишь день назад, прибытие чиновников тоже было предусмотрено его братцем.

В руках у непрошеных гостей – формуляры с вопросами, на лицах – пренебрежительно-холодное, ничего хорошего не предвещающее выражение.

Опять неравные силы. Снова одна. В этом году события накрывали меня огромной волной. Казалось, как будто «Девятый вал» Айвазовского сейчас сойдет с картины и собьет меня своей нечеловеческой силой…

Я подавила в себе страх, неопределенность, неуверенность. Внутренний голос твердил: «Ты должна быть сильной! Ты должна… ты должна… ты должна!..»

Я вежливо, но сдержанно предложила чиновникам присесть в гостиной, но они отказались. Допрос проходил стоя. Посыпались вопросы, наверняка подготовленные «сценаристом».

– А где ваш муж?

– Он уехал.

– Куда?

Я пожала плечами:

– Я не знаю…

– Если вы его жена, почему вы не знаете, где ваш супруг? – жестко отчеканивал слова проверяющий. Показания мои, естественно, записывались.

– Я думаю, к своему брату поехал.

– Вы ошибаетесь, у брата его нет, – с кислой миной процедил

господин Шлитт уже известный ему ответ…

Напряжение висело в воздухе.

Похоже, проверяющие должны были вывести меня из равновесия или задавить вопросами и уже готовыми ответами, чтобы поскорее загнать в угол.

– А где ваш сын? – продолжал допрос Шлитт, пока его коллега оглядывался вокруг, осматривая мебель и настенные часы в гостиной.

– Саша пошел в магазин, за молоком… А что, мы с сыном не можем свободно передвигаться, если моему супругу захотелось вдруг куда-то уехать или даже исчезнуть?

– Интересно, что это у вас за семья, брак, если вы, жена, не в курсе, где находится муж? – вопросом на вопрос ответил Шлитт. – Вам это не кажется странным?

Поскольку никаких фактов у него в руках не имелось и спрашивать больше было не о чем, он муссировал один и тот же вопрос в разных вариациях, делая ударение то на одно, то на другое уже бессмысленное слово.

«Кажется! – хотелось сказать мне. – Кажется странным, что старый человек под влиянием брата на цыпочках «сделал» от нас «ноги».

– Ну что ж, раз вы не знаете, где ваш супруг, то нам остается по этому поводу сделать соответствующие выводы… – процедил Шлитт, а его напарник, искоса взглянув на меня, услужливо кивнул. – Если у нас еще возникнут вопросы к вам, мы оставляем за собой право на новую встречу, – многозначительно закончил чиновник.

Конечно, если бы Саша был сейчас дома, я чувствовала бы себя спокойнее, увереннее. Саша давал мне силы к жизни, и я была просто счастлива и благодарна Богу, что у меня такой замечательный сын!

Глава 44
Семейство Кляйн, или Их методы борьбы

После исчезновения Ханса я старалась не падать духом, хотя у меня были смешанные чувства. Он спрятал телефон, чтобы я не могла звонить, а мне необходимо было срочно восстановить контакт с внешним миром. От хаоса чувств я даже не сразу сообразила купить новый аппарат.

Первым я сообщила свои новости Генриху. Тот только диву давался идеям семейства Мюллер, особенно его поразила ловкость предпринятого Хансом побега.

– В его-то возрасте?! No comment! – иронично усмехнулся он и пообещал позвонить на днях…

«Хорошо, что Саша уезжает на каникулы к отцу», – думала я, видя радость сына по поводу предстоящей встречи с родными.

Декабрь в Германии – время рождественских базаров. И мы с сыном решили поехать в Падерборн за новогодними сувенирами. Стояли сухие, морозные дни. Мы прошлись по базару, посмотрели на карусели и киоски с работами ремесленников. Купили кое-что из подарков и к вечеру, когда уже стемнело, решили возвращаться домой, в Бад-Липшпринге.

Подойдя к дому, я обратила внимание, что в окнах у хозяев не горит свет. То, что это не случайно, я поняла, когда мы с Сашей, замерзшие и проголодавшиеся, не смогли попасть в дом. Ключ от входной двери не поворачивался в замке. Уменя был еще один ключ – от подвала, где стояли стиральные машины. Обежав дом, мы попытались открыть подвальную дверь, через которую тоже можно было попасть на лестницу. Бесполезно! И здесь ничего не получилось. С обеих сторон дома двери были заблокированы. Растерянные, мы стояли на морозе.

Мне было ясно, что это инициатива семьи Кляйн, которая только и ждала, чтобы мне насолить. Да, иногда фамилия объясняет все…

Изо всех сил я старалась сохранять спокойствие, хотя от отчаяния мне хотелось просто рыдать!

– Мам, может, пойдем к соседям? Вдруг они нам помогут? – подал голос Саша.

«Чем они помогут?» – безнадежно подумала я. И ошиблась.

Немцы из соседнего дома оказались приветливыми людьми, к тому же дали хороший совет – вызвать полицию. Это было самым

надежным. Тогда никто не сможет обвинить меня, что я вламывалась в дом, – одно это могло бы создать ненужные проблемы.

Немецкая полиция не заставляет себя ждать. Подходя к дому, мы с сыном увидели машину и выходящих из нее людей в форме. В окнах хозяев горел свет. По всей видимости, их возвращение совпало с приездом полиции. Собравшись с силами и вооружась смелостью и уверенностью в себе, я твердым шагом направилась к полицейскому, звонившему в дом.

Дверь открыли, и старший Кляйн с любопытством высунулся из квартиры:

– Полиция? – тонким голосом спросил он. – Что случилось?

«Притворяется, – подумала я, но, увидев на лице хозяина искреннее недоумение, решила: – Наверное, не ожидал такого поворота событий от «этой русской»!»

Я стала объяснять полицейскому, что в отсутствие хозяев нам с сыном невозможно было попасть домой и что Кляйны сделали это намеренно. В этом нет и не может быть никаких сомнений.

Я говорила спокойно, уверенно, чувствуя свою правоту, и видела, что у вышедшей на площадку хозяйки потихоньку подгибаются коленки. При этом Кляйны делали такой невинный вид, как будто совершенно не понимали, о чем идет речь и при чем тут вообще полиция…

Так или иначе, моя уверенность подействовала на всех. Но госпожа Кляйн решила взять реванш и, угодливо глядя на полицейского, бросила мне:

– Вы лучше скажите, где ваш супруг, фрау Мюллер? И куда он, интересно, уехал? А? Вы, как жена, знаете? Ну-ка, скажите… – продолжала она, наслаждаясь своей ловкой местью за вызов полиции.

Но я не растерялась и ответила:

– Вас это, между прочим, вообще не касается, фрау Кляйн! Речь идет о заблокированном вами замке. Согласно жилищному контракту, мы с сыном проживаем здесь, нравится вам это или нет… И если еще раз такое случится, я опять вызову полицию и сообщу это своему адвокату…

Запугать русскую соседку не удалось. Госпожа Кляйн не нашлась, что ответить, ее челюсть отвисла, и пока я, пропустив вперед сына, поднималась по лестнице к своей квартире, она еще что-то злорадно лепетала нам в спину. А молодой полицейский, утихомиривая немецкую гражданку, пытался внести порядок и спокойствие в атмосферу этого враждебно и националистки настроенного дома.

После таких событий хозяева больше не блокировали

входные двери. Но они стали страстно и лихорадочно следить, когда и куда уходим мы с Сашей.

Напряжение висело в воздухе… Вот уже неделя как бесследно исчез мой муж, старый человек… Но я, в силу своего характера, не собиралась сдаваться. Я знала одно: я живу и поступаю по совести. И никому ни в своей, ни в чужой стране не желаю и не делаю зла… Кроме того, у меня была ответственность перед сыном.

Глава 45
Я одна. Рождество и Новый год

Дни этого сложного, насыщенного года летели так быстро, что я и не заметила, как подошло время зимних каникул: последний день Саши в школе, разговор с классным руководителем об успехах сына и его планах на будущее…

Несмотря на то что Саша был для меня неоценимой опорой, мне и в голову не приходило отложить визит сына в Россию. Эту поездку я обещала не только ему, но и родственникам: отцу, бабушке, с нетерпением ждавшим Сашу в гости. Как же могло быть иначе? Знала бы я, что меня ожидает, не отправляла бы сына в Россию, несмотря на уже выкупленный билет…

Я была в каком-то забытьи, путалась в своих мыслях и даже не думала о приближающихся Рождестве и Новом годе. Все события прошлых месяцев и дней измотали меня до предела.

Русский знакомый, программист Сергей, который помогал мне с компьютером, обещал довезти нас до ганноверского аэропорта. Я была взволнована. И во время сбора вещей, и в день отъезда сына… Двадцать второго декабря Саша вылетел в Россию, в Санкт-Петербург, где его встречал отец…

На Рождество я осталась одна. Моим единственным собеседником был телевизор.

Позвонили русские знакомые – переселенцы из Падерборна. Потом объявился Флетчер, сказал, что, может быть, на днях навестит меня или, по крайней мере, позвонит, когда будет в Бад-Липшпринге.

Гуляя по зимнему лесу маленького уютного городка, я не чувствовала своего одиночества, не замечала, что мне часто не хватает дыхания, поэтому приходится останавливаться, чтобы вдыхать воздух полной грудью. Я думала только о том, оставят ли меня наконец в покое после проверки иностранного комитета. Ведь, даже несмотря на то, что Ханс куда-то исчез, я-то продолжаю жить в общей квартире и никуда не сбегаю. Хотя последнего мне очень хотелось бы…

Перед Новым годом опять позвонил Генрих. Сказал, что, обдумав ситуацию, решил: заходить ко мне не будет – наверняка соседи ведут слежку и могут доложить о его визите куда надо. Зато он заказал «своей детке» ее любимую пиццу и скоро завезет.

Через полчаса я тихо спустилась вниз и, открыв дверь, увидела большую пиццу и салат с креветками в прозрачной упаковке. Мне стало и смешно, и грустно. Я представила себе

Флетчера, который, крадучись, как шпион, подбирается к моему подъезду и, оставив пищу «для заключенной», срывается с места преступления быстро и тихо, чтобы, согласно немецкой поговорке, «не будить бешеных собак»…

Глава 46
«Конвой» строгой родственницы. Зима 2001 года

Пока сын гостил в России и я была одна, казалось, можно было хоть на какое-то время отключиться от суеты сует, от внешнего мира. Но расслабляться я не умела, кроме того, мне не давали покоя мысли о Хансе… Я успела изучить характер своего престарелого «скорпиона», все его слабости и достоинства. В конце концов, я привыкла к нему. Отлично понимая что Ханс жив и здоров, я все же тревожилась: обычно старики тяжело переносят разлуку с домом, с привычной обстановкой, со своим диваном… И еще я понимала: хоть Мюллер и «сделал ноги», официально он все еще является моим мужем. Поэтому должен хоть как-то финансово мне помогать. С конца прошлого года я начала учебу на курсах бизнес-менеджмента и работу могла получить только с их окончанием.

Деньги были нужны не только на жизнь, но и на дорогу. Того, что платила служба занятости, часто не хватало даже на автобусные билеты, если для встречи с работодателем приходилось ехать в другой город.

Решение пришло неожиданно: позвонить Хансу на мобильный телефон.

К моему удивлению, он сразу же ответил на звонок. Боясь, что муж бросит трубку, я быстро проговорила:

– Ханс, здравствуй. Как самочувствие? И… когда ты собираешься домой? – В трубке воцарилась тишина, и я решилась продолжить: – Ханс, у меня проблемы с деньгами. Может, ты мне немного завезешь? У меня продукты кончаются… – Я намеренно сгустила краски.

– Я… подумаю… хорошо… – стал запинаться от неожиданности Ханс.

Похоже, сценарий брата не предусматривал мои звонки на его мобильный. Ханс не знал, что можно или нужно говорить.

На следующий день, под конвоем строгой родственницы (как бы старик совсем не размяк, если один поедет), Ханс появился на пороге нашего дома. Он выглядел растерянным, но очень милым и добрым. И каким-то немножко другим. Я никак не могла вспомнить, кого он мне сейчас напоминает. Наконец до меня дошло: того славного, доброго дядечку, каким он предстал передо мной при нашем знакомстве. Такого хорошего, который не то что

человека – малюсенькую букашку не обидит!

Глядя на этого милейшего пожилого джентльмена, никто бы и не подумал, что еще недавно он устраивал жене сцены в духе Отелло. Просто невероятно!

Строгая сестра умершей жены Ханса не сводила с него глаз, и я поняла, что время разговора подконвойной жертвы и обвиняемой ограничено.

Не сняв зимней куртки, Ханс прошел в мою комнату.

– Вот тебе немного денег. – Он с виноватым видом протянул несколько мелких купюр. – А там посмотрим, как дальше…

– А ты что, совсем не собираешься возвращаться, Ханс? Я тут одна… Новый год, Рождество… Саша полетел в Россию. Все меня оставили… И ты тоже… хорош муж… сбежал…

Родственница позвала из гостиной, и Ханс, как послушный пес, бросился к ней.

Я пошла за ним.

«Давай… Поговорили, и будет, поехали!» – как будто говорило выражение малоподвижного, делового лица надзирательницы господина Мюллера. А глаза кричали: «Нечего этой русской доверять. И давать ей ничего не надо! Она ведь не немка, чего ее жалеть! Чужая она нам. Чужая… И все тут. Кончено! Хватит!» Потом строгая конвоирша сказала:

– Ну что, Ханс, поехали. А то к обеду не поспеем…

Да, в их возрасте это было важно: вовремя трапезничать. Традиции… Традиции и ритуалы старого, правильного во всем поколения. Все должно быть «как у людей». Тут ничего не попишешь…

Видно было, что Ханс медлит. Он был у себя дома и мог здесь остаться, но… как же тогда сценарий брата? Как же весь план? Да и сестра его умершей супруги скандал устроит… Ничего не поделать… Нет, ничего не поделать…

«А так бы я с радостью… с радостью бы остался…» – было просто написано на его виноватом лбу.

Глава 47
Как жить дальше? Условия адвоката

Я позвонила в Россию, спросить у сына, как дела, и Саша начал умолять меня позволить ему еще на недельку задержаться у папы и бабушки. Я не знала, что ответить. Он должен был возвращаться в Германию в середине второй декады января. Чтобы принять окончательное решение, я отправилась к своей адвокатше.

– Конечно! Оставьте сына на время у родных, – мягко улыбнулась мне полная, уютная дама. – Это вам даже удобней. Пока его нет, потихоньку разберетесь и с супругом, и с претензиями иностранного комитета.

Адвокату-немке легко было давать такой совет. У нее никогда не было проблем с получением или продлением визы в Германии. Она не была в этой стране иностранкой.

Конечно, морально мне было бы легче, если бы Саша находился рядом со мной. Но в сложившейся ситуации у меня, похоже, не было другого выхода. И я решила последовать разумному совету опытного юриста – отсрочить приезд сына в Германию.

В середине января произошло небывалое: Ханс Мюллер наконец вернулся из вынужденного «отпуска» у родственников в родную квартиру. По его словам, он сам устал так долго «быть в гостях». Но я понимала: он выполнил волю брата. Сценарий отработан. И вероятно, как считал Хуберт, дело было сделано.

Несмотря на некоторое чувство вины, настроение у Ханса было прекрасное. На его стороне, как и до этого, находилась армия сочувствующих, поддерживающих, контролирующих и советующих ему, как поступать, как вести себя, что говорить… Он был у себя дома. Во всех смыслах. Он жил в родной стране.

На моей сторон ехоть и была юридическая поддержка, но не было близких людей, тех, кто помог бы словом, дал бы в это тяжелое время хоть немного моральных сил и надежды на будущее, на лучшее…

Переписка между нашими адвокатами продолжалась и обрастала все новыми подробностями: замечаниями о невозможности для «старого человека жить под одной крышей с неподходящей, по сути, персоной» (далее перечислялись болячки «старого человека» и его страдания), а также указаниями на то, что его супруга «должна самостоятельно жить и обеспечивать себя, так как вполне, согласно возрасту и состоянию, способна это

делать»… Никому и в голову не приходило, что с работой на рынке труда Германии не так все просто и что женщине в возрасте тридцати восьми лет (тем более иностранке) нелегко найти работу, целиком и полностью ее обеспечивающую.

Я, естественно, писала уже не десятки, а сотни заявлений на работу, включая волонтариат. Для последнего мой возраст превышал желаемый. А для нормальной работы в Германии у меня не было местного диплома об образовании (кроме курсов менеджмента), на основании которого эту самую работу можно было бы найти – да еще так быстро, чтобы жить самостоятельно и только на свои заработанные.

Видит бог, я стремилась к независимости. Но мой диплом филолога Ленинградского университета, где согласно английскому переводу и решению Гаагской конвенции, стоял статус «magister» (академик), не был признан в Германии. А поскольку в этой стране на документы, дипломы и сертификаты смотрят так же строго и требовательно, как на чертежи космических кораблей, шансы на получение приличной работы были ничтожны.

Даже работу ниже моей квалификации, например в офисе, было трудно найти. Я владела современными компьютерными программами и могла работать как секретарь или помощник. Но работодатели предпочитали молодую, а значит, дешевую рабочую силу. Не говоря уже о том, что в этой стране процветала дискриминация иностранцев. Другими словами, если на одно место подавали заявления немка и иностранка, работу получала, конечно же, немка. Это было естественным ходом вещей. Исключением мог стать только тот факт, что иностранец имеет диплом и отвечает требованиям работодателя на все сто. В этом случае можно было рассчитывать на «справедливость». Сами по себе умения и таланты здесь никого не интересовали. Уже не говоря о том, что «витамин В» был решающим аргументом в получении рабочего места.

То, что мне так крупно повезло со всемирной выставкой, было, скорее, исключением, а не правилом. Тем более проект этот был эксклюзивным и интернациональным.

Дни января летели. Переписка адвокатов, в особенности письма стороны, представляющей интересы мужа, действовали на меня угнетающе, и я постоянно спрашивала себя: что я должна сделать, чтобы меня наконец оставили в покое? Я и так напрягаюсь, как могу. Когда же наконец все это закончится?

Я рассчитывала, что скоро вернется сын, и все встанет на свои места. И я наконец обрету долгожданный внутренний покой. А еще – независимую от немецких адвокатов, нормальную,

размеренную человеческую жизнь.

Глава 48
Письмо из иностранного комитета. Бравура Ханса

В середине января, когда я после очередной поездки на собеседование в Гамбург вернулась домой, нашла в почтовом ящике письмо, адресованное мне. Это было письмо из иностранного комитета. Я вскрыла его и прочитала:

> *«Ваше пребывание в стране, согласно проверке нашим комитетом от 11. 12. 2000 г., является незаконным. По этой причине вам следует оставить страну в течение двух недель. Если вы этого не сделаете, вы будете в установленном порядке выдворены из Германии полицией и пограничной службой в течение сорока восьми часов».*

Я показала письмо мужу со словами:

– Вот цена твоих усилий в клевете на меня. Что я могу еще сказать? Спасибо, Ханс. Спасибо тебе за *все*!

Ханс взял письмо. И тут началась игра в героя на дому, в этакого рыцаря, мирового спасителя, который в силах разрешить всякое недоразумение и снова привести растрепанный мир в порядок… Стоит этого ему только захотеть…

– Да как они смеют такое писать! – с показной злобой, патетически воздев руки, завелся Ханс. – Да я им покажу, кто я! Что они за муру тут пишут… Я твой муж, и я решаю! Один я решаю, будешь ты здесь жить или нет! – продолжал он, встав из-за стола и маршируя из кухни в гостиную, оттуда в коридор и обратно в кухню. Письмо, которое он держал, было как будто флагом, которым он в такт своим шагам размахивал вверх-вниз, вверх-вниз и в стороны.

Я молчала. В грустной беспомощности (связалась с добрым человеком…) я думала только о том, что нужно срочно обращаться к юристу за разъяснением.

Между тем Ханс разошелся не на шутку. Он был зол – на письмо, на эту формулировку, – но до него так и не дошло, что всю кашу заварил не иностранный комитет. И не Хуберт. А он сам, Ханс, не подумавший о последствиях губительной деятельности своего брата.

Посещение иностранного комитета в Падерборне было определено Хансом, как первое и спасительное мероприятие. Все еще возмущаясь наглостью формулировок и указанной в письме

датой высылки жены из Германии, он готовился к серьезному разговору с чиновниками. Но я и без юридического диплома понимала, что все это мыльные пузыри. Я знала Ханса и знала о его страстной смелости и бойцовских качествах только в стенах квартиры… Понимая серьезность содержания письма и самой ситуации, я рассчитывала на компетентность и поддержку юриста.

Но в иностранный комитет мы все же пошли.

Уже не первый день у Ханса болела правая нога, и он брел, подволакивая ее и несколько примедляя свой шаг. У меня было смешанное чувство паники, отчаяния, пустоты и беспомощности. Поскольку Саша находился еще в России, я думала о нем, но от волнения мысли путались: «Как быть с сыном? Что теперь делать… Надо все это обсудить с юристом…» – стучало у меня в голове.

Мы подошли к кабинету чиновников. Я – внешне спокойная и уверенная в себе. Ханс же – с видом героя, который сейчас, немедленно, покажет всем «кузькину мать» и одновременно устроит «веселую жизнь». Благо, смелостью и военной выправкой он обладал. По крайней мере, был в этом очень уверен.

К счастью, никого из посетителей перед кабинетом не было, и мы смогли сразу зайти. В кабинете сидел хорошо знакомый господин Шлитт, в декабре приходивший на проверку в нашу квартиру. Это был тип, который, щурясь, смотрел на всех иностранцев как на потенциальных преступников и нарушителей правопорядка, а смыслом жизни и целью своей работы считал очищение Германии от этих самых иностранцев. Во всяком случае, такое мнение сложилось у меня, пока я ходила в иностранный комитет для получения документов, подтверждения или продления своей визы. Всякий раз, покидая этот кабинет, я замечала ненависть, презрение и недовольство на горькой мине этого молодого чинуши, который имел власть над людьми и ненавидел их – за то, что *они* вечно чего-то хотели от *его* страны.

Излишне и говорить, что у господина Шлитта, наверное, было ощущение экстаза, когда он получил письменное донесение на меня от заботливого брата Ханса.

Чиновник пригласил нас сесть и спросил – конечно, без улыбки! – чем он может быть полезен. Ханс в один момент потерял свои мужество и пафос, которыми только что бряцал в коридоре, перед дверью этого кабинета. Повисшая в воздухе пауза указывала на растерянность и замешательство «бравого бойца». Потом Ханс, хорохорясь, как еще не совсем состарившийся петух, начал, запинаясь, свою речь.

Он описал ситуацию с письмом, свое удивление… Чему тут,

собственно, удивляться? Иностранный комитет любит проверки и почесывает руки от удовольствия, выявляя обманы, нарушения закона и т. д. Но Хансу хотелось показать, что он-де все решает… Он же – муж, черт возьми! Кроме того, кто вообще этот господин Шлитт? Да он ему, Хансу, сопляк сраный, в сыновья годится! Недовольство Ханса было просто написано на его лице.

Ситуация была смешной… жуткой… позорной… Для меня. Мне от всего этого хотелось под землю провалиться. Но я молчала… Ханс карикатурно размахивал кулаками после драки… Его жест уже ничегошеньки не мог изменить, так как поезд тронулся, и мои акты были отложены в особую стопку с пометкой: «Выставить из страны. Срок – до 28. 01. 2001».

Продолжая спектакль, Ханс наклонился к своим ботинкам и стал развязывать шнурки, показывая, что он, пенсионер и ветеран, на особом счету, что у него вот нога болит и надо бы к его ситуации повнимательней отнестись. И нечего ему, старому, доброму человеку, свои условия диктовать! Нечего тут, понимаешь… Он знает жизнь не по книжкам. Да!..

– Господин Мюллер! – прервал Ханса чиновник. – Для нас не имеет никакого значения, кем вы приходитесь этой фрау. По результатам проверки… от одиннадцатого декабря… у нас возникли подозрения в фиктивности ваших отношений. И они подтвердились показаниями многих людей, в том числе вашего брата, Хуберта Мюллера.

Где-то на краю своего мелкоэгоистичного мышления Ханс понимал, что его брат, наверное – совсем капельку, – зашел слишком далеко. Но, к сожалению, у меня не было впечатления, что Ханс сознает всю серьезность положения в этой стране своей жены и ее сына Саши. Ханс был наивно зол на этот «идиотский» иностранный комитет, который «позволяет себе все, что ему вздумается».

Вконец разозленный, Ханс опять наклонился, чтоб завязать свои шнурки. Но хоть он и пыхтел, как старый паровоз, на чиновника эффект больной ноги не подействовал. Тогда, решив не сдаваться, Ханс набрал в грудь воздуха и грозно спросил Шлитта: «Где сидит ваш начальник?»

В кабинете, на который указал ему Шлитт, Ханс строго посмотрел на пожилого служащего за столом и сообщил, что тот вскоре получит от него письмо и что он, Мюллер, не позволит с собой так обращаться.

Со стороны, наверное, ситуация выглядела абсурдно. Такое просто не придумать! Но я не смеялась. Это была моя собственная жизнь – трагедия, которую уже никакой «муж» не мог изменить.

Здесь нужна только профессиональная и компетентная

помощь юриста».

Глава 49
Компромисс. Аргументы адвоката

Несмотря на то, что мы с Хансом теперь находили общий язык, его адвокат настаивала, чтобы я выезжала из нашей общей квартиры, оставив «бедного, больного старика» в покое. Она аргументировала это тем, что совместная жизнь ее подзащитного с «такой женой» для него невозможна и даже опасна!

После бессмысленных усилий, поездок на собеседования в разные города и веси (а не только в радиусе пятидесяти километров, как это предпочитают делать в поиске работы немцы) я пошла на компромисс. Я больше не могла терпеть давление и хотела изменить ситуацию. Мой врач-стоматолог помог советом и дал адрес жилищного кооператива, предлагающего недорогие и частично поддерживаемые государственной дотацией квартиры.

В разговоре со моим адвокатом (флегматичная немка не дремала, а активно занималась моим делом) я выяснила, что ничего не нарушала в браке с Хансом. Я вела себя, как и подобает супруге, заботясь об общем хозяйстве, о семье, проводя время совместно и приезжая после трудной, ответственной, стрессовой работы в общую квартиру. Все байки об «отсутствии секса в браке» были актуальны скорее в семидесятые годы (иронично улыбаясь, адвокатша махнула рукой назад). С беспокойством я спросила ее о возможности сына приехать сейчас в Германию. Юристка, тепло улыбнувшись, неторопливо произнесла, что лучше все-таки подождать, пока вся переписка с иностранным комитетом «устаканится» и все, как говорится, встанет на свои места.

Читая требования адвоката Ханса, она добавила, что подобный шантаж и вся эта «старческая завихрень», какие я терпела в последние месяцы, просто невыносимы. Ни для кого! И что в этой ситуации мне действительно есть смысл выехать из общей квартиры.

– Фрау Мюллер, – говорила нараспев адвокатша, – два необходимых года вы в браке с немцем прожили? Прожили. Это факт. А на момент января 2001 года, это было уже более чем два года. Так что если супругу вздумалось куда-то уехать или исчезнуть, это не влияет на факт совместного проживания. Не говоря уже о том, что конфликты и кризисы, ссоры и непонимание, и даже исчезновение супруга возможны в любой семье, с любой разницей в возрасте. Чего в жизни не бывает!

«Мне бы такое спокойствие, как у нее, – подумала я. – Да… Об этом я могу сейчас только мечтать…»

– А аргументы с маразмом старика, которые приводит его же адвокат… – продолжала она с легкой улыбкой. – Ну… что ваш муж вначале говорит одно, а потом утверждает другое… В конце концов, он сам не знает, что ему надо и чего он хочет! Эти аргументы очевидны и вполне могут стать объяснением вашего вынужденного выезда от супруга, из общей квартиры.

Слова эти юрист распевала, как колыбельную, подобно матери, успокаивающей собственное дитя. И мне стало легче. «Мне нужно параллельно к юриспруденции курсы релаксации и психотерапии проводить, – подумала я, глядя на адвокатшу. – Такая немецкая пышечка дородненькая и такая спокойная. Просто прелесть!»

Глава 50
Переезд в католический Падерборн. Такое желанное ПМЖ

На курсах бизнес-менеджмента, проводимых одним из образовательных центров Падерборна совместно со службой занятости, планировалось из сотни отведенных на всю программу часов малую их часть уделить теории менеджмента, а большую часть времени посвятить практике – непосредственно на предприятии или фирме. Этот «трюк» использовался службой занятости, чтобы безработных и довольно квалифицированных людей – все академики! – поскорее устроить на активном рынке труда. И хотя в моей группе были и безработные немцы (педагоги, инженеры, даже профессор литературы, все старше тридцати пяти), их тоже вместе с иностранцами – мной и филологом из Франции, чей диплом германиста (просто скандал!) не признавался в Германии – служба занятости намеревалась поскорее отправить в статистику – «ящик» работающих. Таким образом, можно обновить и подправить цифры и снова закрыть этот «ящик». А тасовать карты и менять цифры в статистике было любимым, если не самым основным, занятием службы занятости Германии (а может, и всех служб занятости во всем мире?!).

В небольшом провинциально-католическом городе Северной Вестфалии, где проживало приблизительно триста пятьдесят тысяч человек, была только пара библиотек, но зато на каждом углу стояла католическая церковь. И в Падерборне, и во всей округе издавна велось только сельское хозяйство. Даже несмотря на наличие с конца семидесятых годов местного университета, менталитет проживающей здесь публики оставлял желать лучшего. Население городка было местечковым, ограниченным. Исключение, по понятным причинам, составляли сотрудники университета, в особенности преподаватели и члены их семей. В маленьких городах Германии подобное было скорее правилом, чем исключением, потому дискриминация по отношению к иностранцам здесь здорово ощущалась и была куда более выпуклой и даже дикой со стороны немцев по сравнению с крупными развитыми городами этой страны.

Там испокон веков складывались совершенно иные культурные отношения: от акцента или другой внешности никто не шарахался и не делал кислых мин ни в иностранном комитете, ни в булочной, а демократия работала в головах у людей, а не

только на страницах залежавшихся в библиотеках пыльных книг или малочитаемых местных газет.

Люди из нашей страны, даже при наличии в ней советской системы и железного занавеса, были куда более открыты миру и обществу, культурнее и образованнее, чем жители вот таких маленьких или средних городов индустриальной и влиятельной страны в центре Европы!

Иногда я думала: как же так? Ведь любой средний немец ездит отдыхать по всему миру: от Турции до Майорки, от Скандинавии до Австралии. Наверняка видит и африканцев, и французов, слышит, что русские или поляки тоже проживают в Европе. И там, в гостях, немец проявляет толерантность. А как у себя в стране, так сразу ревностное отношение (читай – национализм) по отношению к чужим.

Вот в такой город, хоть и побольше курортного Бад-Липшпринге, я и попала. В новую квартиру я перебралась с помощью своей немецкой подруги по всемирной выставке Сибиллы, специально для этого приехавшей из Ганновера. На время отъезда – на сей раз, чтобы «не ножом прямо в сердце!» – Ханса опять забрали к родственнице.

В Падерборне я нашла сразу два места для практики, и у меня был выбор между фирмой «Сименс» и городской администрацией. Я приняла решение в пользу последней на основании своего филологического образования. Практика, согласно контракту, должна была проходить в течение пяти месяцев и была больше работой пиарщика: поиск информации, просмотр газет, подготовка материалов для местного радио, написание статей. Я выкладывалась как могла, проявляла инициативу, но в таких отделах место практиканта не считалось чем-то особенным. В сущности, это был какой-то небольшой механизм в колесе каждодневных дел. Инициативу никто не ценил. Если человек обладал индивидуальностью, то это скорее мешало, чем помогало. Ну а если он еще и иностранец…

Руководителю отдела, типичному местечковому немцу, было плевать на мои усердие и опыт. То, что я забирала у них часть нагрузки, выполняя ее «забесплатно», никого не волновало. В Германии любят халявную, особенно чужую, инородную, рабочую силу. В местной администрации отдел по работе с общественностью считал себя если не пупом земли, то уж центром всего Падерборна и округа! И работники этого отдела полагали, что не они должны благодарить практиканта за бесплатную помощь, а он должен на них молиться за то, что имеет честь проходить практику в этих стенах.

Как и прежде, я покупала газеты и искала в них подходящую

работу вне Падерборна. Я надеялась выбраться со временем в более цивилизованный и интересный немецкий город, где нет такого дикого отношения к иностранцам.

По прошествии двух лет у меня все еще была временная виза, которую необходимо было продлевать. И вот наконец после всех перипетий, переписки официальных учреждений и адвокатов наступил особенный в моей жизни день. Мне поставили в паспорт штемпель вида на жительство. А точнее, наклеили роскошный фирменный знак постоянного проживания в Германии. Ах, это долгожданный день, но какой ценой он мне достался!..

С момента моего приезда в эту страну прошло уже два года и девять месяцев…

День, которого я так долго ждала… Но не было особой радости. Я устала бороться за свои права и отстаивать свою честь. У меня появились даже какая-то апатия, равнодушие, осознание, что иначе и быть не может. Радость, счастье? Нет, таких чувств я давно не испытывала.

Помимо этого выяснилось, что мой сын, выехавший на зимние каникулы, теперь на протяжении полугода не сможет вернуться ко мне в Германию. Мне нужно было снова и с самого начала собирать его документы на въезд в страну.

После окончания курсов менеджмента у меня была только неполная ставка и временная работа в качестве официантки в ресторане Бад-Липшпринге, что не являлось положительной предпосылкой при подаче документов. Оптимальным в моем положении было бы иметь полную ставку. Но где ее взять, если ты иностранка и тебе далеко за двадцать пять? Кроме того, отец Саши не давал разрешения на выезд сына. Все это приводило меня в отчаяние, и я спрашивала себя: какой смысл в принесенных мною жертвах, если Саша, ради которого я пошла на этот брак, не рядом со мной, своей матерью, а снова в России?

Теперь я понимала, что получение ПМЖ – это еще не все для того, чтобы жить достойно и быть счастливой. Далеко не все! После пережитого я стала другой. Уже не прежней Анной, наивно полагавшей, что мужчина, давший слово, сдержит его, а чужая страна примет меня в широко распахнутые объятия. Да, я была открыта миру. Но такой же открытости не следовало ждать от других. Я все это понимала и осознавала, что передо мной сейчас стояли новые цели. И новые задачи.

Опять возник вопрос: а что дальше?

Теперь все свои знания и энергию я собиралась направить на стабилизацию своего экономического положения, на поиск работы, если нужно – обучение на новых курсах. Я верила в свои силы. И не хотела сдаваться лишь только потому, что я здесь

иностранка. Кроме того, у меня не было другого выхода. Я очень хотела, чтобы мой сын приехал в Германию, а для этого я должна сделать все, что только в моих силах…

Эпилог

Прошло почти четыре года с тех пор, как я приехала в Германию. За это время я многое поняла о жизни в этой стране и уже не относилась ко всему так наивно и со слепым восхищением, как прежде. Западный мир не представлялся мне больше волшебной сказкой. Демократия здесь, к сожалению, существовала в основном на бумаге, а если работала, то лишь на определенных уровнях и при удобных условиях. И далеко не для всех! Чужие в Германии оставались чужими, даже те, кто был здесь рожден во втором, в третьем поколении и владел свободно немецким, наряду со своим родным языком (турки, хорваты, албанцы, греки). Исключение составляли немногие и лишь сумевшие получить здесь достойное образование и престижную немецкую «корочку».

Моя приятельница Мэри, приезжавшая ко мне на свадьбу, была по образованию экономистом, при этом много лет работала уборщицей в доме престарелых. Эту участь разделяли многие русские и аузидлеры за тридцать пять – те, кому язык не давался легко и кто не имел шанса найти достойную работу в этой стране, даже имея диплом о высшем образовании…

Муж Маши был разведен и имел двоих сыновей-школьников, которым выплачивал алименты. В связи с этим он не желал больше детей – для обыкновенного служащего почтового ведомства это означало бы слишком много ограничений. К материальным вопросам этот человек подходил по-немецки: сухо и по-деловому.

Поначалу Маша очень страдала от того, что муж лишил ее радости материнства. Со временем она улучшила свой немецкий, окончила курсы по работе с детьми-инвалидами и нашла удовлетворение и смысл жизни именно в этой работе. Маша отдавала нуждающимся и слабым все свои знания и тепло истинно русского доброго сердца. Такие организации, включая дома престарелых, где работа по уходу за больными особенно тяжела, и стали для многих россиян, особенно аузидлеров, буднями их жизни на Западе.

Беттина, отрабатывая свое «замужество» в борделях и рассчитываясь за это с сутенерами, спилась окончательно, более того, стала зависимой от наркотиков. В свои двадцать шесть лет она выглядела почти на сорок и превратилась в брюзжащую, недовольную всем миром бабу, больную и несчастную.

Бедная Изабель, работавшая в видеосекс-шопах, никак не могла рассчитаться с Евгенией. Ее психическое состояние

становилось все более неуправляемым. Чувство страха, зависимости и одиночества она гасила водкой. Однажды после алкогольного отравления ее увезли в больницу. Но у Изабель не было медицинской страховки, а платить огромные деньги за лечение из собственного кармана ей было не под силу. Вернувшись в секс-шоп, после нескольких дней душевных мук, истерики и запоя, окончательно отравившего ее тело, она умерла. Изабель не было и двадцати семи…

Марайка – украинская Мерилин Монро, секс-дива из борделя – вышла замуж за одного из своих клиентов, немца пятидесяти шести лет, и осела в Германии, превратившись в дородную, вполне довольную жизнью украинскую немку.

Литовка Линда по-прежнему регулярно приезжала в бордель, собирая денежки на новую квартиру и моля Бога (или черта) о помощи. Ей было уже далеко за сорок, но она пыталась изо всех сил молодиться и делала бесконечные пластические операции.

Высокая и стройная «жирафа» Диана тоже не упускала случая подзаработать, к чему, похоже, привыкла и ее матушка из Рязани, с пониманием относясь к прихотям доченьки. Хотя Диане было далеко за тридцать, благодаря своему росту она все еще умудрялась оставаться в числе особенных и пользовалась спросом у клиентов. Муж Дианы, отсиживавший последние годы в немецкой тюрьме, как и прежде был в курсе ее приработка. По словам самой «жирафы», муж надеялся, что скоро выйдет из заключения и его Дианхен будет с ним жить в любви и согласии, пока смерть не разлучит их.

Баркиперша Карла, хорошо подзаработав на чертовом бизнесе, осуществила свою мечту и на накопленные деньги купила дом в Австрии. Будучи уже в возрасте за шестьдесят, она прекратила работу в сомнительном учреждении и ушла на заслуженный отдых.

Русская сутенерша Евгения и ее жених, грек Кириякос, сыграли роскошную свадьбу, обвенчавшись в греческой православной церкви.

Они продолжали заниматься поставкой живого товара в центр Германии. Отмывая грязные деньги, приобрели еще и дискотеку. Евгения стала еще более жестокой и бездушной. Кириякос был слаб характером, но, живя и работая в упряжке со своей женой, приносящей дивиденды, старался как мог и почитал вторую половину. Детей им Бог не дал. У Евгении были только болезненные выкидыши, и она оставила попытки завести малышей.

Генриха вызывал на допрос финансовый комитет. Поскольку хозяин бара долгие годы не платил налоги немецкому

государству, дело перешло в руки юстиции. Все бывшие клиенты борделя, чьи данные были идентифицированы (в том числе и Флетчер), теперь проходили по делу как свидетели. А в заведение красного мелье частенько захаживали не только массоны и работники университета, но и комиссары полиции…

И все же Германия, как и вся Европа, учится демократии и делает schritt für schritt (шаг за шагом) на пути к будущему – на благо культурного и экономического роста и на благо своих граждан…

В течение последних семи лет в семейное законодательство Германии был внесен ряд изменений и поправок, касающихся брака немцев с иностранцами. В них, в частности, говорится о невозможности составления такого контракта, где в случае развода отражаются интересы только одной, немецкой, стороны, при том, что другая остается ни с чем. Таким образом, прежние формулировки в защиту интересов лишь немецких граждан, как экономически сильной стороны, теперь в Германии признаны недействительными.

notes

Примечания

1

Моя девочка (*нем.*).